

Альманах фантастики **Фантаскоп**

май месяц года сто сорок пятого от
Рождества Герберта Уэллса

№004⁵
2011

Авторы:

Евгений Якубович
Алексей Дуров
Сергей Казиник
Сергей Васильев
Владимир Марышев
Павел Губарев
Александр Гудко
Майк Гелприн
Виктор Мальчевский
Максим Горбулько
Ирина Лежава
Олег Марковский
Владимир Васильев (Василид 2)
Василий Быстров
Иван Ситников
Дмитрий Емец
Ильмир Амиров
Шлифовальщик
Владимир Компаниец
Наталья Землянская

Барон Мюнхгаузен славен не тем, летал или не летал, а тем, что не врет!

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-2781 (The electronic edition)

<http://fantascop.ru>
<http://фантаскоп.рф>

Журнал (Альманах) Фантастики

ФАНТАСКОП

О журнале

(по ГОСТ 7.60-2003 — Альманах)

Проект «ФАНТАСКОП» родился в память о трагически погибшем 31.07.2008 г. Ташкине Дмитрие Сергеевиче, меценате, благотворителе, да и просто очень хорошем человеке. Страстным любителе неба, авиации и хорошей фантастики. Самолет в честь него мы сделать не можем, а вот альманах фантастики смогли.

Выражаем огромную благодарность всем его друзьям и близким людям, которые помогли в реализации этого проекта!

«ФАНТАСКОП» создан с некоммерческой целью и является самокупаемым (но не прибыльным) и направлен навстречу самой широкой читательской аудитории, любящей современную фантастику и фэнтези.

Миссия журнала в литературе — призвать людей думать, а не обходиться «жвачкой для мозгов», которой сейчас в изобилии. Именно по этой причине мы тщательно подбираем авторов и их произведения.

Мы приглашаем к сотрудничеству новых авторов, работающих в данных стилях и желающих донести свое творчество до читателя. Также приглашаем художников и фотодизайнеров для оформления журнала.

Свои работы и предложения Вы можете отправлять на info@fantascop.ru

Сайт журнала: www.fantascop.ru, и на нем Вы найдете всю необходимую информацию.

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-278 (The electronic edition)

<http://fantascop.ru>
<http://фантаскоп.рф>

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Человеческие возможности велики. Человеческая фантазия — практически безгранична. Мистики говорят, что фантазирование, по сути, является формой молитвы. Но только при выполнении ряда условий: четкость картинок, яркость образов должны быть высоки, а мысли — ясными и последовательными. Ладно построенное в мирах чувств и мыслей имеет немало шансов обрести материальные формы. А кто является настоящими зодчими свежих идей? Конечно же, фантасты. Особенно те, которые постоянно «повышают квалификацию», не жалеют времени и сил, создавая в своем сознании все новые и новые сюжеты. По сути, они являются магами, способными изменить нашу реальность. Но в одиночку они такой задачи не потянут. Им нужны «усилители». И таковыми являются читатели. Талантливый (именно так!) читатель может прочувствовать произведение не менее сильно, чем сам автор. Как там у поэта Андрея Дементьева: «...Пусть другой гениально играет на флейте, но еще гениальнее слушали вы...». Уверен, наши читатели, по большей части, — одаренные воображением и весьма высокоинтеллектуальные люди. То есть, вместе мы представляем собой серьезную силу, способную влиять на настоящее и будущее.

Очередной номер «Фантаскопа» дает возможность развить свое воображение еще более эффективно, нежели предыдущий. По объему он уже походит на полноценную книгу, открыв которую Вы, наш дорогой читатель, сможете погрузиться в целых 20 самобытных и захватывающих повествований. Сопереживая их неординарным героям, Вы найдете свой любимый рассказ. Тот, в котором Вы сами бы захотели оказаться действующим лицом. Начнет работать воображение, сердце забьется быстрее, и Вы подумаете: «если бы со мной случилось такое, я бы...». И вот, Вы уже «поселились» в сюжете.... С этого момента начинается таинство преобразования окружающего всех нас мира.

Желаю увлекательного творчества!

*Искренне Ваш,
Александр Гудко*

РАССКАЗЫ

ДЕЛО О ПРОПАВШИХ СПЕЦИАЛИСТАХ

Космодром оказался слишком хилым и потрепанным для обещанных пяти звездочек. На невысоком, приземистом здании космовокзала горели непропорционально большие буквы приветствия: «Добро пожаловать на Демокритию — планету продвинутой демократии и развитой экономики!». Повсюду красовались лозунги, призывавшие к производительному труду и продвижению демократии. Приглядевшись, можно было заметить, что щиты с лозунгами прикрывали ржавеющую старую технику и дыры в бетонном покрытии, из которых торчали обломки труб и куски кабеля.

Автоматический лоцман сообщил о благополучном завершении маневра посадки и объявил, что экипажу запрещается покидать корабль,

— К вам направляются представители администрации космопорта. С ними вы решите все вопросы, связанные с оформлением вашего прибытия на нашу планету.

Андрей выглянул в иллюминатор. К кораблю приближалось немыслимое транспортное средство, переоборудованное из старого пассажирского трапа. В средстве сидело полдюжины мужчин в одинаковых строгих костюмах, белых рубашках и галстуках. Галстуки были разные.

Делегация в полном составе поднялась на борт и вошла в рубку.

— Рады приветствовать вас на Демокритии, планете продвинутой демократии и развитой экономики! — сообщил самый толстый из группы делегатов. — Позвольте представиться, потомственный министр взлетной полосы Баричелли XXII. А это мои коллеги: потомственный министр Синг XVI, потомственный министр Петерсон XII и потомственный министр Рабинович II.

— А что это у вас такой маленький номер? — автоматически спросил слегка обалдевший от неожиданных титулов Андрей.

— Простите, — ответил самый младший из делегатов, — наше министерство недостаточно древнее. Я получил портфель в наследство от своего отца всего год назад. Однако я уже не назначенный, а настоящий потомственный министр, — подняв голову, гордо сообщил он.

— Ну что же, господа потомственные, будем знакомы. Андрей Карачаев, владелец и капитан этого судна. Прибыл на вашу планету для работы по контракту главным инженером рудника.

— Чрезвычайно рад нашему знакомству, — церемонно поклонился толстый. — А теперь перейдем к делу. Мои обязанности состоят в том, чтобы взыскать с вас налог за пользование посадочной полосой.

Он назвал довольно крупную сумму и тут же пояснил, что если уважаемый владелец корабля сразу же заплатит и налог на взлет, то ему будет предоставлена ощутимая скидка; если же оплата будет произведена в галактических долларах, то скидка станет еще более значительной.

Андрей, старавшийся никогда не ссориться (по крайней мере в первые же минуты) с властями новых планет, выписал чек на требуемую сумму. Это вызвало оживление среди оставшихся, и они гурьбой набросились на Андрея. Было предъявлено к оплате: стояночные для министерства стоянок; рулежные для министерства рулежек; ремонтные для министерства ремонта, и что-то еще для кого-то там. Андрей, заподозрив неладное, пытался отказать, но был остановлен заранее подготовленными официальными бумагами с фиолетовыми печатями и красными гербами. Проклиная все на свете, Андрей уплатил требуемые суммы.

Получив чеки, делегация поспешно удалась. Пожав плечами и чувствуя справедливое раздражение, Андрей взял чемоданчик и отправился к космовокзалу. В комнате въездного контроля его поджидала группа лиц в костюмах, галстуках и с портфелями, чрезвычайно похожая на предыдущую компанию. В том же порядке ему были предъявлены посадочно-стояночно-рулежные счета.

— Ну уж нет, господа, — возмутился Андрей, — вот квитанции, я все оплатил еще на борту корабля.

Встречающие погрузнели, но напора не сбавили.

— Ай-яй-яй, какая неожиданная накладка. Видите ли, вас встретили представители министерств взлетного поля. Мы же представляем собой министерства космовокзала. К тому же, согласно вчерашнего постановления правительства, взлетное поле переходит в наше подчинение. Теперь вы понимаете, что они просто не имели права взимать с вас налоги, так как это исключительно наша функция. Однако, — добавил говоривший, увидев вытянувшееся лицо Андрея, — мы пойдем вам навстречу. Вы будете приятно удивлены. Мы сделаем вам персональную скидку. Да, да, не благодарите, это наш долг. Поскольку вы уже оплатили часть налогов для взлетного поля, то мы уменьшим стоимость на эту сумму. Согласитесь, это большая уступка с нашей стороны.

На стене над головами министров висели свежие постановления с невысохшими еще печатями. Они выглядели так грозно, что Андрею осталось только пробормотать: мол, конечно, это чрезвычайно любезно с их стороны, и подписать новую партию чеков. Встречающие расхватили чеки и, пожелав Андрею приятного времяпровождения, исчезли. Андрей, наконец, смог выйти в зал ожидания.

Встречавший Андрея демокритянин был немногословен. Он взял его чемоданчик и направился к выходу. Ага, — с облегчением подумал Андрей, — этот денег не потребовал, значит, не министр. Он уже стал разбираться в обстановке.

Они вышли из здания аэровокзала и очутились на широком проспекте. Через проспект был протянут транспарант с лозунгом: «Чисто не там, где убирают, а там, где не пачкают!». Андрей мысленно пожал плечами, мало ли он их видел, этих лозунгов, и огляделся вокруг. На проспекте, похоже, действительно не сорили: в обозримом пространстве не виднелось ни одного клочка мусора.

Несмотря на отсутствие мусора, вид у проспекта был запущенный. Проезжая часть, на которой почти не наблюдалось машин, была вся в колдобинах, разметка отсутствовала. Давно не отремонтированные здания смотрели на улицу немывыми глазами окон. На тротуарах лежал хорошо различимый слой пыли. В пыли были протоптаны дорожки, по которым неловкой трусцой быстро передвигались редкие прохожие. Дорожки шли по внутренней стороне тротуаров, а в некоторых местах проходили вплотную к домам и становились совсем уж узенькими, словно идущие по ним пешеходы двигались боком, прижавшись спиной к стене. На внешней стороне тротуаров в таких местах высились невысокие весело разрисованные башенки со всевозможными лозунгами, призывающими граждан не сорить и бороться за соблюдение чистоты. На вершине башенок были установлены небольшие вращающиеся пушечки.

Андрей вынул из кармана сигареты и прикурил. Погасив спичку, он стал искать, куда ее бросить. Урны поблизости не оказалось — на проспекте урны отсутствовали напрочь, — но бросить спичку Андрей, к счастью, не успел. Ближайшая башенка ожила и со скрипом развернулась в его сторону. Одновременно с этим орудие на вершине башенки опустилось. По груди заскакал зайчик лазерного прицела. Онемевший от испуга Андрей обернулся к сопровождающему. Тот среагировал мгновенно. Он выхватил из руки Андрея сгоревшую спичку, медленно поднял ее перед собой, так чтобы было видно из башенки, и также медленно положил ее в карман. Лазерный прицел погас, но орудие продолжало смотреть на Андрея.

— Пожалуйста, — сказал сопровождающий, — погасите сигарету и спрячьте себе в карман. И осторожнее, подставьте, пожалуйста, ладонь, чтобы не просыпать пепел.

Подражая сопровождающему, Андрей медленно погасил сигарету и спрятал ее в карман. Башенка, неодобрительно загнув моторами, отвернулась. Андрей вытер со лба неожиданно выступивший пот.

— Мне говорили, что курить вредно, но чтобы настолько! — попытался пошутить он.

— Не надо принимать это близко к сердцу, — весело сказал сопровождающий. — Когда вы привыкните, то согласитесь, что мы нашли очень разумный компромисс.

— Какой компромисс?

— Видите ли, наша планета — это общество с продвинутой демократией и развитой экономикой. Все жители живут в достатке и занимают престижные должности. В таких условиях очень нелегко найти желающих работать дворниками. Поэтому был выдвинут лозунг о том, что надо просто перестать пачкать, — и убирать станет незачем. Надзор за выполнением был передан министерствам полиции.

— Вы хотите сказать, что, если прохожие не будут мусорить, ну, не бросать под ноги спички и бумажки, то этого достаточно?

— Ну, конечно, смотрите сами, какая вокруг чистота! — гордо закончил свои объяснения сопровождающий.

Андрей подумал, что понятия о чистоте на их планетах несколько различны.

В это время башенка снова ожила и со скрипом стала разворачиваться. Андрей с удовлетворением отметил, что на этот раз в противоположную сторону. Проследив за прицелом пушечки, он увидел, как на крышу здания приземлился тощий истрепанный голубь. Он сидел на карнизе, покачиваясь под порывами ветра, и дуло пушечки качалось вслед за ним.

— Птичку-то за что?

— Так ведь гадят, несознательные. Один такой может испортить многолетние усилия всего города.

Голубь, похоже, не первый раз смотрел в дуло направленного на него оружия борцов за чистоту. Не обращая на него внимания, голубь почистил перышки, огляделся по сторонам и двинулся вдоль карниза. Что-то ему там было нужно. К сожалению, в какой-то момент голубь не слишком удачно повернулся, и его задняя часть нависла прямо над тротуаром. Вероятность откровенного надругательства над чистотой и порядком стала настолько велика, что башенка решила предотвратить катастрофу. Раздался выстрел. Башенка не оставляла мусору никаких шансов. Пушечка на вершине оказалась субмолекулярным деструктором. Голубь превратился в легкое облачко, которое еще пару секунд сохраняло контуры птицы, а затем быстро рассеялось в воздухе. Не осталось даже запаха.

Андрей с сомнением покачал головой. Потом повернулся к сопровождающему:

— А она и меня так могла?

— Ну что вы! — как-то не очень убедительно пробормотал сопровождающий. — Она это так, для профилактики. У нас уже давно никто не мусорит, и вообще...

От необходимости уточнить, что именно «вообще», сопровождающего избавила сама башенка. Внезапно она снова развернулась к Андрею. Завыла сирена, загорелся проблесковый маячок. Орудие на вершине стало подозрительно подергиваться, как бы решая, стрелять уже наконец или еще потерпеть. Сопровождающий побледнел. Он взял Андрея под руку и подвел вплотную к башенке. Сбоку у нее открылось окошечко, из которого, жужжа, выскочила квитанция с уже знакомыми печатями и гербами.

— Что это? — оторопело спросил Андрей.

— Счет за оказанные услуги. Вот смотрите, министерство охраны чистоты проспекта Демократов. Счет за предотвращение замусоривания охраняемой территории. При уплате галактическими долларами предоставляется скидка.

— Рекомендуются оплатить немедленно, — добавил он, обращаясь к Андрею, — я надеюсь у вас есть доллары?

— Обойдется кредиткой, — злорадно ответил Андрей, уже разглядевший в окошечке считывающее устройство для кредитных карточек. Устройство призывно подмигивало красным огоньком.

— Я бы на вашем месте не рисковал, — смущенно пробормотал сопровождающий, незаметно отходя подальше.

— Ну уж нет, хватит с них наличных. Только кредитка на 5 платежей с отсрочкой начала выплат на полгода, — приговаривал Андрей, вставляя карточку в приемное устройство и стуча по клавишам автомата. Башенка нехотя приняла оплату и с обиженным скрежетом отвернулась.

Наконец все с облегчением уселись в ожидавший их экипаж. Андрей откинулся на мягкую спинку представительского лимузина и, предварительно спросив разрешения, с удовольствием закурил. Лимузин тронулся, поехал, подпрыгивая на ухабах, по проспекту и уперся в шлагбаум, за которым стояли вооруженные люди.

— Ну а это что? — спросил Андрей.

— Не обращайтесь внимания, это просто платный въезд на территорию министерства дорог этого района. Такие пункты стоят на всех границах районов. Видите ли, мы...

— Знаю, знаю, вы общество продвинутой демократии и развитой экономики. Что дальше?

— Э...мы... — видимо, сопровождающему было непросто построить фразу, не упомянув в ней о достижениях своей планеты. — У нас очень большое движение, и все время требуются деньги на ремонт дорог. Поэтому за проезд взимается плата. Это же естественно.

— Непохоже, чтобы эту дорогу когда-нибудь ремонтировали, — заметил Андрей.

— Что вы! — удивился сопровождающий. — Это один из лучших проспектов города. Он поддерживается в идеальном порядке. Вы не поверите, какие огромные средства тратит министерство проспекта Демократов на его содержание. Я покажу вам их ежегодный отчет.

Андрей рассчитался, и они поехали дальше.

— Черт побери, у вас этих министерств, как собак нерезаных. Вы можете объяснить, что тут творится?

— Ну, так как мы планета продвинутой демократии, то нам необходимо большое количество министерств.

— Интересно, почему же?

Сопровождающий посмотрел на Андрея, как на ребенка, которому надо объяснять элементарные истины.

— Но ведь это общеизвестно. Уровень демократии на планете определяется количеством министерств!

Остаток дороги до гостиницы Андрей не проронил ни слова, только молча курил. В гостинице его ждал номер, предусмотрительно заказанный и оплаченный заранее. Сопровождающий донес чемодан до двери и собрался уходить.

— Подождите, — Андрей сунул в ладонь сопровождающего заранее приготовленную купюру. — Спасибо. Похоже, вы спасли мне жизнь там, на проспекте.

На непроницаемом лице сопровождающего промелькнуло что-то вроде сочувствия. Он наклонился, будто поправляя неровно стоящий чемодан, а выпрямляясь, задержался возле уха Андрея и прошептал: «Вы ничего не понимаете, уезжайте отсюда как можно быстрее!» — потом развернулся и быстро ушел, не прощаясь.

Номер оказался очень уютным. Андрей уже привычно воспользовался кредиткой, чтобы зайти в ванную, и принял платный душ. Выходя, он предусмотрительно подпер дверь стулом, чтобы опять не захлопнулась. Поужинал консервами из полетного Н.З. (оставалось только гадать, во сколько обойдется ужин в местном ресторане) и сел к экрану информатора. Истратив остаток денег на кредитной карточке, он получил доступ к центральной библиотеке.

Через несколько часов Андрей собрал всю информацию. Картина получилась следующая. В свое время на планете существовало стабильное демократическое общество. Контролируемая государством экономика не развивалась быстрыми темпами, но обеспечивала стабильной работой большинство населения. Система социальной помощи давала возможность остальным безбедно и беззаботно существовать на пособия.

Десятки политических партий соревновались друг с другом на парламентских выборах, обещая все новые и новые льготы своим избирателям. Придя к власти, партийные функционеры, как правило, забывали об этих обещаниях и занимались в основном личным обогащением. Перед выборами их противники вскрывали злоупотребления, садились в министерские кресла сами, и ситуация повторялась.

Со временем экономика перестала выдерживать груз чрезмерного количества политиков и бесконечных выборов. Жизненный уровень снижался, каждое новое правительство обвиняло во всем старое, но само ничего не меняло.

Кризис казался неминуемым, когда очередной премьер-министр придумал гениальную комбинацию. Все оставшиеся партийные средства были вовлечены в небывалую пропагандистскую кампанию, результатом которой стал всенародный референдум. Была создана уникальная в масштабах всего Галактического содружества новая политическая концепция, а именно: институт пожизненного звания министра с правом передачи должности по наследству.

Идея заключалась в следующем. Политик, занимающий должность временно — до следующих выборов, занят в первую очередь тем, чтобы подготовить свое переизбрание. Он может сделать кое-какие косметические изменения, но не больше. Серьезные длительные проекты исключаются. Они вредны. Их результаты появятся после выборов, и их припишет себе сменщик.

С другой стороны, человек, знающий, что его должность не зависит от расположения или нерасположения избирателей, сможет заниматься непосредственно своей работой. Его сын будет с рождения готовиться к своей работе. Имея солидную материальную базу в виде отцовской зарплаты, он сможет получить соответствующее образование и стать достойным руководителем министерства.

Измученные бесконечными выборами граждане единогласно проголосовали «за». Первые же годы правления пожизненных министров показали дальновидность решения. Были проведены необходимые реформы, запущены серьезные экономические проекты. Демократия приблизилась по уровню жизни к самым развитым планетам Со-

дружества. Этому периоду были посвящены горы исторических трудов. Статистики не устали приводить сравнительные данные о состоянии экономики до и после Исторического Решения, как оно официально называлось.

Однако период расцвета быстро закончился. Члены оппозиционных партий, оставшиеся не у дел после назначения пожизненных министров, не смирились со своим положением и развернули активную подрывную деятельность. Органы безопасности все чаще сообщали о раскрытых заговорах. Было очевидно, что планете грозит гражданская война.

Тогда наследник покойного премьер-министра принял новое историческое решение. Поскольку удержать власть в одних руках уже не представлялось возможным, он решил этой властью поделиться. Количество существующих министерств было увеличено вдвое, а на должности новых министров назначены руководители подпольных оппозиционных организаций. Таким образом оппозиция практически исчезла. Официально же объявили о разукрупнении министерств в целях улучшения качества их работы.

Идея сработала, но ненадолго. Количество рвущихся к власти амбициозных политиков не уменьшалось. Каждое следующее поколение министров, чтобы удержаться у власти и избежать переворота, повторяло процедуру назначения руководителей подполья на новые министерские посты. Чтобы оправдать свои действия, правительство придумало лозунг о том, что уровень развития демократии измеряется количеством министерств. Демократия назвала себя планетой Продвинутой Демократии и окончательно погрязла в бюрократии и коррупции. Бесчисленные министерства, словно средневековые бароны, грызлись между собой. Единственной целью существования министерств стала добыча денег для обеспечения собственного существования. Экономика стремительно разваливалась. Редкие попытки наладить ее нормальное функционирование тут же захлебывались в бюрократических лабиринтах. Деньги, выделяемые из бюджета, не доходили по назначению — их проедал и разворовывал управленческий аппарат.

— Ну вот, теперь все ясно, — сказал себе Андрей. — Действительно, пора отсюда смыться.

Наутро несостоявшийся главный инженер рудника вновь вошел в здание космовокзала. В отделе разрешений на выезд его уже ждали. Тяжелая бронированная дверь лязгнула, захлопнувшись у него за спиной. Обернувшись, он увидел ухмыляющиеся рожи вооруженных охранников. Сидевший за столом чиновник изобразил предельно возможную степень гражданской скорби.

— Вы не имеете права бросить работу и уехать. Ради вас мы отказали большому количеству кандидатов, и теперь производство потерпит серьезные убытки, — примерно так, только более многословно и витиевато, заявило ему официальное лицо.

Андрей был готов к такому развитию событий и предложил заплатить неустойку за разрыв договора.

Чиновник оживился. Из недр письменного стола появилась стопка счетов. На всех документах, как водится, были печати, подписи и гербы: государственный и министерские. Начался торг. Андрей категорически отказался платить, заявив, что калькуляция завышена. Ему опять показали все выкладки и предложили десятипроцентную скидку при уплате наличными в галактических долларах. Андрей заявил, что таких денег у него нет и быть не может.

Ситуация накалялась. Неожиданно чиновник смягчился и спросил:

— А какую максимальную сумму вы могли бы все же уплатить за право выезда с нашей планеты?

Андрей назвал сумму примерно в одну десятую часть требуемой. Для убедительности он добавил, что это все, чем он располагает, но согласен расстаться с этими деньгами, лишь бы убраться отсюда.

Чиновник тут же согласился. Он попросил Андрея подписать стопку заранее подготовленных бланков, получил и пересчитал толстую пачку банкнот.

— Ну вот и замечательно, а вы переживали. Я же знал, что все утрясется. Будьте добры, вот, пожалуйста, получите расписочку, у нас отчетность в полном порядке. Вот, пожалуйста, ваша выездная виза, разрешение на взлет, отметка об уплате таможенной пошлины и прочие документы.

Андрей в замешательстве взял в руки толстую пачку документов, дающую ему право на немедленный взлет.

— Ну, что же, в таком случае я пошел. За обслуживание моего корабля с меня взяли сразу после посадки, так что я надеюсь он готов к взлету?

Чиновник погрузнел.

— Простите, вы кажется сказали ваш корабль?

— Что вы имеете в виду? — насторожился Андрей.

— Боюсь, произошло небольшое недоразумение, — медленно начал чиновник. По его сигналу двое вооруженных людей подошли к столу и встали между ним и Андреем. Остальные тоже пододвинулись поближе и ненавязчиво дышали ему в затылок.

— Я вынужден кое-что уточнить. Мне очень прискорбно говорить это, но я думал, вы поняли. Вы заплатили наличными лишь десятую часть вашего долга, а в уплату остальной части государство конфискует ваш корабль.

— Да успокойтесь же вы! — закричал он Андрею, на котором повисло полдюжины охранников. — Во-первых, здесь стоит ваша подпись. Да, да, не маленький, надо смотреть, что подписываете. А во-вторых, вам нечего бояться. В качестве компенсации вам, заметьте совершенно бесплатно, присвоен статус гражданина нашей планеты. Вы сможете жить здесь, как считаете нужным.

Андрей перестал отбиваться от державших его охранников. Его посадили на стул, дали воды. Успокоившись, он поднял глаза на чиновника.

— Но что же мне теперь делать? — испуганно спросил он.

— Ну вот, это другое дело, — сказал чиновник, тоже усаживаясь в кресло напротив. — Теперь давайте поговорим. Вы можете снова подписать контракт с рудником и начать работать. Со временем накопите денег, выкупите свой

корабль — и летите, куда вздумается. А может быть, вам у нас так понравится, что и улетать не захотите. Так что все в порядке, старина, не надо грустить.

— Хорошо, ваша взяла, — хмуро пробормотал Андрей. — Но, по крайней мере, помогите мне добраться до рудника.

— Конечно, конечно. Сейчас составим калькуляцию. Значит так: повторное оформление контракта; проезд до рудника; компенсация за потраченное служебное время сотрудника космовокзала — ну да ладно, здесь мы сделаем скидочку; оплата военизированной охраны...

— Подождите, какая охрана, меня не надо охранять, — поспешил остановить чиновника Андрей.

— А это не вас, это меня охраняли. Вот эти милые люди! — показал на охрану чиновник. — Итого с вас 25 тысяч.

— Постойте, но я ведь только что отдал вам свои последние деньги!

— У вас что, совсем ничего не осталось? — спросил чиновник. — Ну, может быть, хоть тысяч 15?

Андрей отрицательно махнул головой:

— Я действительно отдал вам все.

— Ай-яй-яй, как это опрометчиво! К сожалению, в этом случае я ничем вам помочь не смогу. Но вы не расстраивайтесь. Вы ведь теперь гражданин Демокритии, и у вас есть все права...

— В том числе и право сдохнуть с голода? Хотя бы отвезите меня на рудник! — закричал Андрей.

— Ну вот, вы опять сердитесь. Мы не можем везти вас в кредит. Министерство сообщения космопорта с рудником категорически запрещает подобные перевозки. Не переживайте. Найдите какую-нибудь работу здесь, накопите денег и приходите снова. Мы будем рады вас обслужить! — с этими словами чиновник встал и собрался выйти из комнаты.

Андрей понял, что это последняя возможность покинуть планету. Эх, подумал он, хорошо живется героям в приключенческих романах. У них всегда есть какие-нибудь секретные приемы таинственных единоборств, чтобы свалить десяток-другой вооруженных охранников. А потом появляется длинноногая блондинка и увозит на своем корабле. А тут выкручивайся, как сумеешь.

Он рывком поднялся со стула. Охранники снова напряглись, но он остановил их таким властным жестом, что те, интуитивно почувствовав начальство, остановились. Чиновник оторопело уставился на Андрея.

— А вы пройдите на свое место, — сказал Андрей с металлом в голосе. Он даже как будто стал чуть-чуть выше. Он дождался, пока удивленный чиновник вернется за стол, достал из портфеля пачку вчерашних счетов, на которых угрожающе синели печати и подписи, и грохнул их на стол.

— КОНТРОЛЬНАЯ ЗАКУПКА!!! — заорал Андрей что есть силы. — Я потомственный министр-ревизор министерства по надзору за государственными служащими. Вы неправильно оформили передачу корабля в собственность государства и тем самым поставили под удар основы нашей продвинутой демократии... — Андрей болтал наобум, главное было продолжать нападение. — Вы очень хорошо знаете, как мы караем подобные преступления.

Чиновник и охрана остолбенели от изумления. Первый побледнел и схватился за сердце. Видимо, сделка действительно была не слишком законной.

— Вы не снабдили договор о передаче имущества нотариальным заверением о дееспособности сторон, не приложили справку о прохождении кораблем тех. осмотра... — Андрей продолжал выдумывать нарушения, допущенные при составлении грабительского контракта.

Чиновник захрипел и стал заваливаться набок. Андрей понял, что пора останавливаться. Очередным начальственным жестом он отправил охрану за дверь.

— Итак, — не давая чиновнику перевести дыхание, продолжал Андрей. — Будем составлять протокол. Освободите место! — сказал он, спихивая чиновника с кресла.

Тот грохнулся на пол и оттуда смотрел на Андрея снизу вверх, по-собачьи. Эта позиция окончательно расставила акценты. Сломавшийся чиновник с причитаниями выдал Андрею документы на корабль. Он, дескать, и сам собирался передать их в распоряжение уважаемого министра. Андрей принял их царственным жестом. Пообещав смягчить насколько возможно участь провинившегося, он вышел из комнаты. Охрана у входа заранее отдавала честь. Через десять минут Андрей был в космосе.

— Ну что же, — сказал, помолчав, шеф, — пока это была лирика. Ты доложи мне, Андрюша, конкретно, по заданию. На Демокритию, по нашим данным, за последние несколько лет улетело более ста высококвалифицированных специалистов по разработке горных месторождений. Ни один из них так и не приступил к работе, и ни один не вернулся обратно. Что мне указать в отчете?

— Вот как это происходит: министерства природных ресурсов отправляют заявки на квалифицированных специалистов, необходимых на рудниках. Министерства труда и занятости обрабатывают эти заявки и приглашают инопланетных специалистов. Министерства транспорта занимаются их приемом, министерства жилья предоставляют им гостиницы, и так далее. Все это не бесплатно. Взаиморасчеты между министерствами давно не проходят, поэтому деньги с приезжих берут сразу же, на местах. И получается так, что на полпути к месту будущей работы приезжие остаются без гроша и превращаются в бомжей.

— Никакого заговора не существует, — закончил Андрей. — Никто заранее этого не планировал, и, следовательно, никто конкретно не несет ответственности. Им действительно позарез нужны специалисты: богатейшие рудники простаивают. Люди просто не успевают добраться до места работы.

— И даже посадить некого. Обидно, — подвел итог шеф. — Ну хорошо. Этих бедолаг мы, конечно, разыщем и отправим по домам. В общем, будем считать, что с заданием ты справился. А сцена, когда ты выдал себя за ревизора,

меня просто растрогала. Как импровизация это неплохо. А вот насчет секретных приемов, которыми владеют герои космических опер, то вот тебе направление в тренажерный зал. Вместо отпуска позанимаешься, дружок, рукопашным боем. Стыд и срам, что наш агент вместо того, чтобы просто вырубить десять охранников, разыгрывает перед ними театрализованные представления!

ШЁПОТ ХИМЕР

Полет проходил нормально. Обычно-то как: если в начале полета неисправностей или других проблем нет, то появятся они разве что в самом конце. Да и то, когда светит посадка или стыковка. А «Грозди-109» ничего подобного не предстоит и предстоять не может, не умеет «Гроздь» ни садиться, ни стыковаться. Предстоит ей долететь, не торопясь, до Зеленой Паутины, повиснуть на орбите, какую предложат диспетчеры, отцепить контейнеры с грузом, чтобы их растащили буксировщики. А потом терпеливо ждать, пока техники-пустолазы прицепят новый груз и проверят, чтобы не болтался. Если чего разобьют или поцарапают — будут проблемы, но у пустолазов, а не у экипажа «Грозди». Потом снова в полет.

Так что экипаж — пилот Генка и компьютерщик Ян — смогли полностью расслабиться и успокоиться. Ян читал с дисплея, Генка наслаждался бездельем, размышлял. Генка — человек романтичный, летает недавно, он в очередной раз удивлялся обыденности происходящего. Ведь происходит — ни много ни мало! — межзвездный полет. Пятисотлетняя несбыточная розовая мечта человечества. Плод невероятных усилий и до сих не окупившихся затрат.

Механика полета простая, как веник: корабль с помощью искусственных черных дыр создает вокруг себя оболочку из искривленного пространства, внутри оболочки — пространство обычное, как и снаружи. Корабль разгоняется до какой-то небольшой скорости на обычных реактивных движках, внутри оболочки летит медленно (скорость этого полета называют собственной). Но тащит вместе с собой эту самую оболочку, которая продолжает честно искривлять пространство, и корабль вместе с оболочкой перемещается относительно всей остальной вселенной со вполне приемлемой для путешествий между звезд скоростью, которую называют курсовой. Не летит, «продираясь сквозь вакуум», а именно перемещается — потому что вместе со своим вакуумом. Вспомнилась шутка, что человеком, благодаря которому стало возможно преодолевать межзвездные расстояния, — то есть первым выдвинувшим идею звездолета, — является барон Мюнхгаузен, вытянувший себя из болота за волосы. Потому что уже давно никто не спорит, с чего все началось...

Вдруг размышления Генки прервал визг сирены. Что такое, авария?! Нет. Хуже. Сирены разные бывают, одни общаются о разгерметизации, другие — о пожаре, третьи — о радиационной тревоге. А сейчас раздалось вибрирующее мяуканье, означающее хакерскую атаку на главный бортовой компьютер. Лучше бы пожар — со слепой стихией бороться легче, чем с чьей-то обдуманной атакой. А сирена, мяукнув разок, заглохла, как будто кошке наступили на хвост и сразу отпустили. Или как будто кошку раздавили насмерть... Короткая сирена, кстати, означает, что атака удалась целиком и полностью. Сигнал завязан на защитные программы, если атака уже отбита, сирена не умолкнет, мяуканье должен выключить человек. Но затихла, значит — все защитные программы нейтрализованы. Все сразу. Теперь «Гроздь» — легкая добыча, компьютер слишком много контролирует на корабле. От собственно полета до работы сантехники. Кто бы ни атаковал компьютер, он может диктовать экипажу условия. А может и не диктовать, просто отдаст компьютеру команду на разгерметизацию.

— Скафандры! — скомандовал Генка.

Быстро упаковались в защитные гермокомбинезоны. Соединились кабелем, чтобы общаться, — нежелательно выходить в эфир, если рядом неизвестный враг. Чтобы не подслушал.

Генка был зол на себя: ведь сотни инструктажей отсидел, а там по десять раз напоминали, что в случае чего первым делом надо обезопасить себя от разгерметизации. Плакаты развешивали от вполне жизнерадостных: «Услышал сирену — прыгай в скафандр!» до жутких: с фотографией изуродованной взрывной декомпрессией женщины и подписью: «Она не выполнила инструкцию № 2». Инструкция номер один: не выходить в открытый космос без напарника, ну, а номер два — та самая: одевать скафандр при сирене. И экранные заставки компьютеров не забывают напомнить про вторую инструкцию. Ян, кстати, тоже про скафандр забыл, хотя должен был вспомнить при первой ноте сирены. Правду говорят, что если внимание постоянно заострять, со временем оно сходит на нет.

Едва вернувшись на ложемент, Генка обнаружил, что зависла программа управления полетом. Не реагирует, не принимает команд. И все показатели застыли на последних перед сиреной значениях.

Наступила невесомость — ускорение выключилось, корабль летит по инерции.

Генка уставился на Яна, компьютеры — по его части. И сквозь стекло гермошлема увидел, как программист бледнеет до синевы, как выступает у него на лбу крупными каплями пот. Ян даже не пытался что-то сделать, только перепуганно смотрел на дисплей.

— Ян, — сдавленным голосом позвал Генка.

Программист, не сводя глаз с экрана, замотал головой, тихо пробормотал:

— Нас оседлали.

Совсем хреново. Теоретически, перехватить управление способен непонятно каким образом подсунутый в главный бортовой компьютер троянец, и тогда еще не потеряны возможности с ним управиться. Это может оказаться всего лишь подхваченный случайно пакостный вирус, которого никто нарочно на «Гроздь» не натравливал. И даже если его заслали специально, даже если рано или поздно объявится тот, кто это сделал, — по крайней мере, есть время что-то предпринять. И бороться с троянцем, который всего лишь безмозглая компьютерная программа, гораздо легче, чем с живым врагом. Но «оседлали» значит, что враг уже сейчас вовсю ковыряется в их компьютере и идет обмен

данными с кем-то вне корабля. Точнее — с еще одним звездолетом: в межзвездном пространстве корабли без людей встречаются, но люди без кораблей никогда, по крайней мере живые.

Генка принялся барабанить по панели управления, прощупывая окружающее пространство всеми датчиками сразу, — искал этот вражеский корабль. Датчики работали, передавали и принимали сигналы. Хотя их могло и отключить.

Картина звездного неба искажена, значит — искривляющая оболочка цела, хотя непонятно, хорошо это или плохо. Искажения мешают смотреть, но программы-фильтры работают. И никаких кораблей рядом не видно... Странно, звездолетов-невидимок еще не придумали, кто же тогда оседлал главный компьютер «Грозди»? Зародилось нехорошее подозрение.

— Что-то рядом с нами никого не видно, — напряженно пробормотал Генка.

Ян вскинулся:

— У тебя датчики работают?! В смысле — принимают команды?!

— Да...

— Значит — твоя вспомогалка не совсем отрублена. Сейчас попробую...

Он принялся торопливо барабанить по панели. Несколько раз сбивался; наконец, натянул поверх перчаток «когти» из тугой резины, которые используют для работы в вакууме. Чтобы девять клавиш одним пальцем не нажимать, а то тонкие перчатки слишком раздуваются от давления воздуха в скафандре. Сейчас в рубке управления не вакуум, но все равно в перчатках неудобно.

Вдруг рубку повело, Генка увидел на дисплее, что корабль поворачивает — менялось положение звезд. Сообщил об этом Яну, тот быстро кивнул и, не отрывая напряженного взгляда от дисплея, сообщил:

— Он только что ввел навигационные данные и запустил их в работу, вот мы и маневрируем... Хотя все заблокировано!

Корабль завершил поворот, и врубилось ускорение. Полоторное, не меньше. Максимум, на что способна «Гроздь». Генке очень хотелось снять показания датчиков, чтобы выяснить, куда конкретно летят (да хоть приблизительно), но он боялся, что помешает Яну.

Ян не позволил ускорению себя отвлечь, продолжал торопливо барабанить по панели. Но вскоре устало опустил руки:

— Без толку. Ни хрена не выходит. Все, что завязано на главный комп, — как будто отрезало. Я даже не знаю... там не просто доступа не дает, доступ как будто вообще отсутствует, как будто не было его никогда, не предполагалось даже... Чтобы так все заблокировать, программисту сто дней надо!

— Но вспомогательный компьютер... — начал Генка.

Ян перебил:

— Вспомогалка работает, я с нее и пытаюсь что-то сделать. Но все, что, кроме вспомогалки, выходило на главный, — исчезло. А датчики завязаны только на вспомогалку, чтобы бандиты по несущей волне трояна не втиснули, — на всех звездолетах так. И не помогло.

Генка быстро прикинул, куда они летят. Судя по всему — в никуда, по курсу нет достижимых звезд. Впрочем, может курс еще изменят... Те, кто ведет корабль... Он еще раз тщательно прощупал датчиками пространство вокруг оболочки «Грозди». Нет никаких кораблей. Как можно спокойнее сказал:

— Это не бандиты. Это вообще не человек.

Ян медленно поднял голову. И произнес роковое слово:

— Шептун.

Потом побарабанил по пульту, и из динамиков раздался характерный шорох, похожий на торопливый, захлебывающийся шепот.

Когда человечество научилось хранить зерно, возникла проблема мышей. Когда научилось строить звездолеты — возникла проблема шептунов. До того жили себе бестелесные твари в естественных искривлениях пространства или вблизи гипермасс, никого не трогали, никто их не трогал. Путешествовали между искривлениями потихоньку, с осторожностью. Но появились звездолеты — и бестелесные стали присасываться к их оболочкам: там ведь тоже искривленное пространство, да еще неоднородное — по вкусу любому бестелесному. Тут и начались проблемы. Скажем, гремлины встречались только в крошечном искривлении «Черный гиацинт», однако, благодаря людям, распространились по всему разведанному космосу. Даже умудряются селиться в кое-какие технические устройства, где применяются достижения физики вакуума, за что и получили название гремлинов. Есть еще эльфы и шишиги — вполне безобидные существа, всего лишь «подъезжают» на человеческих звездолетах от одного искривления к другому. Эльфы — случайно, а шишиги — целенаправленно, они оказались разумными, и с ними даже налажен контакт.

Но гремлины, эльфы и шишиги — слабые, они могут только проникать в оболочку, но не способны влиять на то, что у нее внутри. А есть сильные, которые могут и влиять. Этих сильных поназывали, как мифических чудовищ: харибды, химеры, аспиды и так далее, потому что опасны. Они не ждут, пока их подбросят до нужного искривления, а сами перехватывают управление и летят, куда им надо. А если экипаж попытается воспрепятствовать — не дадут. Скажем, баньши просто не позволит, а, например, харибда, если обнаружит людей на корабле, — убьет. Лоа и аспид, воспользовавшись кораблем, уничтожат его, хотя у экипажа есть шанс спастись, если вовремя оденут скафандры. Или если успеют сбежать на шлюпке.

Большинству бестелесных подходит название «шептун», потому что они постоянно испускают сигналы в радиодиапазоне, звучащие в динамиках, как шепот безумца. Хотя не все бестелесные «шепчут»: самые опасные из них — драконы, не издадут радишорохов.

Однако этот шепчет. Значит — не дракон. Слабоватое утешение, но в аховой ситуации не стоит пренебрегать даже таким.

— Куда мы летим? — требовательно спросил Ян.

Генка, уже бравший азимуты звезд, вскоре сообщил:

— Впереди ни хрена нет, кроме очень далеких галактик с номерами вместо названий. Но если наш шептун планирует корректировать курс... или учел слабые гравитационные поля, тогда, возможно, ему надо к искривлению «Круговерть». Оно почти по курсу.

— Значит — шептун, раз к искривлению, — довольно спокойно произнес программист. Он был прав, к искривлениям летают только бестелесные. Впрочем, еще люди-ученые: космогонисты и те, кто бестелесных изучают.

— И что теперь? Будем сидеть и не рыпаться?

— Тогда нам хана, он же будет разгоняться, пока есть топливо, тормозить шептунам без надобности. А топливо кончится еще до того, как долетим, не говоря уже, что на обратную дорогу нам не хватит. Надо рвать когти на шлюпке...

— Не выйдет, — с сильным напряжением в голосе произнес Ян. — Он выкачал топливо из шлюпки в корабельные баки.

— Что?!

— Видать уже просек, что топлива мало, вот и решил использовать все, какое есть.

Усилием воли подавив панику, Генка высказал сомнение:

— Это точно шептун, а не какая-то лажа? Вирус такой матерый, что комп оседлал, а теперь нам шепот транслирует, как будто с датчиков?

— И топливо перекачивает?

— А что? Если это чей-то розыгрыш, то должно быть предусмотрено, чтобы мы не могли уйти на шлюпке. Да может, и не выкачивал никто из шлюпки топливо, это только нам показывают, как с шепотом...

— Нет. Не бывает таких вирусов. И с датчиков реальный сигнал идет, пускай мне руки отрежут, если не так.

— Но мы же не приближались к естественным искривлениям! Ближайшее — возле Последней Надежды, но туда и с разбегу не доплюнуть.

— Так ведь шептуны встречаются не только в искривлениях, они между ними тоже могут...

— Ага, только вероятность с ними случайно встретиться — не выше нуля. Помнишь, как Аким хохотал, когда тот пассажир забоялся лобового столкновения двух кораблей в межзвездном пространстве?

— А со скидкой на то, что мы неудачники? — очень спокойно спросил Ян. Он все еще тыкал когтями в пульт, пытался что-то сделать.

Непроизвольно сглотив, Генка вынужден был признать:

— Был один случай, когда химера прицепилась к танкеру вдалеке от искривлений и завела его к Лабиринтному искривлению... До сих пор непонятно, как эта химера сумела выследить танкер.

— До сих пор? И никаких теорий?

— Гипотезы. Самая похожая на правду — это, что при разворачивании оболочки произошел слабый всплеск, тахионная волна. А химера ее заметила, засекала точку всплеска, а потом догнала корабль по кильватерному следу.

Ян недоверчиво покачал головой:

— И чем плохая гипотеза?

— Во-первых, нужна сверхчувствительность к этим всплескам... хотя для шишиг физика вакуума, как для нас — пешая ходьба, на уровне рефлексов, может и у других шептунов так. Во-вторых, как химера догадалась, что всплеск со стартом звездолета связан? А потом додумалась, что надо идти по кильватерному следу?

— Так может, она уже видела старты кораблей вблизи, запомнила и всплеск, и кильватерный след.

— Они тупые, — возразил Генка.

Бестелесных исследуют давно, в их устройстве разобрались, «психологические портреты» нарисовали. И почти наверняка установили, что все сильные шептуны не просто тупые: их интеллект не выше, чем у тараканов. Им нечем думать. Шептуны даже управление кораблями перехватывают инстинктивно, как ни трудно в это поверить. Вероятно, в народной глупости «сила есть, ума не надо» имеется доля мудрости. Потому что именно слабые бестелесные, шишиги, обладают разумом.

Впрочем, химеры встречаются крайне редко, известно о них немного. Кто знает, может быть, химеры разумны.

— Я не верю, что *это* сделал тупой, — кивнул на свою панель Ян. — Так надежно и быстро заблокировать комп ни одному человеку не по мозгам. Значит он — настоящий гений. И даже догадался насчет топлива шлюпки, тут гениальность не обязательна, но совсем без интеллекта...

Генка хотел возразить, что другие шептуны, чья безмозглость доказана, тоже перехватывают управление. Но вспомнил, что на самом деле другие шептуны не перепрограммируют компьютер, воздействуют непосредственно на исполнительные механизмы. А компьютеры на оседланных шептунами кораблях не заблокированы, слушаются экипажей, это корабли перестают слушаться компьютеров.

Но их шептун атаковал именно компьютер, действовал тоньше и эффективнее своих собратьев по бестелесности.

А корабль тем временем все разгонялся.

— Так значит, это химера, — сказал Генка. — Или другой шептун? Я думаю, вдруг удастся заправить шлюпку? Перетаскаем топливо ведрами, или еще как.

— И что, если не химера?

— Если это харибда, то на шлюпке мы не выберемся.

— Да нет, это химера, ее шепот, сходится с образцами.

— Ты уверен?
— Только что проверил, могу еще раз... А ты серьезно насчет ведер?
— Да нет, атомарный водород в ведре... Но у нас есть пробник, можно его подключить к баку, набрать... несколько раз придется.

— А к внутренним бакам можно подключиться?
— Только со стороны дюз. А что?!
— Он оба внешних бака освободил, все топливо — во внутренних.
— Нахрена?!
— Откуда я знаю... Баловался! Или не хотел, чтобы мы ведрами...

А корабль все разгонялся.

Генка хотел грязно выругаться, но Ян, который вел разговор о топливе несколько рассеяно, не сводя глаз с дисплея и время от времени тыча когтями в клавиши, сообщил:

— Тут ритм какой-то. В его шепоте.
— Не может быть, — пробормотал Генка, прислушиваясь к радиошороху. — Шепот всегда хаотичен.
— Сейчас, подожди, выделю частоту.

Из динамика зазвучал другой шорох. Скорее не шепот, серии быстрых пискосов разной тональности. Действительно, ритмично. Беспорядочный шепот тоже присутствует, но на заднем плане, приглушенный. Случайным образом из хаотичного шепота ритм выделится не может. Но шепотуны способны управлять своим радиошорохом, значит, эта химера сделала свой шепот ритмичным... нарочно.

— Медленнее сделай, — тихо попросил Генка. — И громче.

Почему-то наличие ритма в шепоте показалось очень важным. Неясное, едва сформировавшееся соображение: химере нравится ритм, людям тоже нравится ритм, значит, у людей с химерами есть что-то общее, можно попробовать договориться.

Чтобы «сделать медленнее» Яну пришлось записать ритм в звуковой файл, а потом уменьшить скорость воспроизведения.

Гермошлем мешал слушать, но, когда Ян прибавил громкости, в рубке раздалась... мелодия. Простенькая, хрипловатая из-за наведенных искривлениями помех. Но, вне всяких сомнений, это была музыка.

— Насвистывает, — неприятно констатировал Ян.

Забавная мысль. Но, скорее всего, — верная.

— Давай мы ему музыку включим, — азартно предложил Генка. — По радио.

Ян быстро повернулся к Генке, осторожно сказал:

— Это же опасно. Двадцать третья инстр...

— Самое опасное — ничего не делать! — резко перебил Генка. — Действуй, я приказываю.

— Ты — главный, — спокойно согласился Ян, принимаясь за работу. Здесь он прав, в полете главным на корабле является пилот.

Безусловно, инструкцию за номером двадцать три, запрещающую выходить в эфир рядом с шепотунами, писали не зря, а то драконы, к примеру, немедленно уничтожают источник радиоволн. Но Генка кое-что знал: пилота того танкера, который химера затащила к Лабиринтному искривлению, лишили лицензии за нарушение двадцать третьей инструкции. Когда химера оседлала танкер, пилота сорвало с тормозов, и он принялся ругаться по радио. Проклинал химеру, вызывал на бой. И ничего ему не сделалось, химера не обратила внимания. Не заметить не могла, но ей оказалось неинтересно. Может, другие бестелесные и реагируют на радиообращения агрессией, но не химеры. Во всяком случае можно на это надеяться.

Но излагать все это Яну нет времени, с каждой секундой корабль разгоняется, и улетает через дюзы в никуда драгоценный водород. Потому Генка воспользовался полетной субординацией — историю про пилота танкера расскажет Яну позже.

Ян несколько раз провел когтями по панели, нажал пару клавиш. Из динамиков поверх шепота химеры и отфильтрованного ритма из этого шепота полилась странная мелодия — быстрая и писклявая. Что это он включил?

Но — подействовало! Да еще как: почти немедленно, полусекунды не прошло, пропало ускорение, наступила невесомость. И шепот химеры стал совсем тихим, ритм из него исчез.

Генка узнал мелодию: компьютерная заставка, только запущенная с большой скоростью.

— Я решил играть музыку в его темпе, — объяснил Ян.

Молодец, вовремя сообразил.

— С меня пиво, — хмыкнул Генка.

Мелодия быстро закончилась, запустилась сначала. Судя по тому, что химера по-прежнему шептала очень тихо, она продолжала слушать. Но вдруг ей надоест?

— Так, надо еще какую-нибудь музыку найти! — догадался Ян, он, видимо, уже искал — давил на клавиши пульта.

— У меня есть! — вспомнил Генка. — В папке «киты»... там группа «Песни китов» с вокалом. А еще наладчики включали «Воспоминания», правда они не очень...

— Они только под наркотиками понятны. Нет, «Воспоминания» лучше пока не будем. Кстати, есть симфония Борщевского.

— Ну, это слишком современное, я его не понимаю... хотя критики хвалят... а где оно есть, почему я не знаю? И откуда ты знаешь?

— Я всего лишь запустил поиск звуковых файлов...

Тут шепот химеры начал усиливаться. Надоела ей компьютерная заставка. Или просто уже не впечатляла.

Ян быстро включил «Песни китов», шепот снова затих.

— Так есть еще музыка? — весьма заинтересованно спросил Генка. — Нашлось что-нибудь?

— Полно! Здесь и Моцарт, и Гайдн, и Лист, и Кама-син, и классический джаз, и гимны клерков двадцать третьего века, и народные стилизации двадцать второго...

— Включай все в список!

— Уже.

Все-таки странная ситуация. Химера, бестелесный шептун, существо, настолько чуждое человеку, насколько это возможно в принципе, и вдруг — меломан.

— Откуда у нас столько музыки? — задумчиво пробормотал Генка.

— Это как раз понятно, на нашей «Грозди» несколько раз менялся экипаж, здесь же только опыта набираются... и наладчики постоянно возятся, пустолазы гостят, вот они свою музыку в компьютер и загоняли, чтобы не скучно было работать. Прятали во всяких преисподних, как ты своих «китов»... Жаль, главный комп не работает, у меня там... Ладно, не о том думать надо!

Опять Ян прав, надо думать о скорости. Генка занялся вычислениями, к счастью, на его вспомогательном компьютере были навигационные программы. И вскоре пораженно сообщил:

— Мы — стоим! Точнее — висим... в общем — не двигаемся... по крайней мере, относительно звезд.

Ян недоверчиво хлопал глазами. Пробормотал:

— Но мы же разогнались...

— Я думаю, он изменил конфигурацию оболочки так, чтобы наша курсовая скорость погасла. А собственная скорость... Сейчас попробую по внутреннему доплеру... нет, не выходит. Надо снаружи по оболочке лазером пройтись, у нас есть датчик, который поможет вычислить скорость.

— А он не...

Ян не закончил предложение, но было ясно, что речь идет о шептуне и его реакции на световой сигнал с корабля.

— Ему не до того, он музыку слушает, — уверенно заявил Генка. Хотя присутствовал внутри холодок: радиоволны у химеры не вызывают агрессии, но вдруг лазер подействует иначе? Успокоил себя тем, что химера умная, должна понимать: это люди включают для нее музыку, стало быть, людей надо беречь и прощать им мелкие шалости, вроде лазера.

Вскоре сообщил:

— Наша собственная скорость — уже почти четверка. Хорошо разогнались.

— И тем не менее — стоим. Точнее — висим, — со смешком произнес Ян.

— Кстати, а почему мы говорим «он»? Химера ведь «она»!

— Хорошо, давай будем говорить «она», — согласился Ян. С некоторым раздражением: ситуация аховая, а пилот, вместо того, чтобы искать выход, болтает на посторонние темы.

Но Генка смотрел на их проблемы шире: они вынуждены бороться не со слепой стихией, а с чужой волей. Они не могут победить химеру в открытом бою или перехитрить, слишком химера сильная и умная. Можно попробовать с ней договориться, а для этого желательно химеру понять, тогда разговор о химере, как таковой, — совсем не на постороннюю тему. Кроме того, пустые разговоры позволяют бороться со страхом. Разговаривая о ерунде, Ян и Генка как бы демонстрируют друг другу, что ничего страшного не происходит, тем самым друг друга успокаивая. Паниковать тоже смертельно опасно, и сделать это они всегда успеют.

«Песни китов» отыграли, началась симфония Борщевского. Но через несколько секунд шепот химеры резко усилился. Прямо до оглушительной степени, гораздо мощнее обычного произвольного шуршания. На полсекунды затих — и опять...

— Врубай следующее! — крикнул Генка. Заиграл джаз. В ускоренном темпе воспринимается неважно, но химере понравилось, она успокоилась, снова приглушила шепот.

— Надо же, как он... то есть она своим шепотом управляет, — процедил Ян. — Я думал, они не могут не шептать.

Генка пожал плечами, насколько позволял гермокостюм:

— Человек, когда идет, тоже ногами топает, но может и тихо подкрадываться, если надо. А может и громко шуметь.

— А может и ритм выбить, — развил мысль Ян.

Генка осознавал несовершенство этих аналогий, но все-таки слишком хочется, чтобы химера была понятной. От того, правильно ли они поймут химеру, зависит их жизнь, не меньше. Вот зачем она сейчас так громко зашуршала? По всей вероятности — симфония Борщевского ей не понравилась. До такой степени, что решила заглушить. Между прочим, вполне человеческая реакция: Борщевский раздражает подавляющее большинство слушателей, причем сильно. Хотя критики хвалят.

— Знаешь что, убери из списка всю новомодную музыку, — сообразил Генка. — А то она тоже, как Борщевский... Не настолько плохо, но к ней привыкать надо, как к пиву или сигаретам. А Борщевский — это даже не сигареты, это как... как...

— Как боль, — помог закончить мысль Ян. — Также некоторым нравится.

Н-да, аналогии у программиста... Впрочем, единственный способ терпеть боль — научиться получать от нее удовольствие.

Генка, не зная, чем заняться, проверял вычисления и время от времени пытался запустить программную оболочку пилотирования, вдруг химера так заслушается, что отпустит корабль? Увы, ничего не получалось, зависала программа.

— Мне это напоминает одну историю, — заговорил Ян. — Пьяный гармонист шел ночью по лесу и упал в волчью яму, а там уже сидел волк. Волк хотел гармониста пожевать, а тот с перепугу заиграл на гармошке. И волк он него отступился, сел и слушал музыку. И программист так до утра и играл, пока охотники не пришли.

— А гармонист стал программистом уже в яме? Или после гармониста туда еще программист упал?

Ян уставился на Генку, промямлил:

— Я что, сказал «программист»? — и истерично расхохотался. Но быстро взял себя в руки.

Пока что экипаж «Грозди» держался, не позволяя себе слететь с тормозов. Но напряжение дает себя знать. Интересно, кто первым сорвется, Ян или Генка?

— Кстати, об охотниках, — с подчеркнутым спокойствием сказал Ян. — Есть шансы, что нас спасут?

Генка уже обдумывал этот вопрос.

— Хватятся нас дня через три, не раньше. Если два раза подряд не передадим позывные... Но условия связи по нашему маршруту — сам знаешь, так что могут и позже зашевелиться, когда мы вовремя не прибудем к Зеленой Паутине. А если химера таки дотащит нас до «Круговерти»... если мы прямо в искривление влетим, да еще — без топлива... Там, в принципе, можно летать, если обходить самые опасные места, но без топлива... — Тут Генка решил дать повод для оптимизма. — Вообще-то у нас будет возможность маневрировать — отстреливать контейнеры, шлюпку, воздух выпустить. Так что, если повезет, проскочим искривление насквозь, а там погасим оболочку, чтобы курсовая скорость совпала с собственной, врубим «SOS», может — найдут.

Ян, покачивая головой, возразил:

— Мы — неудачники, помни об этом. Даже с радиосигналом искать нас там... Искривление «Круговерть» — оно же гигантское, световые месяцы, наш корабль рядом с ним — даже не иголка в стоге сена... да и не капля в море. Пока наш «SOS» отфильтруют, там же помехи... И как они вообще узнают, куда нас понесло? Кильватерный след обнаружить очень непросто, особенно если толком не знаешь, где искать...

Тут закончился джаз и заиграл Моцарт. «Реквием». И шепот химеры снова резко усилился. Генка напряженно замер, Ян потянулся к пульту. Шепот быстро затих, впрочем, на Борщевском он тоже временами затихал.

— Ей что, Моцарт не нравится?! — пораженно пробормотал Ян.

— А ты любитель классики?

— Нет, не так, чтобы очень... но — Моцарт! — Ян даже поежился. Химера и без того внушает ужас, а тут еще оказывается, что у нее извращенный вкус, так надо понимать реакцию программиста.

Однако химера больше не «перебивала», слушала внимательно. А когда «Реквием» закончился и началась музыка Кама-син, вдруг зашумела. Причем не шептала, а передавала все тот же «Реквием»! Ту часть, которая была перед ее громким шепотом.

— Просит повторить! — догадался Генка. — Да как жалобно...

— Скорее настойчиво, — буркнул Ян, снова включая Моцарта.

При первых нотах химера затихла.

— Ишь, как она лихо насвистывать умеет, — усмехнулся Ян. — Стало быть, на самом деле Моцарт ей нравится, причем настолько, что она аж забыла свой шепот глушить.

— Или сильно притопнула... под впечатлением, — предположил Генка.

Ян включил «Реквием» «по кругу», химера не перебывая прослушала три раза. Потом стала деликатно наращивать шепот. Мол: музыка классная, еще что-то такое есть?

Ян вернулся к списку. Тревожно-чувственная музыка Кама-син химере понравилась, но разухабистые гимны клерков она решительно заглушила громким шепотом. Ян переключил на следующий трек.

Зазвучал очень высокий женский голос, который пел с мяукающей интонацией.

— Это что-то китайское? — спросил Генка. — А почему с нормальной скоростью?

— Нет, это по-английски, «Блэкмор Найт» какая-то, конец двадцатого века, — Ян хохотнул: — На большой скорости вправду на китайский похоже. Между прочим, неплохо поет, я слушал.

— А я — не припомню, хотя много слушал из двадцатого... Тогда много всякой музыки было, странно, что у нас только одна песня...

— Джаз — тоже из двадцатого века. А в двадцать третьем музыки раз в пять больше было, и не хуже, и еще более всякой. А у нас только гимны клерков на вспомогалке. Да и в девятнадцатом не только Моцарт был...

— В восемнадцатом, — поправил Генка.

— И тогда — тоже... Эй!

Ян забарабанил по панели, испуганно вглядываясь в экран. Откинулся, сжав руки в кулаки — будь когти тверже, пропорол бы перчатки. Наконец, сообщил злым голосом:

— Она вспомогалку оседлала!

Генка сам это видел. Теперь уже и координаты не снимешь... хотя — снимаются! Спросил:

— Что она делает?

Ян всмотрелся в экран, нажал несколько клавиш, и сообщил с облегчением:

— Она роется в музыкальных файлах... Сама решила.

Химера действительно взялась методично перебирать всю музыку, что была на компьютере.

— Разобралась же как-то, — пробормотал Ян. — Хотя после того, что она сделала с главным компом...

— Я есть хочу, — заявил Генка.

— Я тоже. А еще — спать.

— Выпей кофе. Все равно ведь не заснешь.

Сделали перерыв на перекус. Пока молча жевали, химера успела перебрать все мелодии, запускала их для себя с очень большой скоростью. Многие — по два-три раза, еще раз «Реквием» прослушала. Даже Борщевского разок прогнала до конца.

А дальше что? Очень интересно, что произойдет, когда она наслушается...

Дальше химера обнаружила опцию эквалайзера, принялась слушать мелодии в разных настройках. Хотя Моцарта не тронула, разок попробовала и отступилась.

— Балуется, — недовольно констатировал Ян. Его тоже беспокоил вопрос: «Что дальше?». — Все-таки странно, что химере нравится человеческая музыка. Она же на человеческие мозги настроена... На альфа-ритмы какие-то. Хотя, может быть, музыка — это гораздо больше... универсальнее.

— Или альфа-ритмы универсальны, — предположил Генка. — Вдруг принципы, по которым устроен человеческий мозг, и то, чем думает химера, тоже универсальны?.. То есть — по другому думалку не сделаешь. Дважды два равно четыре и у нас, и у химер.

И тут зазвучала новая музыка — до сих пор такой не было. Зазвучала — и оборвалась. Потом — снова, но слегка измененная. Улучшенная? Слишком быстро звучит...

— Это она нашла синтезатор мелодий, — подтвердил Ян смутную догадку Генки. — Волк отобрал у гармониста гармошку и сам для себя играет.

— Тогда хватит надолго. Синтезировать можно до бесконечности.

Хватило на сорок две минуты (Генка зачем-то засек время). В какой-то момент писклявый ритм из динамиков затих, наступила тишина. Относительная — слышен очень тихий шепот химеры и буханье крови в висках. Но, при всей своей относительности, тишина все равно получилась оглушительной.

И зазвучала музыка, та самая, — только что придуманная химерой мелодия. С нормальной, приемлемой для человеческого восприятия скоростью. Не просто зазвучала — затопила сознание. В этой музыке было... все. «И гнев, и радость, и покой, и яростный восторг», — как написал один начинающий поэт. Играло сразу несколько мелодий, даже разных тем, но они идеально сочетались друг с другом. Именно так — идеально. И очень трудно сказать, на каких инструментах из набора синтезатора исполнялась музыка, казалось, что для каждой ноты изобретен отдельный тембр. Специально для нее, для этой одной ноты.

Генка замер, погрузился в музыку, пораженный ее совершенством. Буквально — забыл обо всем на свете. Порой какие-то мысли мелькали далеко на заднем плане, в тумане. Сначала подумалось: «Слишком эта музыка сильно действует, надо ее остановить». Вторая мысль: «Нет! Пусть играет!» Третья, перепуганная: «А вдруг Ян остановит музыку?!» Потом: «Не остановит, химера не даст».

А потом все закончилось. Музыка внезапно смолкла, как отрезало, и ее сменило отчаянное мяуканье корабельной сирены.

На Яна тоже подействовала музыка химеры, он не сразу очухался и вспомнил, как отключают сирену, а когда вспомнил — не мог попасть когтями, куда надо.

Сирена смолкла, программист еще пару раз провел руками по пульту. Откинул щиток гермошлема, сообщил спокойно-безжизненным голосом:

— Все работает, разблокировано. Химера ушла. С насвистыванием — приемник уловил, как удаляется ее шепот... эту свою музыку насвистывала.

Вот так вот. Сперва оседлала, потом ушла. Трудно понять ее мотивы, любые аналогии будут рискованными. Например: шел человек по лесу, напевал, сорвал веточку, чтобы отмахиваться от комаров (химера — оседлала звездолет). Но вдруг с веточки взялся петь какой-то жучок, и человек, послушав жучиную песню, отнес козявку обратно на дерево — пусть живет, тоже ведь музыкант. Напоследок человек дал жучку послушать свой плеер. А от комаров можно и руками отмахиваться.

— Назад долетим? — грубо прервал Ян Генкин полутранс. — Топлива хватит, с оболочкой все в порядке?

Генка потыкал непослушными пальцами в пульт, успокоил Яна:

— Все нормально, топлива хватит, оболочка — в штатном режиме. Химера даже развернула нас в сторону Зеленой Паутины вместе с нашим вакуумом. Химерам это — запросто, — и жалобно спросил: — Музыка хоть записалась?

АПОКАЛИПСИС ПО ЗАКАЗУ

Мехико. Столица Объединенной Америки.

— А цель-то какая? Не сходится что-то, — недавно назначенный глава Антитеррористического межведомственного центра ходил из угла в угол, заложив руки за спину. — Если они выполняют свои угрозы, то им и самим конец! Это же абсурд!

Ведущий эксперт по психологии террора Томас О`Хара терпеливо вздохнул и начал сначала:

— Понимаете, цель на самом деле не важна, а важен процесс. Это как в сексе — оргазм всего лишь желаемый финал, а затевается все ради самой процедуры. Ухаживание, обольщение, повышение самооценки, первый контакт, ласки, прикосновения и так далее. А уж потом оргазм как приятный бонус. С терроризмом все примерно так же. Нет цели «жахнуть», да и требования, выдвигаемые террористами, — это, по сути, только предлог: выполняют их или нет, никого не интересует. Если не считать терроризм заказной и щедро оплаченный — уже совсем другая тема. Придерживаясь параллелей с сексом, это аналог проституции.

— Допустим, — Билл Ротманс был не склонен вступать в полемику по мотивации, его интересовали куда более насущные вопросы, — а что это за штукавина, способная на такое? Как она вообще может существовать?

Слово взял представитель министерства обороны:

— Разрешите? — он по привычке встал и одернул мундир. — Еще лет сто назад велись подобные разработки, финансируемые нашим ведомством, но они были признаны бесперспективными. Не потому что нереализуемы, а потому что в военном смысле ценности не представляли. Согласитесь, глупо, опустошив вражескую территорию смерчами и ураганами, получить наводнения, сменяющиеся жарой и засухами, на своей. А под занавес еще и морозы градусов под шестьдесят.

— Природа штука сбалансированная, — включился в диалог представитель метеоведомства. — Нельзя резвиться с погодой на одном конце света так, чтобы это не аукнулось на другом. Мне вообще не понятно, как эти разработки вообще могли быть санкционированы. Это же преступление против человечества!

— Успокойтесь, вашу позицию мы знаем, — остудил его хозяин кабинета. — Делать-то что? Какая защита?

— Вы позволите? — подал из угла голос неприметный человек в мятом свитере. Комитет Конгресса по науке настоятельно рекомендовал его в качестве уникального специалиста по вопросам климатических катаклизмов, а охрана сначала вообще не хотела пускать — по причине аутичного внешнего вида. — Чтобы говорить о защите, нужно сначала понимать механизм воздействия, давайте я его напомним.

Ему кивнули и он продолжил:

— Направленным в атмосферу электромагнитным колебанием определенной силы, длительности и частоты, которое возможно осуществить откуда угодно — тем более что цель — вся планета — запускается процесс изменения некоторых свойств высоких слоев атмосферы. Техническими тонкостями я пытать вас не буду. Как следствие получаем нагрев нужного участка. Изменение температуры в свою очередь через сложную цепочку причинно-следственных связей ведет к образованию мощнейших ураганов. И это — самый оптимистический сценарий.

Но в принципе возможно запустить такой процесс, который приведет к потеплению на три-четыре градуса уже нижних слоев атмосферы. Кажется, ерунда, но как следствие мы получаем быстрое таяние ледников, подъем уровня океана на пару метров и изменение естественной циркуляции всех слоев атмосферы и течений мирового океана. Что, кажется, тоже не смертельно, но отсюда следуют наводнения, аналогичные библейскому потопу, на одних территориях и засухи, соизмеримые с применением напалма, на других. Все это будет щедро разбавлено ураганами, бурями, торнадо и штормами. А так как Земля — это замкнутая система, то циклы засуха-наводнение будут сменять друг друга по нисходящей. Лет примерно тридцать. Что в конечном итоге уничтожит полностью сельское хозяйство и животноводство, а отсюда голод; уничтожит энергетику — это вообще комментировать не надо; а так как наши атомные станции, нефтяная и химическая промышленность в принципе не рассчитаны на подобные природные катаклизмы, то будет обеспечена еще и череда крупнейших экологических катастроф. В результате человечество сократится минимум в тысячу раз, и ему очень повезет, если оно просто скатится в каменный век, а не на уровень мхов и лишайников.

— Так делать-то что? — Билл Ротманс желал предложений, а не описания возможных последствий катаклизмов. — Может, там есть какое противонаправленное излучение или еще чего...

— Нет, науке об этом ничего не известно! — сказал человек в мятом свитере и опять аутично уставился в одну точку, мысленно покинув собеседников.

Повисла напряженная тишина, которую разорвал вновь поднявшийся военный.

— Предлагаю вычислить дислокацию базы террористов и накрыть ее точечным ударом с орбиты или воздуха, — он был привычно категоричен.

— Да какой там точечный удар, — отмахнулся хозяин кабинета, — собранная аппаратура в кузове большого грузовика помещается, а разложить ее для запуска — час времени надо; так, по крайней мере, наши технари утверждают — не успеем среагировать.

— А вот я бы хотел вернуться к требованиям террористов, — эксперт по психологии террора воспользовался повисшей паузой. — Может, ответы тут лежат.

— Самороспуск всех мировых правительств? Это заведомо нереализуемое требование, вы же понимаете! Да и основную доктрину никто пересматривать не будет: с террористами никаких переговоров!

— Так и я об этом же: значит, настоящая цель заведомо другая. Я считаю, что им нужна паника и предапокалиптические настроения во всем мире, чтобы в этой мутной воде начать ловить какую-то свою рыбу.

Все опять замолчали и задумались о возможной рыбе, которую стоит ловить в настолько мутной воде.

— Подобная аппаратура очень энергоемкая, — первым разорвал тишину протезе Конгресса, — никакой дизель-генератор или аккумулятор этого не потянет. Злоумышленникам необходим будет мощный источник энергии. Если по всему миру, а точнее — только в опасных регионах, которые вы, скорее всего, знаете, установить жесточайший контроль за энергопотреблением, они физически не смогут запустить установку.

— Маловероятно до степени невозможности, — первый раз за все время подал голос холеный мужчина, представитель Министерства иностранных дел. — Есть полностью нам подконтрольные страны, но есть еще и те, кто из принципа сделает наоборот требуемому. А вот мысль господина О'Хара, действительно, очень интересная — вот только ответов на этот вопрос может быть миллион.

— А давайте обсудим проституцию.

Присутствующие удивленно посмотрели на Билла Ротманса, не ожидая от него подобного юмора. Тот, не замечая вперившихся в него взглядов, невозмутимо продолжил:

— В предложенном нашим экспертом по психологии террора терминологическом аппарате так был назван заказной терроризм. Так кому же это может быть выгодно?

Все даже как-то облегченно вздохнули: к существующим проблемам еще не хватало умопомешательства ключевой фигуры — но, слава богу, обошлось.

— Патовая ситуация, господин Ротманс! — поднялся человек в форме Главного аналитического управления. — Для того, чтобы провести качественную аналитику по выявлению возможных заказчиков, нам нужно снять информационную блокаду со СМИ и интернета — тогда угроза данного теракта получит широкую огласку. Но это вызовет мировую панику со всеми вытекающими из нее последствиями. А далее по действиям различных групп — вычислять бенефициаров¹.

Один из них и будет заказчик. Мы и вам, и Президенту предлагали такой вариант действий, но получили категорический запрет. А без этого любая аналитика как гадание на кофейной гуще — вариантов сотни тысяч, если не миллионы.

На столе раздался сигнал коммуникатора. Чтобы не прерывать важного совещания, хозяин кабинета хотел уже сбросить вызов, но глянув на экран обомлел: вызывал Президент.

— У аппарата, — сев в кресло напротив монитора связи, он почему-то ответил архаичной фразой.

— Ну, вы что-нибудь придумали? — без приветствия перешел к делу Президент. — А то мне докладывают, что есть основания предполагать: уже началось. Не масштабно, конечно, а так — демонстрация силы и серьезности намерений.

— Что случилось? — по спине главы антитеррористического центра помчались табуны ледяных мурашек.

— В Тихом океане без видимых причин образовался мощнейший шторм, движется в нашу сторону. А эти упыри еще вчера, как вы знаете, всех глав государств предупредили, что начнут с какой-нибудь локальной акции.

— Мы работаем, господин Президент. У меня сейчас совещание, — так сказать, мозговой штурм.

— Хорошо, работайте! Через три часа чтобы у меня на мониторе уже был комплекс мероприятий.

Президент закончил разговор, дав отбой.

...

Южное побережье острова Калимантан. Частные владения.

Союз Азиатских Государств (формально).

— Так где обещанная паника? — глава крупнейшего в мире туристического холдинга «Маритон» очень недовольно смотрел на Тиграна Беояна, человека, чей статус даже для него самого было сложно определить.

— Джордж, я вас предупреждал, что свобода в интернете — это миф... и независимость мировых СМИ тоже, хотя на прессу-то мы больших надежд и не возлагали. Но кто знал, что размещаемая нами информация будет блокироваться или удаляться так быстро? Если с моей стороны больше сотни специалистов по всей планете сидят и пытаются через блокаду пробиться, то с той стороны, по-моему, сотни тысяч спецов задействовано.

— А что ты хотел? Противостоять абсолютно всем государствам планеты легко? Но сам же подписался!

— Да не переживайте вы так! — Тигран, несмотря на напряженный разговор, уютно устроился в кресле: — Короткий план не сработает, так вы свое длинным возьмете — на цену-то это никак не влияет, вами за все уплачено.

— Длинным... — пробурчал Джордж. — Ждать, пока вы своей адской машинкой локально будете народ кошмарить? Я вам сразу говорил, что меня это не устраивает. Да и падение цены будет не в тысячи раз, а меньше.

— Так вы же все равно мегаприбыль получите! Нельзя быть таким жадным.

— Да не в прибыли дело! И не в жадности! Мне монополия на все мировое побережье нужна, ну, за исключением полярных широт, пожалуй. А это расходы все равно миллиардные, даже с учетом падения самой стоимости земли до нуля. Вы представляете, во что армия юристов обходится? А стоимость и администрирование нескольких тысяч юридических лиц во всевозможных забавных юрисдикциях? И заплатил я вам столько, что можно было не только вашу погодную установку собрать, но и государство какое-нибудь прикупить.

— А я и прикупил, — Беоян заулыбался. — Небольшое, в глубине континента, — чтобы Вам дорогу не переходить.

1 БЕНЕФИЦИАР (от франц. *benefice* — прибыль, польза) — лицо, которому предназначен денежный платеж, получатель денег, выгоды, прибыли, доходов

— Монарх недоделанный, — пробурчал себе под нос хозяин «Маритона», — что эта ваша машинка может, если ее на полную запустить?

— Теоретически может то, чем мы всех и пугать пытаемся, но вопрос сам по себе бессмысленный. Во-первых, если это сделать, то вы лично станете думать о чем угодно, но только не о монопольных планах. Да и побережье будет неизвестно каким и неизвестно где. А во-вторых, это все равно нереально: ни у вас, ни у меня нет доступа к такой энергии, которая нужна на запуск установки на полную мощность. Ну, если вы, конечно, АЭС втихую не построили.

Джордж отрицательно помотал головой, Тигран продолжил:

— Будем пока делать так: вы выбираете направление, мы проходимся там штормами, ураганами, наводнениями и бурями, вы после жутких стихийных бедствий скупаете прибрежную недвижимость, и идем дальше. Долго? Да, но не менее эффективно.

— Так где вы все-таки установку эту взяли? — в свойственной ему манере заказчик сменил вектор разговора.

— Ой, это долгая история... — собеседник прикурил длинную сигариллу. — Еще лет сто назад, в период смутного времени, мой дед в одном новообразованном государстве отъемом собственности занимался. Нет, на дорогах ничего не грабил, а отбирал заводы, здания, бизнес. Тогда даже слово такое забавное было — рейдерство. И так как был он не бандитом, а рейдером, то в обществе и государстве считался уважаемым человеком, даже какую-то должность во власти занимал. И вот как-то по купленному решению суда отжал он научно-исследовательский институт с трудно произносимым названием. Почему сразу не продал — не знаю, но этот объект у нас в семье остался. Отец потом все его площади в аренду сдал. А под конец жизни папа реконструкцию на нем затеял, и обнаружилось там бомбоубежище, о котором за ненадобностью все забыли. А почему, когда, зачем и кто в это бомбоубежище архивы НИИ перетащил, этого, пожалуй, уже не узнаем. И вот, в этом архиве нашли много интересного. В основном мусор, но были и приятные моменты — полное техописание этого устройства, например. Папа долго не знал, куда его пристроить, а продавать не хотел по понятным причинам. А уж когда я подросток и в бизнес вошел, то применение достаточно быстро придумал.

...

*Пригород Нижнего Новгорода,
столицы Объединенной Славянской Коалиции.*

— Глеб Мартынович, я все-таки рекомендую прислушаться к мнению наших специалистов.

Машина, как и сто, и двести лет назад, не столько ехала, сколько преодолевала ухабы.

— Игорь, вы почему дорогу не сделаете? Это же недорого, — замначальника службы безопасности Коалиции устал трястись и уже жалел, что согласился на проведение совещания не в кондиционированной конторе, а на удаленном антитеррористическом объекте, закамуфлированном под охотхозяйство. Именно по этой причине все сюда доставлялись начавшими выходить из употребления автомобилями, а не вертолетами или модными и жутко дорогими гравилетами.

— А зачем? — его помощник по общим вопросам удивился. — Чем хуже дорога, тем меньше желающих сюда сунуться. Легче безопасность обеспечивать. Да и имидж охотхозяйства блюсти нужно, а откуда у него деньги даже на дорогу? Ладно, не сбивайте меня с мысли: так что вы думаете насчет локализации интернета? Спецы говорят, что технически это возможно. Повторюсь: суть в том, чтобы для воспрепятствования террористам совершать информационные вбросы — не отлавливать их сообщения в сети, а разбить интернет на ячейки, связывающиеся между собой как минимум с десятиминутной задержкой. Все это будет походить на банальное торможение системы, а если вдруг наши модераторы пропустят что-то, то из ячейки оно не вылетит.

Глеб Мартынович исподлобья посмотрел на помощника:

— А давайте мы интернет вообще запретим и отключим! А недовольных этим граждан через одного расстреляем. Что за бред несут ваши спецы, а вы, не думая, мне транслируете? Проблема из двух частей состоит: первая — это само наличие в руках у злодеев генерирующей катаклизмы установки, вторая — недопущение мировой паники и построений апокалипсиса. И каким образом предлагаемый вами способ решает проблему в целом?

Игорь открыл было рот для возражения начальнику, благо неформальная обстановка беседы это позволяла, но тот решительным жестом запретил ему говорить и продолжил:

— Вы поймите, в мировой истории полно примеров, когда по скудоумию пытались решать проблему просто путем ее замалчивания. Не работает это! А становится только хуже, потому что информация все равно прорывается! Решать по существу надо!

Он отвернулся от собеседника и уткнулся взглядом в медленно проползающий за окном пейзаж. «Да, разочаровался в помощнике, — думал он, — такие надежды возлагал, а он туда же, по пути наименьшего сопротивления. Не будет из него толка, его потолок — это начальник хозслужбы». Машина тем временем въехала на хорошо ухоженную территорию базы и остановилась. Замначальника, не дожидаясь, пока ему откроют дверь, сам потянул за ручку: впереди было достаточно сложное совещание, и он хотел приступить к нему как можно скорее.

...

*Нейтральные воды. Индийский океан.
Дирижабль без опознавательных знаков.*

— У меня мама с сестрами в трех километрах от моря живут, — Осман в свойственной ему манере дернул подбородком и продолжил: — Денежки, конечно, очень не малые тут платят, но если в сторону неба над моим домом надо будет импульс посылать, то я этого делать не буду.

— Да какая разница куда, горская твоя башка, все от силы и продолжительности импульса зависит, а не от направления. Земля-то круглая! Ты в физмате что делал, учился или европеоидных девок щупал? — Ян Анджейский, каза-

лось, серьезно говорить вообще не умел, и любая фраза у него выходила, как отдельная шутка. — Прицельно эта хрень не работает.

— Ну и что, — нахмурился Осман, — шторм какой в нейтральных водах сделать — это одно, а по заселенным районам проходиться — это другое.

Ян усмехнулся, соображая, как прокомментировать установки самооправдания этого недалекого сына гор. Его собеседник гарантированно знал, что они тут делают и зачем. Но раздался сигнал вызова с нижней командной гондолы, прекращая все разговоры:

— Верхняя палуба, примите команду.

— Принимаем.

— Импульс семь процентов от максимального, продолжительность пять секунд, вектор прежний, залп по готовности.

— Есть! — по-военному рывкнул Осман и уже тише добавил, обращаясь скорее к самому себе: — Надо маме позвонить.

Зашумела электронная машинерия, накапливая энергию, загудел генератор, выходя из спящего в рабочий режим, и монстрообразный пятипалубный дирижабль, этот рукотворный небесный кит, казалось, аж завибрировал и просел, собираясь совершить очередное надругательство над собственной средой обитания.

...

Вена, штаб-квартира Антитеррористического управления Интерпола.

— Что значит: информация только по письменному запросу? Да еще и завизированная решением местного суда?! Они там охренели, что ли? Что они о себе возомнили?

Никола Пью, замдиректора по координации, приготовился слушать, как его босс, Иван Ежков, будет ругаться. Делать это тот умел виртуозно даже по телефону. Жестом предложив Николе присаживаться, он продолжил оживленно жестикулировать перед монитором видеосвязи.

— Они там точно теплое с мягким не путают? Или опухли просто до полной бессознательности? Все ведомства всех стран и корпораций, значит, сотрудничают, а эти, блин, в коленно-локтевой раскорячились. Да я их шкуркой вовнутрь выверну!

Речь о Юниксе — догадался замдиректора: эта корпорация давно уже сидела, как кость поперек горла, у всех мировых спецслужб. Но ничего не поделаешь: они одни из первых умудрились получить статус государства путем создания в нейтральных водах мирового океана искусственного острова. Далее они его «заселили» своими сотрудниками, которые проведя референдум, приняли конституцию и объявили суверенитет. Корпорация быстренько пролоббировала международное признание вновь образованного государства и перестала платить налоги, сменив юрисдикцию на свою, карманную. Пока крупные государственные образования поняли, в чем дело и смогли пропихнуть в ООН пакет законов, ограничивающих подобное, в мире уже существовал десяток корпораций-государств. И некоторые вели себя не очень корректно.

Никола на секунду отвлекся, вспоминая, а сконцентрировав внимание на боссе обратно, понял, что пропустил пару уникальных идиоматических оборотов.

— Значит так, — тот уже заканчивал разговор, — связывайся с их, мать его, президентом, и объясняй, что или они демонстрируют свою склонность к диалогу, или про свои мутные европейские активы могут забыть — лично руку приложу! Без вариантов!

Он резко провел ладонью по клавиатуре перед экраном, сбрасывая вызов, и перевел взгляд на визитера.

— Юникс? — спросил Никола.

— Он, — вздохнул директор, потирая седые виски. — Видите ли, у них в конституции закреплено, что передача любой информации о клиенте возможна только по решению их же суда. Бред! Эта процедура полгода займет!

— А что нам от них надо? В случае чего они первыми суетиться должны, у них вся территория километров сто квадратных. Если обещанное террористами начнется, от них ничего не останется, вместе с суверенитетом.

— Сто двадцать, Юникс сейчас активно площадь увеличивает. Все, что на налогах по всему миру сэкономили, в щебень и бетон превращает, но сути это не меняет. А надо нам от них вот что: через их спутник вызов прошел — разведка Объединенного Арабского Халифата информацией поделилась, — некто семью предупредил о необходимости экстренного переезда в глубь континента. А на тот момент предпосылок видимых еще не было. С самой семьей они поработали и, судя по всему жестко, как они умеют, но тупик — результат ноль. Единственный вариант техническую информацию об абоненте со спутника получить: кто, координаты, история, география перемещений... ну и так далее. А Юникс кривляется.

— Решаемо, — Пью улыбнулся, — я все-таки координацией занимаюсь и делаю это неплохо. Есть у меня связи на Самбе, а у них щупальца по всему миру, даже в нашей организации, — они помогут.

— Самба, — проворчал Ежков, продолжая массировать виски, — я еще те времена помню, когда это мафией называлось. А тут — Самба. Успели тоже себе островок отсыпать, теперь государство, считайся с ними. А в принципе, что?.. Проблема-то общая, действуй.

— Только давайте сразу условимся, что о методах, какими они эту информацию добывать будут, я даже знать не хочу, и вы меня спрашивать не станете.

— Да методы-то все известны и за последние несколько сот лет ничуть не изменились: шантаж, похищение родственников, пытки... действуйте, действуйте.

...

*Орбита Земли. Международная внесударственная
космическая станция «Циолковский-16»*

— Капитан, — в спортивный кубрик вплыл недавно прибывший на станцию возбужденный стажер, — с Земли заявка пришла, я даже представить не мог, что такое бывает. Он протянул ему экранопланшет.

— Что там? — спросил, не переставая крутить педали велотренажера, командир. — По положению о станции и экипаже, на ее борту не может быть информации ограниченного пользования. Так что прочитал, не сомневаюсь, говори.

— Прислали координаты перемещения некоего объекта, просят по нашему архиву видеофиксации планеты его идентифицировать, дать картинку, если возможно, и своевременно уведомлять о его дальнейшем перемещении.

Стажер заговорщицки замолчал.

— Что за бред? — капитан не только не замедлил темп, но даже его прибавил. — Станция у нас международная, ни одному из государств не подчиняется, и подобный запрос послать, в принципе, некому. Кроме того, за всю историю существования МВКС ни разу не выполняла функций соглядатая. Это тебя как самого молодого твои коллеги разводят, погоди, еще пару ведер трансмиссии принести попросят или ядро протона отполировать.

— Антитеррористический центр Америки, Служба безопасности Славянской Коалиции, Антитеррористическое управление Интерпола, Подкомитет ООН «Антитеррор», Объединенный Арабский Халифат, Союз Азиатских Государств и еще пяток подписей.

— Покажи, — командир замедлил все-таки темп и протянул за экранопланшетом руку.

По мере того, как он читал, педали тренажера крутились все медленнее и медленнее, пока не остановились совсем.

— Давай за мной, — посерьезнев, он отстегнулся и поплыл в сторону рубки управления.

— А мы что, даже подтверждения директората и Общественного Совета ЦУПа не запросим? — стажер удивился: это шло в разрез с заученными им инструкциями.

— Ты дурак, — на этот раз удивился капитан, — когда у тебя дом горит, ты тушить ринешься или в пожарную инспекцию за справкой побежишь, что тебе разрешается в тушении собственного жилья участие принимать?

...

*от командира гравилетного звена майора Ли Чанга
командующему Воздушными войсками Союза Азиатских Государств Чи Суну*

Рапорт

Докладываю, что при патрулировании обозначенного квадрата на его южной границе на высоте девяти тысяч метров вверенным мне звеном был обнаружен искомый объект. Его характеристики, (примерно) установленные визуально: высота 50 метров, ширина 50 метров, длина в пиковой части 400 метров. Предположительно, дирижабль неизвестной конструкции. Корпус жесткий, сигарообразный. Внизу (киль) имеется надстройка, состоящая из двух палуб, предположительно, рубка управления и огневая палуба. На корпусе два выступающих обода с иллюминаторами и вооружением, точное назначение нижнего неизвестно, верхнего — однозначно, огневая палуба. Вверху плоская палуба с открывающимся куполом. Назначение неизвестно.

Двигатели реактивные, четыре штуки.

При приближении звено без предупреждения было обстреляно с нижней палубы ракетами типа «банзай». Гравилет №24 погиб. Совершив маневр уклонения, я отдал команду зайти на объект сверху, но со второй палубы корпуса преобладающим пулеметным и ракетным огнем нас вынудили отступить. Гравилет №23 получил повреждения третьей степени.

Залп наших ракет результата не принес — все были сбиты.

Пулеметный огонь результата не дал.

Лучевое оружие не применялось по причине критической удаленности от базы и невозможности вернуться в случае его применения.

Запрошенная поддержка прибыть не успела, так как объект с набором высоты и существенным ускорением вышел из названного квадрата.

Преследование посчитал нецелесообразным по причине выхода объекта из зоны нашей юрисдикции.

Крейсерская скорость объекта 1500 км/ч.

Летный потолок неизвестен.

Опознавательных знаков нет.

Командир гравилетного звена майор Ли Чанг

...

Нижний Новгород, столица Объединенной Славянской Коалиции.

— Глеб Мартынович, азиаты сообщение прислали, — новый помощник Стас радовал его все больше и больше.

— Наконец-то, коллеги из Интерпола живописали их удачный поиск с неудачным финалом. Но нет худа без добра: теперь мы точно злодеев знаем.

— У них же огневой контакт был, что ж они его не сбили?

— Что-что... — Глеб Мартынович поморщился. — А то, что они на батарейках летают! Нет, гравилет штука, конечно, хорошая, ну там на рыбалку сгонять или до работы добраться, но в военном смысле объективно слаба. А нормальную реактивную авиацию они уже лет тридцать не используют. Меня больше интересует, откуда террористы такого монстра взяли. Капитаны Немо, блин, воздушного океана. Скорее всего, опять кто-то из корпораций-государств отлетел.

Стас сразу понял, что имеет в виду его босс. Лет десять назад их ведомство столкнулось с тем, что некая группа лиц пыталась требовать суверенитета для небольшой приморской республики, угрожая в случае отказа распылить в атмосфере какую-то генномодифицированную жуть. Террористов достаточно быстро обезвредили, не дав даже малейшего шанса реализовать угрозу, но, как оказалось, угрожать им на самом деле было чем. Фармакологическая корпорация-государство Брынфайзер выполнила для них генную мутацию семян обычного одуванчика таким образом, что этот сорняк получил свойство буквально за месяц забивать абсолютно все растения и даже расти на деревьях, убивая их. Каких-либо последствий для корпорации не было, так как, с точки зрения международного права, она ничего преступного не совершила.

— И теперь этот монстр парит в нейтральном воздушном пространстве над нейтральными водами, а свое черное дело он и оттуда запросто делать может, — Стас поморщился. — Глеб Мартынович, по вашему опыту, сколько времени уйдет на согласование операции в ООН и определение состава силовой сборной межгосударственной группы?

— Раньше месяца можно и не рассчитывать, а скорее два-три. Бюрократическая машина очень медленная, даже в таких вопросах.

— Долго, уже тысячи погибших и миллиарды ущерба, — помощник задумался, нервно играя желваками. — А что если нам с «Хофман милитари индастриз» связаться? Они хоть и в опале сейчас, но проблема-то их тоже касается...

...

Газета «Политикал Ворлд Пресс». Тираж миллион экземпляров.

Сегодня ночью, примерно в 02.00 по Гринвичу, Международно непризнанная корпорация-государство «Хофман милитари индастриз», уличенная недавно в продолжении запрещенных межправительственными соглашениями разработках космического оружия, совершила со своей территории направленный в космос пробный залп высокотемпературного лазера большой мощности. Как поясняется на сайте корпорации, целью служила проверка на практике некоторых теоретических изысканий, позволяющих увеличивать мощность при прежних энергозатратах. Человеческих жертв нет, имущество не пострадало, хотя, как утверждают специалисты, существовал риск попадания в спутник связи.

По данному факту практически все мировые государства выразили неодобрение и в настоящий момент готовят ноты протеста.

Напоминаем нашим читателям, что «Хофман милитари индастриз» выкупила у одной нефтяной компании находящуюся в нейтральных водах неиспользуемую нефтяную платформу класса «Мегастолп», площадью в четыре квадратных километра, и не имеет международного признания в качестве государства, потому что объявила о своем суверенитете уже после вступления в силу поправок в международном законодательстве, запрещающих создание новых государств, полностью расположенных на искусственных образованиях.

Одноименная компания, зарегистрированная в юрисдикции Объединенная Америка, в своем официальном пресс-релизе заявляет о своей непричастности ни к данному происшествию в частности, ни к непризанному государству вообще.

НАЙДИ МНЕ ТРЕХВАЛЕНТНОЕ ЖЕЛЕЗО!

Григорий прислушался, наклонив голову к плечу. Тихо. Кажется, успокоился. Благодать.

Осторожно распрямил затекшие ноги, выпростал руки из-за головы — лишь бы не нарушить шаткое равновесие — и попытался представить, что он сделает, когда вернется. Оплатит круиз вокруг земного шара... Или нет. Лучше выкупит небольшой, никому не нужный островок в Малайском архипелаге. Такой маленький островок, на котором только и есть, что десяток пальм, белый тонкий песок и виднеется синее-синее море... Волны накатывают и отступают, накатывают и отступают. На их гребнях белые шапки пены, которую срывает ветер, расшвыривая по всему пляжу. Иногда мокрые теплые капли попадают на лицо. Можно не торопясь поднять руку, утереться и снова бездумно лежать в перистой тени, не заботясь о будущем.

Перед глазами засверкало. Запрыгали синие пятна. Человек дернулся, освобождаясь от предательского сна, и тут же наглый голос изо всех сил завопил:

— Найди мне трехвалентное железо!

Григорий смачно сплюнул на титановую палубу и с вызовом ответил:

— Хрен тебе, а не железо...

Наглец тут же переключился:

— Найди хрен! Найди хрен!

— Нет у меня хрена! — Гриша мстительно выставил перед собой фигу из трех пальцев. — И железа нет. Ничего нет. Замолкни, а?

Вещатель замолк.

Гриша прекрасно знал, что как только тот соберется с силами, снова начнет канючить насчет железа. И ладно бы, это был кто-нибудь посторонний! Совсем нет. Железа хотел он сам. Он — в смысле Григорий. Организм его.

Что можно сказать о среднем человеке, живущем на Земле? Некие отвлеченные слова. Родился, учился, вырос, работает... Что можно сказать о его здоровье? Ничего. Болеет, болеет, болеет... Конечно, болеет. А что же ему еще делать, когда одних названий болезней, кажется, больше, чем людей в мегаполисе? Каковы признаки болезни? Тут любой покрутит пальцем у виска и выразится в том смысле, что знать это — обязанность врача. Тут не поспоришь. Но с чего человек вдруг решает, что заболел? Правильно. Ему становится больно.

Болит, скажем, спина. Отлично! То есть, очень плохо! Надо лечить. Идти к врачу и сил нет, и страшно, и вообще не хочется. От чего может болеть спина? Врач назовет десяток причин, диагност — сотню, а сам больной — одну. И вот эту одну он и начинает лечить. Скажем, остеохондроз, а на самом деле — почки не в порядке. Вот он лечит, лечит, а всё без толку. Потому что организм, хоть и подал сигнал тревоги, никак не может объяснить, что его конкретно беспокоит.

Организм среднего человека — не идеальная машина. И больше всего напоминает черный ящик. Пока сигнал дойдет от периферических нервов до спинного мозга, оттуда — до головного, потом вернется обратно, пройдет столько времени, что сама боль превратится из местной в общую.

А ведь как было бы удобно: почувствовал человек дискомфорт, подключился к компьютеру, а ему — сразу диагноз на блюде. То есть на экране. И методы лечения. И всё остальное, что полагается. Больничный, например. Где ловить сигнал? По всему выходит — в том месте, где в работу вступает спинной мозг. Иначе потом сигнал уже будет не разделить.

Ну, хорошо. Подключились. К каждому нерву, который идет к мозгу. Сколько их — никто не подскажет? И как после этого человеку чем-нибудь заниматься? Ему придется всю жизнь провести в кресле, опутанным километрами проводов. Значит, нужно найти замену проводам. Ну, и заодно — регистрирующей аппаратуре.

Ну, что, нашли? Конечно! Наука на месте не стоит. Поэтому вместо проводов у нас будут сами нервы, а под аппаратуру выделим часть мозга. Ту, которая редко используется. Мозг будет сам следить за болезнями организма и сообщать владельцу о надвигающейся беде. Сообщать? Нет, сообщать, конечно, надо. Но почему бы сразу не лечить?

Только не надо говорить, что лечением должен заниматься квалифицированный специалист. Давным-давно вся квалификация зиждется на опыте предков, который обработан, рассортирован и готов к применению в виде программного комплекса. Только врач имеет к нему доступ, а больной — нет. Но если врачом стал отдел мозга, почему бы ему не предоставить всю информацию?

Кстати. Каково назначение врача? Какова его главная задача? Лечить? Ан, нет, ошибаетесь. Его первостепенная функция — обеспечить человеку здоровье. Чувствуете разницу? Если рассуждать логично, чтобы человек был здоров, надо чтоб он не болел. То есть профилактика — главное оружие доктора. По крайней мере, это всегда пропагандировалось. С этим никто спорить не будет. Гораздо проще не засовывать руку под нож промышленной овощерезки, чем потом эту конечность пришивать.

Но не поставишь же над каждым человеком надсмотрщика! И не надо! Надсмотрщик теперь сидит внутри и внимательно наблюдает. Чуть что — едва человек начинает подвергать свою жизнь опасности, мозг блокирует вредное движение. И захочешь выйти на проезжую часть на красный свет, а не получится. Мозг не пустит. Или собираешься ты съесть кусочек копченой колбаски, рот уже наполнился слюной в предчувствии, а рука не слушается. Не подни-

мается. Впору просить соседа, чтоб накормил. Тогда, конечно, организм может только пассивно сопротивляться введению вредной пищи: отмахиваться руками, сжимать зубы, вертеть головой. В общем, развлечение по полной. И для тебя, и для соседа.

Так что лучше организма своего слушаться. Он плохого не пожелает. К тому же активация внутреннего врача происходит в раннем возрасте. Ко времени, когда вроде должно хотеться нарушать запреты, вырабатывается условный рефлекс подчинения самому себе.

Прекрасная жизнь! Никаких опасностей! Никаких тревог! Никаких болезней! Нет, болезни вирусной и бактериальной природы, конечно, никуда не делись. Но организм вовремя, на самой ранней стадии внедрения чужеродных микроорганизмов, подскажет, что надо сделать, какое лекарство принять. Тут можно задействовать слуховой нерв. Человек, услышав такой знакомый голос, примет, что нужно, побудет дома, чтобы случайно не заразить окружающих, и на следующий день с улыбкой пойдет на работу.

Ах, да, работа. Источник всевозможных опасностей. При наличии внутреннего активного врача работать вы будете в самом безопасном месте. Ну, например... Нет, даже не придумать — где. Везде подстерегают опасности. Даже сидя за компьютером, организм подвергается бесконечным атакам бактерий, поселившихся на вашей клавиатуре. Посмотрите на нее! Внимательнее! Положите ее под микроскоп! У вас нет микроскопа? Тогда поверьте на слово, что доктор, сидящий внутри, ни в коем разе не разрешит вам до нее дотронуться!

Приехали. Общество, считай, парализовано. Никто ничего не делает, потому что опасно. Экономика падает, уровень жизни снижается, а организм протестует.

Казалось бы, безвыходная ситуация.

А вот и нет. Мышление человека так и не попало под контроль внутреннего врача. Думать можно о чем угодно. Нашлись люди, придумали. А именно: при активации человек сам выбирает, какой уровень безопасности он хочет иметь. Выбирают, конечно, родители, когда приносят своих чад на обязательное освидетельствование. И будущую профессию для ребенка определяют они же. Точнее — коридор профессий. Потому что опасность деятельности, скажем, школьного учителя и офисного работника примерно одинакова.

Близки работы спасателя МЧС и космонавта. При установке доктора на такой уровень опасности, будущая деятельность индивида ничем не ограничена. Но если есть возможность выбора максимального варианта, неужели ты выберешь что-то среднее и серенькое? И вместо космонавта станешь бухгалтером? Нет же. Тебя, конечно, будут лечить. Будут предупреждать, например, об уменьшении количества кислорода в крови, будут советовать, что в этом случае надо сделать. Но — никаких одергиваний. Только голосовое воздействие.

Именно поэтому уже сутки внутренний врач Григория голосит каждый час: «Найди мне трехвалентное железо!» И чем дальше, тем громче.

Гриша в который уже раз осмотрел тесную кабину спасательного модуля, который пришлось срочно расконсервировать, и вздохнул. Надо же было выбрать эту рухлядь, у которой гарантия закончилась лет десять назад, а ресурсы выбраны подчистую! Нет, самое необходимое в модуле было, иначе он просто не впустил бы потерпевшего аварию космонавта. Был кислород, была вода, были обезвоженные концентраты длительного хранения — замороженная белковая масса. Всё для поддержания жизни одного человека в течение двух недель. Но не для поддержания здоровья.

В последнем случае нужен медицинский комплекс или, на худой конец, снаряженная аптечка. Вот ее-то космонавт и потерял, когда аварийно покидал корабль. Если аппаратура оповещения талдычит гнусавым голосом, что термоядерный реактор через три минуты взорвется, — не до тщательного прикрепления аптечек. И если тебя случайно ударяет о борт струей воздуха из шлюза, и аптечка улетает куда-то далеко в космос, то кто в этом виноват? Правильно, конструкторы, не предусмотревшие индивидуальной спасательной капсулы на борту именно в том месте, где человека застает авария.

То, что метеорит прошел борт как раз там, где располагалась капсула, и разрушил систему защиты реактора, — случайность. И то, что ее вероятность составляла одну миллиардную, Григория не успокоило.

Ему пришлось срочно надевать скафандр, хватать аптечку и выбираться через шлюз. Реактор, конечно, рванул. Но космонавт уже благополучно отлетел от погибающего корабля. Если быть точным, то взорвался не реактор, а контур тепловой защиты. Давление пара не такое большое, чтобы создать много осколков. Основное воздействие — радиация. Но для того и существует система обеззараживания космических кораблей, чтобы потом без особых проблем возвращать их в строй.

Сейчас же Грише нужно было держаться подальше от своего недавнего обиталища. Естественно, в открытом космосе он протянул бы не больше четырех часов — пока хватило кислорода в баллонах. Но спасатели прилетят на аварийный сигнал не раньше, чем через неделю, и то, если на его обработку не потребуется много времени. Всё же орбита Сатурна — не ближний край.

Терпящий бедствие всё это прекрасно понимал. Но, кроме понимания, у него было четкое знание о том, что движется он по орбите вокруг Титана, и как это использовать для собственного спасения.

Да, возле Титана земляне собирались строить научную станцию, совмещенную со складом минералов, добываемых из кольца. Поэтому тут и болталась всякая космическая рухлядь, которую предполагали использовать для строительства. А что? Подогнал отсеки друг к другу, соединил шлюзами, благо стыки стандартные, вдохнул жизнь и живи. Работай. Проводи научные исследования и контролируй поток грузов.

Осмотрев мусор на орбите, Григорий выбрал из связки спасательных модулей самый красивый и вселился в него. Включил автономное энергоснабжение, гравикомпенсаторы, проверил герметичность, напустил воздуха и собрался наслаждаться жизнью до прилета спасателей. Вот тут его и накрыло. Из носа обильно потекло. Кровь. Ну и, разуме-

ется, всё вокруг запачкала. Врач в ухо орет, соображалка на нуле. Пока понял, что делать и как кровь остановить, вылилось много. Но — заткнул фонтан. Врач успокоился, советы давать перестал. И чего советовать, если пациент всё правильно сделал?

Правильно-то правильно, вот только такое происшествие с Григорием в первый раз случилось. Он у стеночки присел, затылок к металлу прислонил и затих. Кровопотеря — для организма штука неприятная. Надо как-то бороться за выживание. Не будет организма, и врача не будет. А как бороться? Правильно, советовать этому горе-космонавту, как здоровье поправить.

Нет, спирт для этого не нужен. Спирт, конечно, хороший растворитель, но что в организме растворять? Организм поддерживать надо. Холить и лелеять. Любить, одним словом. Так что поднимайся Григорий и иди — ищи поддерживающие здоровье препараты. Кровотечение не беспокоит же? Вот то-то. И врача не волнует, где ты это найдешь.

Григорий нашел всё. Ну, почти. Слишком уж маленькие ресурсы оказались на спасательном модуле. А аптечку, как помнится, Гриша потерял. Не получив запрашиваемого, внутренний врач повел себя как истинный спасатель: начал призывать к совести, грозить последствиями и изводить напоминаниями. Типичный такой спасатель.

Терпел космонавт долго. Сутки. Но сколько можно? Тем более, если чувствуешь себя не совсем комфортно. Если устал так, что уже и ноги не держат. А этот всё орет: «Найди мне трехвалентное железо!»

И такое чувство, что не отстанет. Вот пока настоящие спасатели не прилетят, укол в нужное место не вколют, не успокоится. Как с ним бороться? С организмом своим?

Самый простой способ — ликвидировать организм. Только вы ж с ним вместе — одно целое. Сам тоже помрешь. Отпадает. Да и не даст врач причинять себе повреждения: они все настроены, чтоб самоубийства не допускать.

Второй способ — предложить ему что-нибудь взамен этого долбанного железа! Вряд ли прокатит. Уж если нужно именно оно, то ничем другим не заменишь, как ни пытайся. Внутреннего доктора не проведешь.

Может, договориться? Почему невозможно? Просто никто не пытался договариваться.

Космонавт сосредоточился и попытался сформулировать первую фразу, с которой он обратится к внутреннему врачу.

— Дорогой организм... — Нет, не то. — Уважаемый врач... — М-да.

— Слушай, ты, внутри! Немедленно отвечай, зачем тебе железо!

Вначале Григорию показалось, что реакции он не дожидается и надо повторить запрос. Но потом что-то щелкнуло в голове или в ушах, и скорбный голос произнес:

— При недостатке железа снижается иммунитет и увеличивается риск инфекционных заболеваний. Уменьшается количество эритроцитов и лимфоцитов. Взрослые ощущают постоянную усталость... Ощущаешь усталость? Ощущаешь?! Ощущаешь?! Ощущаешь!.. — и голос злорадно захохотал.

— Прилетят спасатели и помогут. Совсем недолго ждать. И, кстати, зачем тебе именно трехвалентное железо?

— Двухвалентное, которое ты можешь усвоить, содержится в мясе. Мяса у тебя нет. А трехвалентное можно успешно переработать в двухвалентное уже внутри организма — у тебя достаточное содержание аскорбиновой кислоты. Всё понял?

— Нет, не всё, — возмутился Гриша. — Откуда такая срочная необходимость в поисках? Я что — не выживу без твоего железа?

— Выживешь. Но жить будешь плохо. Лечение длительное, болезненное. Иногда приводящее к незапланированным осложнениям. Нет стопроцентной гарантии, что их не возникнет.

— Нет, и ладно, — обозлился Гриша. — Вот сдохну без кислорода, тогда запоешь.

Внутренний врач обиделся и замолчал.

В модуле железа не было. Был алюминий, титан, композитные материалы на основе углерода и кремния. Да что угодно, кроме злополучного металла. Почему-то Григорий не сомневался, что врач так просто не отстанет. Подуеться и опять начнет мучить и вопить насчет поисков. Где искать? Где?! Эх, если бы не метеорит, нанесший кораблю фатальные повреждения, Гриша и горя бы не знал. Летел бы себе спокойненько, никого не трогал, ни о чем не думал. Исполнял бы редкие и понятные просьбы внутреннего эскулапа. Да, во всем был виноват этот космический бульжник.

Постойте! Метеорит! Какой у него состав? Конечно, разный. Но есть кое-что общее. Разумеется, наличие определенного металла. А именно, железа. Причем зачастую уже сразу в виде окислов.

Если в корабль попал один метеорит, то найти еще один — пара пустяков. Этим он и займется до прилета спасателей. И отвлечется, и врач не будет приставать с поисками. Чего приставать, если он ищет.

— Слышь, кудрявый! — обозвал Григорий личного доктора. — Я за углистым хондритом. Смекаешь? Чуть погодя привезу тебе чертову уйму железа. Так что не отвлекай меня понапрасну. Понял?

Врач понял. И даже пожелал космонавту удачи.

Кто-нибудь занимался поисками метеоритов? Не обязательно в кольцах Сатурна. Обычно этим промышляют в Поясе астероидов. Специальные системы обнаружения, оборудование спектрального анализа, усиленные механические захваты, скоростные двигатели, кое-что для отпора конкурентам. В общем, тяжелая работа. Ею только авантюристы занимаются. Да и то в тех местах, где астероидов навалом.

На орбите Титана их мало. Они все уже на него упали. Куда податься? Где камешек найти? И, кстати, на чем перемещаться?

Да, это проблема — найти средство передвижения к нужному астероиду. Гриша очень вовремя вспомнил, что никаких летательных аппаратов он не имеет. За исключением, конечно, движка скафандра. Но этот способ явно не годился для поисков.

Конечно, где-то поблизости болтается радиоактивный корабль. И кроме маршевого двигателя, у него сохранились твердотопливные двигатели ориентации. Если иметь свинцовую защиту, то несколько минут организм позволит находиться внутри потерпевшего крушение судна. А потом заставит выйти. Плохое решение, нет сомнений. Что остается? Правильно — спасательный модуль. Может он полететь? Кто ж его знает! Надо читать инструкцию, благо она выскакивает сразу, стоит активизировать управляющий узел. Так-так, раздел «Перемещение в пространстве».

Да, лететь можно. Но недолго. И недалеко. Для чего — не очень понятно. На всякий случай, что ли? Вот случай и произошел. Теперь надо выбрать направление, запустить движок и неторопливо переместиться в нужную сторону. А нужной будет та, где ждет астероид. Ну, или метеорит. В общем, любое космическое тело естественного происхождения. Следовательно, надо определиться. Заранее найти каменюку, к которой лететь.

Гриша прекрасно понимал, что повернуть спасательный модуль, остановить или запустить его в обратную сторону — технически невыполнимая задача. Поэтому поиск и еще раз поиск до победного конца.

Организм не протестовал. После того, как ему пообещали найти железо, он любезно помалкивал. И в меру сил старался помогать: увеличил мышечный тонус, скорость реакции, остроту зрения — всё в пределах допустимых параметров, чтобы потом вернуться к оптимальному состоянию без фатальных последствий.

С астероидом Грише повезло. Радар обнаружил каменное тело всего лишь через пятнадцать минут после начала поиска. Его относительная скорость была небольшой. Лети и забирай. Конечно, далековато. Но не бывает же всё идеально. И сколько потребуется времени, чтобы при имеющемся количестве горючего стартовать, долететь до вожделенного астероида и затормозить? Сколько? Три месяца?! Это почему?!

Внутренний врач не выдержал потрясения и заголосил: «Найди мне трехвалентное железо!»

— А ты мне — горючку! — огрызнулся Григорий.

Голос замолчал. Он явно не мог сделать того, о чем его просили. Добыча нужных веществ и материалов всегда оставалась прерогативой человека. И способность думать — тоже.

Подумать Григорию было над чем. Например, каким образом долететь до астероида хотя бы за сутки. Ладно, за двое. Гриша чувствовал, что внутренний врач больше ему не выделит. И так три дня без железа — шутка ли!

Что имелось у Гриши? Корабль? Нет, корабль уже рассматривали. Скафандр? Не смешите! Не вылезать же наружу и не подталкивать модуль! А чем его подталкивать? Что имеется? Кроме модуля, ничего! Надо было другой выбирать, когда вселялся. Стоп. Другой. Ведь их там целая связка! Если модули жестко соединить и одновременно запустить... Что по этому поводу скажет расчетная программа?.. Опять три месяца?! Да что ж такое!

Нет, причина понятна: масса соединенной конструкции увеличилась ровно на столько, на сколько возросло тяговое усилие. Значит, нужно избавиться от лишней массы. То есть забрать с модулей только двигатели и горючее.

Возможно это технически? Управляющий узел говорит: «Да!». Он знает. Он всё понимает. Всё для спасения попавшего в беду космонавта! Даже если космонавту для спасения нужен ближайший астероид.

Григорий задал программу перемонтажа спасательных модулей и расслабился. Оставалось немного подождать, и астероид окажется на борту.

Теперь — спать, восстанавливать силы. Наверняка организм против этого не будет возражать. Гриша с удобством растянулся на полу и приказал себя разбудить, когда прибудет астероид.

— Вставай! Где мое трехвалентное железо?!

Ну, кто так будит космонавта, попавшего в аварию? Только бездушный внутренний врач.

— Разве мы еще не долетели? — спросонок ответил Гриша, зевая во весь рот.

— Долетели. Давай действуй.

Григорий разлепил глаза и взгляделся в экран. В свете Титана неторопливо вращалась каменюка. Она не собиралась попадать на борт. Да и как ей попадать? Гриша не удосужился ознакомиться с техническим оснащением спасательного модуля, а то бы знал, что захватами модуль не оснащен. Впрочем, выяснил он это весьма быстро.

— Так. Вот твое железо! — астронавт для наглядности потыкал в экран. — Чтобы его забрать, надо выйти. В открытый космос. Одобряем-с?

Организм молчал. Видимо, просчитывал, что предпочтительнее — выйти за астероидом или остаться без любимого трехвалентного железа. Железо победило.

— Выходи. Не забывай о технике безопасности.

Григорий потряс тяжелой головой и полез в скафандр.

Снять астероид с орбиты оказалось непростым делом. Начать с того, что размером он был с самого Григория, а значит, имел соответствующую массу. Так что идею просто затолкать камень в шлюз Гриша отменил сразу. На смену этой тут же пришла новая, не менее безумная: что-нибудь взорвать позади астероида, и пусть залетает в шлюз сам. И кто его там остановит? Конечно, сам Гриша, своим тщедушным телом. А если камень не попадет в шлюз, то пробой борта обеспечен. Ну, кому понравится такой результат?

Поразмыслив еще немного, Григорий родил идею подтащить астероид с помощью тросов и системы блоков. Пусть это и не очень быстро, зато кажется надежным.

Трос Гриша нашел. Хороший, крепкий. Нашел и блоки с рукояткой, чтобы вращать. Прикрепил их к стенке шлюза, а трос тщательно обмотал вокруг астероида. Вернее, тот сам намотался на вращающийся камень. И, понятное дело, астероид дернул модуль к себе. Крепления выдержали. Трос — тоже. Опять повезло. Осталось подтянуть камень и доставить его в жилую часть. В любой другой части внутренний врач вряд ли смог бы воспользоваться железом.

На время погрузочных работ Григорий гравикомпенсаторы отключил. А то как долбанет камешек об пол, потом не сдвинешь. Невесомость, конечно, штука малоприятная, но необходимая. И нечего некоторым выражаться и тре-

бовать приведения в порядок вестибулярного аппарата! Он сам исправится после того, как камешек попадет в нужный отсек.

Гриша благополучно докрутил ручку, грохнул астероид о стену, задраил наружную дверь шлюза и распластался в воздухе. Сил снять скафандр уже не было.

Организм ругнулся напоследок и влил в Григория последние капли бодрости.

Отлично! Теперь всё пойдет на лад.

Гравикомпенсаторы включены, скафандр снят, космонавт гордо стоит рядом с черноватым астероидом, опираясь на его изъеденную мелкими кратерами поверхность. Доволен?

Внутреннему врачу нечего сказать. Что тут скажешь, если, наконец, добыто трехвалентное железо! Что? Нечего? Вовсе нет. Врач всегда найдет причину проявить неудовольствие. Теперь Гриша должен преобразовать железо в вещество, которое он может употребить. Заняться химией, так сказать.

Но этим Григория не проймешь! Он — космонавт, полный сил, справившийся с собственным врачом. Соорудить нужное вещество — раз плюнуть. Ну, или два раза. Ладно, столько раз, сколько нужно, пока слюны хватит. Даже думать не надо — смешивай реактивы, подогревай растворители, отколупывай от астероида небольшой кусочек. Всё просто.

И вот перед Гришей небольшая мензурка, наполненная бурой неаппетитной жидкостью — а когда лекарство было аппетитным? — которую ему надо немедленно выпить. До дна.

Григорий мужественно пьет, морщится и хрипло заявляет, что лучше бы он обошелся без этого дурацкого трехвалентного железа. И что примечательно — организм с ним полностью согласен. Теперь согласен. Данный элемент ему уже не нужен. Можно спокойно дожидаться спасателей, которые уже несколько раз выходили на связь и интересовались самочувствием космонавта. Как будто ему мало внутреннего надсмотрщика.

Кстати, стоит отметить, что за поисками необходимого металла Гриша совершенно забыл о времени. Не скучал, не мучился, поглядывая на часы, — когда же прилетит помощь. А прилетит она довольно скоро. Благодарить!

У Григория даже настроение поднялось. Захотелось с кем-нибудь поговорить, поделиться радостью. Единственный собеседник — внутренний врач.

— Ну что, лысый, всем доволен? — благодушно спросил Гриша.

Организм подумал и сухо сообщил:

— Нет. Мне. Нужна. Медь. Срочно!

ЭСТАФЕТА

Я проверил последний блок и, плюхнувшись в вертящееся кресло, позволил себе десятиминутный отдых. Мало было работы, так теперь еще вновь предстоит «посиделки» с главным компьютером! Но куда не денешься — завтра старт.

Гонки ожидалась грандиозные, многодневные. Сто тридцать пять участников со всех обжитых планет — самые прославленные яхтсмены! Моя «Меропа», конечно, чудесное суденышко, но... На соревнования такого ранга я попал впервые, а несколько побед в региональных гонках еще ни о чем не говорили. Поэтому решил для себя: сумею втиснуться в первую двадцатку — можно праздновать успех. Хотя, конечно, рассчитывал на большее. А уж Аленка, если возьму какой-нибудь приз, просто с ума сойдет. От моих провалов у подруги резко портится настроение. Зато стоит отличиться — зацелует так, что и не знаешь, на каком ты свете...

Осталось разработать тактику заключительного этапа, на подходе к крайней планете системы Ринуса. Я потянулся к панели, собираясь включить ГК, и вдруг почувствовал затылком чей-то взгляд. Здесь, на одноместном кораблике, пришвартованном к автоматической орбитальной станции?! Подобная чертовщина могла означать лишь одно: с тобой неладно, парень. Последний яхтсмен уже полчаса как отбыл на Ринус-Два.

Я резко крутанулся в кресле.

В дверях рубки, слегка пригнувшись, стоял человек. Почти на голову выше меня, довольно худой, с упрямо выпирающим подбородком и насмешливой складкой у рта. Выглядел он лет на сорок.

— Не помешаю? — Интонация была совсем не вопросительная. Незнакомец словно утверждал свое право находиться здесь.

— Черт возьми! — уверен, что у других на моем месте с языка сорвались бы словечки покрепче. — Что вы тут делаете?

Он шагнул в рубку, огляделся и, заметив большой черный куб генератора искусственной гравитации, уселся на него.

— Хочу с тобой поговорить.

— Может, вы все-таки представитесь? — Не люблю, когда с ходу обращаются на «ты». Пусть я вдвое моложе, это не дает права на фамильярность!

— Обязательно. — Холодный прием ничуть не смутил гостя. — Освальд Маркин. Бывший пилот с «Альфагета». Слышал о таком корабле?

— С «Альфагета»? — Наверно, у меня отвисла челюсть. Тайна Линды сама приплыла в руки! О такой удаче можно было только мечтать!

Линду открыл лет десять назад автоматический разведчик, посланный в созвездие Рыси. Точно: мы с Аленкой учились в третьем классе, и я тогда на эту белокрысую даже внимания не обращал. Зато хорошо помню, как разведчик сообщил по гиперканалу, что на далекой планете обнаружена жизнь. Какой шум поднялся! Затем связь прервалась. Насовсем.

Исследовательский звездолет «Альфагет» стартовал к Линде спустя полгода, но разгадка тайны не приблизилась ни на йоту. Станным показалось уже то, что корабль вернулся на Землю гораздо раньше ожидаемого срока. Было опубликовано несколько путаных отчетов, из которых никто решительно ничего не понял. А вскоре все упоминания о Линде исчезли, как будто само ее открытие оказалось блефом. Многие тогда изощрались в выдумках, пытались угадать, что же произошло на загадочной планете. Насколько мне известно, с тех пор ни об одном полете к солнцу Линды официально не сообщалось.

— Так вы тоже были в экспедиции? Той самой?..

— Был, — просто ответил Маркин. — Между прочим, перед тобой единственный человек, побывавший на Линде. Я чуть не подпрыгнул.

— Слушайте, ведь это же здорово! Ну, так сейчас мой киберповар сварганит кофе, и побеседуем! Идет?

— Ко-фе-э... — Маркин протянул слово, будто смакуя его. — Это хорошо... Только знаешь что? Не ощущаю привычной обстановки. Стоим на приколе. Давай рванем, а? В космос, к чертям собачьим?

— Что? — выдав заказ бортовому кулинару, я с недоумением уставился на гостя. Только сейчас бросилось в глаза, что одет он, мягко говоря, странно. На нем был переливающийся всеми цветами радуги молодежный комбинезон, на ногах красовались сверхмодные золотистые ботинки на пенолироновой подошве. Создавалось впечатление, что космический волк второпях натянул то, что оказалось под рукой. Не смотрелся он в этом попугайском облачении, выпадал из образа.

«Чудак какой-то, — подумал я. — Бывший пилот... Почему бывший? Наверно, врачи запретили летать. Вот и бродит теперь по уютным зеленым скверикам Ринуса-Два, а ночами тоскливо смотрит на россыпи недостижимых светил. Из прежней жизни его выбили, в новой он себя не нашел. А такие люди часто затрудняются решать самые прозаические вопросы. Возможно, Маркину просто все равно, что надеть на себя. Поглощенный мечтой о звездах, он не думает о житейских мелочах. А тут становится известно о регате. И сразу — мысль: уговорить какого-нибудь юнца совершить незапланированный полет, чтобы вдохнуть аромат космоса не через экраны пассажирского лайнера... Логично? Да, как будто».

— Значит, вы пробрались сюда, потому что вам захотелось полетать?

Маркин мягко подтянул ноги вверх и обхватил руками колени. Чего-чего, а нескладности, свойственной высоким худым людям, в нем не было и в помине.

— Вот именно, пробрался... Всеми правдами и неправдами. Пришлось даже прибегнуть к этому маскараду. — Он с отвращением оглядел свой щегольской комбинезон, и я понял, что, нарисовав образ рассеянного чудака, попал пальцем в небо. — Несolidно, конечно, звездному волку играть в кошки-мышки, но выхода не было. Я ведь даже шлюпку с космодрома угнал, чтобы здесь оказаться.

Маркин внезапно отпустил колени и пружинисто соскочил на пол, очутившись прямо перед моим креслом.

— Хочешь слетать на Линду?

Я оторопел.

— Ну и шуточки у вас...

— Я вовсе не шучу. — Он нависал надо мной, и это было страшно неприятно. Хотелось поскорее отодвинуть его, усадить куда-нибудь.

— Ты же не думаешь, — продолжал Маркин, — что я забрался сюда, чтобы ностальгически всплакнуть о своем славном прошлом? Дяде Освальду просто нужно на Линду. Обязательно нужно на Линду.

Нет, он определенно не укладывался в убогую схему, которую я высосал из пальца. Это был цельный человек, не раздвоенный на «до» и «после». У него была задача, и он собирался во что бы то ни стало решить ее. Я понял, что придется отбиваться.

— Туда никто не летал со времени вашей экспедиции. Похоже, Линда вообще попала под запрет.

Он кивнул:

— Верно. Что дальше?

— Во-вторых, «Меропа» — яхта, а не звездолет.

Маркин страдальчески вздохнул.

— О мой юный друг! Наивно рассчитывать, что дяденька не знает устройства твоего кораблика. Яхта такого класса способна, помимо всего прочего, совершить два гиперперехода — каждый на три с половиной парсека. Достаточно, чтобы слетать на Линду и обратно, — я сделал расчеты. Это раньше приходилось гонять звездолеты, а теперь, когда оборудовали базу на Ринусе-Два... Что еще? Координаты солнца Линды вот здесь, — он похлопал себя по нагрудному карману. — Может, затрудняешься составить программу для ГК? Готов помочь. Хорошо?

Мои уши запылали.

— Зачем же вам утруждать себя? — я постарался вложить в свои слова максимум едкости. — Уж как-нибудь справлюсь. Кстати, вы не могли бы вернуться на прежнее место? Надоело, знаете ли, задирать голову.

Я был почти уверен, что уязвленный Маркин из упрямства останется стоять. Но он, ни слова не говоря, отступил назад, уселся на генератор и насмешливо прищурился.

— Значит, ты согласен?

В рубке повисла тишина — какая-то необыкновенная, осязаемая. Ее, казалось, можно было мять пальцами. Я понял, что Маркин меня поймал.

— Завтра же регата! — это был последний козырь.

— Регата! — Маркин фыркнул. — Да ты и думать о ней забудешь после нашей одиссеи! Кстати, — он принялся, — кофе готов. Хлебнем перед дорогой?

Мягкий толчок — и яхта отделилась от ажурного диска станции.

Диспетчер на Ринусе-Два дал добро на короткий тренировочный полет. Знал бы он, что это за полет!.. Все, теперь уже не выкрутятся. Плакала регата! Да что регата — за такие дела могут дисквалифицировать лет на пять...

— Ну-ну, не вешай нос! — услышал я жизнерадостный голос Маркина. — Не ты ли полчаса назад сгорал от любопытства, желая узнать, что со мной приключилось на Линде? Вот и слушай. Чтобы не задеть станцию выбросом гиперполя, нам еще часа полтора придется лететь на обычной тяге. Как раз уложусь. Только постарайся пореже перебивать. Договорились?

— Начинаю слушать, — нейтрально ответил я.

Он хмыкнул.

— Что ж, приступим. Итак, я был тем самым пилотом, которого капитан «Альфагета» отправил на катере для первого знакомства с Линдой. Проходило оно трудновато: у атмосферы оказался дьявольски сложный состав, и всю поверхность планеты затягивал мощный облачный слой. Катер пришлось сажать с помощью инфракрасных датчиков — сам я в этом коктейле ничего не видел.

Машина, если верить аппаратуре, опустилась на равнине. Вскоре они сообщили новую деталь: километрах в двух от катера находится огромное бесформенное образование неизвестной структуры. По инструкции, мне бы не следовало сразу соваться туда. Но я был нетерпелив и решил начать разведку именно с этой штуковины. А потому, недолго думая, надел скафандр и вышел наружу.

Видимость была шагов на десять, не больше. Лучи красного карлика, солнца Линды, с трудом пробивались сквозь облака и окрашивали все вокруг в багровые тона. Прибор указывал направление к загадочному объекту, но пройти удалось не так уж много. Из-под ног вдруг поползли клубы густого бурого дыма. Они поднимались все выше, и в момент, когда полностью пропала видимость, я ощутил чье-то прикосновение. Потом огромные невидимые лапы сцапали меня и стали вертеть, как забавную игрушку. Помню, мелькнула мысль: сейчас сверхпрочный скафандр лопнет, и я вывалюсь или в пасть, утыканную метровыми зубами, или в комок мохнатых щупалец...

Но туман неожиданно растаял, и открылось потрясающее зрелище. Подвешенный в силовом коконе, я находился в центре фантастического мира. Меня окружали светящиеся голубые деревья с причудливо изогнутыми ветвями. Они шевелились, их стволы опоясывали пульсирующие жилки, ветви то сокращались, то вытягивались, касаясь земли... если, конечно, считать землей стекловидную массу с дымчатыми разводами в глубине.

Маркин замолчал, словно припоминая. Я ошарашенно уставился на него: кто бы подумал, что бесцеремонный, напористый трудяга-пилот способен так красиво, вкусно рассказывать! Пожалуй, ему стоило начать писать книжки — зачитывались бы...

— Над головой, — продолжал между тем Маркин, — был волнистый свод, поросший желтым колышущимся пухом. Из этого пуха свисали длинные спирально закрученные нити. А в просветах между деревьями то и дело что-то вспыхивало. Повсюду мелькали нестерпимо яркие зеленые молнии, летели во все стороны большие жемчужно-блестящие шары, которые разлетались потом мириадами сверкающих брызг. И чувствовалось: каждая диковина — не сама по себе, все вместе они составляют единый грандиозный процесс. Я сейчас попытался выделить детали, или, если хочешь, фазы этого процесса... Так вот, это вздор! Он неделим, его бессмысленно описывать по частям. Это надо видеть!

Маркин вновь замолчал. Я пораился восторженному выражению его лица. Теперь он больше всего напоминал пылкого юнгу-стажера, впервые открывшего для себя краски живой Вселенной. Сейчас — честное слово! — даже комбинезон этот мальчишеский смотрелся на нем естественно.

— А дальше? — вырвалось у меня. Странно, но я, которого друзья считают недоверчивым, сразу принял услышанное за чистую монету.

— Дальше произошло то, чего следовало ожидать: к гостю обратился хозяин этого сказочного мира. Впрочем, «хозяин» — в данном случае неудачный термин. Просто-напросто все чудеса вокруг — это и был он, Инт. Уже и не помню, почему я стал называть его так. Наверное, поняв, что беседую с разумным существом, машинально сократил слово «интеллект»...

Как мы общались? Позже Инт объяснил, что он «настроил» мой мозг на восприятие его «речи» — ничтожно слабых колебаний гравитационного поля. Ну а я, чтобы дать ответ, должен был всего лишь мысленно его сформулировать.

Как ни странно, вопросы Инта оказались философского плана. Представь, что тебя вот так, сразу, спрашивают: «В чем ты видишь смысл своего существования?»

Не помню дословно, что я из себя вымучил в ответ. Но Инту наше общение понравилось, и он продолжил допрос. Какие свойства материи я считаю основными, а какие второстепенными? В чем разница между живым и неживым?

Ты не поверишь, но я не уклонился ни от одного ответа, хотя порой чувствовал себя полным идиотом. А сморозив что-то в очередной раз, поинтересовался, чего добивается хозяин Линды. Как оказалось, это был своеобразный тест: Инт пытался понять характер моего мышления. И ты знаешь, он остался доволен результатом. А я-то думал, что беспомощно карабкаюсь в паутине слов, не в силах внятно выразить свои мысли!

Да, все мы падки на лесть. Я, признаться, так и растаял от похвалы. Но тут же был спущен с небес на землю. Мол, рано радуешься, мил человек! Мозги у тебя есть, отрицать не могу, да только используешь ты их на какие-то жалкие проценты. Вся остальная начинка черепа — фактически мертвый груз! Между прочим, выводы наших биологов сводятся к тому же, но я никогда не придавал им значения.

В общем, Инт хотел бы как следует поработать с моим мозгом, пробудить спящие участки, чтобы раскрутить его на все сто процентов! Но, являясь существом цивилизованным, был обязан спросить на это согласия.

У кого от такого предложения не закружится голова? Каждый из нас хоть раз в жизни мечтал заделаться сверхчеловеком, а тут суперменство преподносят на блюде! Но горький опыт подсказывал, что ни на Земле, ни в дальнем космосе ничего не дают просто так. Короче, я заявил, что дам ответ лишь после того, как ознакомлюсь с планами Инта.

И тогда мне открылась шокирующая истина. Инт появился на планете около двух миллионов лет назад. Его сотворили, вырастили в особой среде предыдущие хозяева Линды. Да, когда-то там жили разумные существа, чем-то напоминающие людей. Они создали мощную техническую цивилизацию, но, увы, сами же ее и погубили. Задумали какой-то глобальный физический эксперимент, а он возьми да и выйди из-под контроля... Волны пространственно-временных возмущений прокатились по планете и умертвили все белковые организмы. А вот полусущество-полумашину уничтожить не смогли! Хотя, разумеется, и Инту досталось. Особенно пострадали ячейки памяти. Инт забыл свое предназначение, одичал и, предоставленный самому себе, прошел длительную эволюцию.

За миллионы лет он достиг небывалого могущества. Сначала приблизил Линду к светилу и создал на ней новую, более подходящую ему атмосферу. Затем занялся вопросами галактического масштаба. В принципе, Инт мог бы, преобразовавшись в особое поле, свободно путешествовать среди звезд. Но это был, так сказать, мыслитель-домосед. Не трогаясь с места, он разгадывал природу квазаров, черных и белых дыр, множества других удивительных объектов. Голова идет кругом, как подумаешь, чему бы мы могли научиться у этого затворника!

Итак, Инт жил и развивался, познавая законы мироздания и размышляя о сути вещей. Работая над колоссальным трудом — всеобщей теорией развития Вселенной, он не замечал бега времени.

И вдруг случилось странное. Однажды, прислушавшись к своим ощущениям, Инт понял: что-то в его исполинском организме разладилось. Аномалии все нарастали, и, чтобы понять их природу, Инт произвел сложные вычисления. Результат ошеломил: жить ему осталось не более тысячи лет! Срок, огромный по человеческим меркам, но совершенно ничтожный для существа с семизначным возрастом. Конечно, завершить грандиозную теорию за столь малый отрезок времени нечего было и надеяться.

Он стал искать причину угасания, перебрал множество вариантов и в конце концов пришел к выводу: смерть как неизбежный итог была предопределена его создателями. Возможно, творцы боялись, что самосовершенствующаяся машина рано или поздно выйдет из-под контроля, и, просчитав критический срок, поставили ограничитель. Произошедшая затем катастрофа стерла первоначальную программу Инта. Видимо, зловещий механизм самоликвидации также был поврежден: время его запуска отодвинулось далеко в будущее. Но устройство продолжало незаметно тикать, и в один прекрасный момент прозвенел звонок. Демон, дремавший где-то внутри Инта, пробудился и начал свою разрушительную работу.

Хуже всего было то, что прежние хозяева планеты ввели в программу Инта ряд ограничений, которые не позволяли их детищу полностью познать самого себя. Какой парадокс! Мыслителю, проникшему в секреты мироздания, оказалось не под силу сломать рамки, установленные творцами! Вот тогда-то Инт понял: помочь ему может только разумное существо, возникшее в ходе естественной эволюции, свободное от вмешательства чужой воли. А тут как раз на Линду высадились я...

Маркин помолчал с минуту, словно давая мне время осмыслить услышанное, затем продолжил рассказ.

— Итак, он хотел, чтобы я придумал, как испортить чертов выключатель. Хороша задачка, если даже искусственный сверхразум не сумел ее решить! Теперь понимаешь, почему мой мозг требовалось загрузить на сто процентов, пробудить способности, о которых я и не подозревал? Выяснилось, что кое-какие из неработающих связей Инт уже задействовал — без этого мы бы не смогли разговаривать. Теперь он просил согласия довести перестройку до конца.

Наступила напряженная, пульсирующая тишина.

— Так, значит, вы сейчас?... — я не осмеливался продолжить фразу. Мысль о том, что Маркин, возможно, уже не совсем человек, была чудовищной, и я попытался подавить ее, загнать на самое дно сознания. Пусть скажет «нет»! Только одно слово — «нет»!

— Да.

Он взгляделся в пространство перед собой, и в воздухе вдруг обозначились контуры чего-то большого, шарообразного. Делая загадочные пассы, Маркин вылепил из ничего прозрачный сосуд с переливающимися, как у мыльного пузыря, стенками, после чего движением мизинца уничтожил его. Затем он резко взмахнул рукой, и в воздухе, повторяя траекторию его ладони, вспыхнул алый след. Продержавшись пару секунд, огненный росчерк исчез.

Лицо Маркина брезгливо сморщилось.

— Дешевые фокусы... Сам не знаю, как это у меня выходит. Наверно, побочное следствие преобразования мозга. Изменилась энергетика организма...

Пожалуй, минуты полторы я находился в трансе, а выйдя из него, не нашел ничего лучше, как задать идиотский вопрос:

— А вы еще можете... что-нибудь такое?

Маркин грустно, одними уголками губ, улыбнулся.

— Я много чего могу... Хорошо еще, научился со временем управлять собой — раньше все это лезло наружу непроизвольно. Но на первый раз трюков хватит. Лучше слушай, что было дальше. Конечно, согласие я дал — всегда был авантюристом, пытался если не съесть, то хотя бы пощупать запретный плод. И тогда... Это было нечто неопишное! Мое «я» раздвоилось, разстроилось, многократно умножилось, и все новые сущности стали осмысливать мир одновременно с различных сторон. Настоящее пиршество мысли! Я проник, казалось, во все первоэлементы материи, научился складывать кирпичики мироздания, а потому и проблема Инта показалась поначалу чрезвычайно простой. Возраст хозяина Линды, структура составляющих его ячеек, магнитное поле планеты, даже кривизна пространства в этой области Галактики — множество фактов и фактиков укладывалось в стройную логическую последовательность. До разгадки, казалось, рукой подать — и вдруг я словно уперся в стену! Данных было предостаточно, но проблема по-прежнему не решалась ни в какую...

Последовала пауза.

— Я пробыл на Линде почти сутки — пожалуй, самые насыщенные в моей жизни. Беседуя с Интом, погружался в глубины микромира и вычислял силы, движущие галактиками, решал вопросы, которыми человечество еще никогда не задавалось! Конечно, ему незнакомо понятие «дружба» — он признавал в собеседнике лишь сравнимый по силе разум, коллегу в решении определенных задач. Но, честное слово, прощаясь, я испытывал к Инту самую настоящую симпатию. И, разумеется, пообещал передать его призыв о помощи команде корабля. Ясно было, что если даже всего несколько человек согласятся перестроить свой мозг, шансы Инта получить долгожданный ответ многократно возрастут.

— Ну и?... — не вытерпел я.

Маркин сцепил пальцы и хрустнул ими.

— Понимаешь... В идеале все выглядело прекрасно. Но я как-то упустил из виду, что любое человеческое общество, даже такое крошечное, как экипаж корабля, подчиняется своим законам и правилам. И один из этих законов, едва ли не самый древний и неистребимый, — закон отторжения чужаков. Казалось бы, в наше время подобные атавизмы — вздор. Ан нет!

Ты видишь — я сейчас не пускаю дым и не размагничиваю приборы. Но, чтобы стать «как все», пришлось долго тренироваться. А тогда... В общем, едва выбрался из стыковочного шлюза, как сработал один из этих дурацких побочных эффектов. Представь: товарищи вышли тебя встречать, а ты вдруг отрываешься от палубы и зависаешь в воздухе! Понятно, на меня уставились, как на инопланетянина. Чтобы разрядить обстановку, я попытался обратить все в шутку, но тут же, сам того не желая, поднялся еще сантиметров на десять. Это уже было скверно. Помню лица ребят — бледные застывшие маски, плавающие передо мной в каком-то дрожащем сгустившемся мареве. Эти лица с выражением

ужаса, вмороженным в такие до боли знакомые черты, не забуду никогда. Пробовал что-то объяснить — бесполезно. Ребята попятились, затем молча расступились, освобождая середину коридора. Это отчуждение так врезало по нервам, что захотелось взорваться воплем, схватить кого-нибудь за грудки и бить о переборку. Но я сдержался. Еще неизвестно, как бы сам поступил на их месте...

Я вылез из скафандра и направился в каюту, чувствуя, как по спине скользят взгляды, и в каждом — не произнесенное вслух: «Чужой... чужой... чужой...».

Минут через пять меня вызвал капитан.

Наш старик отличался дотошностью. Он потребовал подробно описать все, что я пережил на планете. Выслушав рассказ, надолго задумался. А потом принялся восхвалять мудрость инструкций, предусмотревших все мыслимые и немыслимые случаи. Сейчас, например, они предписывали отправить подозрительного типа на медобследование, а подготовку к высадке на Линду исследовательской группы отложить. В заключение капитан сказал, чтобы я держался молодцом, и уже собирался ободряюще похлопать по плечу, но в последний момент передумал.

Мною как подозрительным типом занялся корабельный врач. Он взялся за дело рьяно, выявил и описал массу загадочных эффектов. Затем, перейдя к изучению психики, предложил целую кучу тестов. Мои ответы произвели на него поразительное действие. После некоторых его лицо серело, он нервничал и, крутя в пальцах какие-то свои медицинские штучки, ломал их одну за другой. Наконец врач заявил, что образ мышления пациента совершенно сбивает его с толку. Мог бы выразиться и проще — я потенциально опасен...

Это напоминало приговор. Ребята со мной еще общались, но между нами стремительно росла стена отчуждения. Помню, однажды я столкнулся в коридоре с нашим стажером. Паренек изменился в лице, отступил в сторону и прижался к переборке, его глаза расширились, на заостренном веснушчатом носике заблестели капельки пота. Я попытался его успокоить, но он беззвучно шевелил губами и закрывался от меня рукой. Все мы герои, когда поступает команда отправиться в ад, а вот представить, что рядом с тобой кто-то мыслит иначе, — выше наших сил. Я не сдержался и процедил мальчишке сквозь зубы что-то обидное. Он покрылся красными пятнами и вдруг закричал срывающимся голосом: «Ты не человек! Нет! Не человек!». Это напоминало истерику. К нему подбежал кто-то из ребят, а я развернулся, забыв, куда шел, и отправился к себе. Там плюхнулся на кровать и пролежал целые сутки, уставившись в одну точку.

Ко мне пришли приятели, пытались подбодрить. Мол, никто не верит, что ты стал монстром, ученые разберутся, что к чему, и все образуется. Но я видел их насквозь — они сами в это не верили.

Маркин слез с генератора и стал прохаживаться по рубке.

— Между тем, — продолжал он, — капитан послал на Линду несколько роботов — одного за другим. Все они по возвращении несли какую-то чушь. Уж не знаю, что за эксперименты проводил с ними Инт, только этим он навредил самому себе — кэп окончательно уверился в том, что планета враждебна людям. Я пробовал убедить его послать на Линду не машину, а человека. На это он довольно сухо заметил, что одного уже посылал, о чем теперь сильно жалеет. В общем, не стоит удивляться, что впоследствии Линду закрыли.

Итак, не выполнив программы, «Альфагет» отправился обратно. На Земле меня сразу же вывели из состава экипажа и передали в руки врачей. Они дружно набросились на добычу, извели бесчисленными тестами, проделали массу опытов, словно непременно решили доказать, что Освальд Маркин — шпион злобных галактических чудовищ. Я долго терпел эти дурацкие процедуры, но в конце концов взбунтовался. Поставил ультиматум: или официально объявляете невменяемым и упрятываете в клинику, или ответите перед судом за ущемление прав свободной личности. Им было нечем крыть, и меня все-таки отпустили, хотя с большой неохотой. Еще бы — феномен, на изучении которого можно сделать себе имя!

Что ж, первую победу я одержал, оставалось вернуть утраченное место в жизни. Я хотел летать. Но... Представляешь — десять лет хождения по инстанциям! Десять лет среди бюрократов, боящихся чихнуть не по инструкции! На любое обращение ответ один: продолжай обследование, твоя дальнейшая судьба зависит от его результатов. А если я не хочу? Да и никто не захочет, чтобы эти так называемые светила копались в его мозгу своими деревянными, бесчувственными пальцами! Почему нельзя просто доверять человеку? Скажи, — Маркин неожиданно присел на корточки и впился в мои глаза острым, буравящим взглядом, — вот ты... ты боишься? Тебе страшно общаться... с таким?

— Нисколько, — нарочито бодро ответил я и, не в силах смотреть в эти нацеленные на меня зрачки, отвел взгляд.

— Вот видишь! — с какой-то пугающей страстностью произнес Маркин. — Оказывается, совсем не обязательно видеть в дяде Освальде чью-то подсадную утку! Я говорил им: другого парня с такими способностями вы не найдете. Если их не использовать, они пропадут впустую. Так доверьте какое-нибудь большое дело — пусть даже не в космосе, в конце концов! И что ты думаешь? Ни один чинуша не взял на себя смелость дать добро. В общем, я смертельно устал от этих попыток прошибить стену. Только одно и спасало.

— Вы пытались решить проблему Инта? — догадался я.

— Именно! Все эти десять лет я ломал голову над тем, почему он обязательно должен погибнуть. Знал, что свидетельствовать с Интом не придется, и занимался этим... из спортивного интереса, что ли. Обновленный мозг жадно требовал пищи! Конечно, и в нашей повседневной жизни хватает загадок. Но мне нужна была необыкновенная, колоссальная!

— Так вы... ее решили?

— Почти. — Маркин стрельнул профессиональным взглядом в правый нижний угол панели управления, где светился экранчик таймера. — Скоро переход. Готовься. Тебе помочь?

Я мотнул головой и, развернувшись к приборам, стал снимать показания.

— Что ж, тогда слушай дальше. Ключ к решению я увидел месяца два назад. Требуется создать на экваторе Линды мощное энергетическое поле очень сложной структуры — этакую пространственную улитку. Тогда некоторые про-

цессы, происходящие в Инте, потекут вспять, повлияют еще кое на что — и пошло-поехало, а в конце цепочки зловещий ограничитель сломается. Весь этот механизм объяснить не могу — на обычный язык мои выкладки не переводятся. Сложность заключается в том, что сам Инт помочь себе не в состоянии. Требуется эскадра земных кораблей и колоссальные затраты энергии извне!

Теперь считай. На решение задачи я потратил десять лет. Сколько их понадобится, чтобы убедить этих твердолобых послать эскадру к Линде? Еще десять? Пятнадцать? Двадцать? Конечно, отступить я не собираюсь, уже приготовил доводы: мол, в случае успеха операции мы приобретем могучего союзника, великолепного партнера в разгадке тайн Вселенной! Хотя лично для меня подобные аргументы ничего не значат. Просто хочется, чтобы Инт жил...

И тут оказалось, что радоваться рано. Повторно проверив свое решение, я понял, что оно не безукоризненно. Есть одна деталь, вызывающая сомнения. В конце концов я понял: просто не хватает данных. Надо во что бы то ни стало попасть на Линду и задать Инту дополнительный вопрос. Всего один, но от ответа на него полностью зависит успех дела. Теперь понимаешь, почему я оказался здесь, на твоей яхте? Ринус-Два — отличный трамплин: всего один переход до Линды! Еще три года назад, когда тут не было станции, мне пришлось бы угонять звездолет с Земли. А о регате я разнюхал, уже добравшись до места. Вот так.

Я оторвался от приборов и вгляделся в лицо Маркина, словно ища признаки одержимости. Да, этого человека стоило запомнить! Не могу отнести себя к любителям спокойной жизни, но постоянно плыть против течения не смог бы.

— Слушайте, Маркин! Гляжу на вас и думаю: вы, наверно, причиняете своим знакомым и близким массу неудобств. Ваша жена, например...

Его лицо напряглось, резко обозначились скулы. Я осекся.

— Жена... — медленно, будто слова давались ему с трудом, произнес Маркин. — Да, когда-то у меня была жена. Она ушла. Ты не ошибся...

Я не знал, куда деть глаза. Никогда еще так не хотелось надавать самому себе по физиономии...

Яхта вынырнула из гиперпространства. Несколько маневров — и планета, освещенная тусклыми лучами красного солнышка, появилась на обзорном экране.

— Скачок напряженности гиперполя в момент выхода, — произнес Маркин, взглянув на приборы. — Ну да ничего, еще научишься. В первый раз ныряешь?

— В первый... — нехотя выдавил я.

— Ладно, — он не стал развивать тему, — пойду готовить посудину. Подождешь меня на орбите. Постараюсь не задерживаться.

Я представил себе, как Маркин, скорчившись в крохотной кабине спасательной капсулы, ведет свое суденышко вниз...

— Зачем вам это нужно? Сядем на яхте. Капсула же одноразовая! Вам не взлететь с планеты!

— Взлечу. Приходилось уже... экспериментировать.

Я пожал плечами.

— Хоть убейте, не понимаю. Какой в этом смысл?

— А вот какой, — жестко ответил Маркин. — Рано тебе соваться туда. Будешь потом доказывать, что ты не чудовище, запрограммированное на всякие пакости. Хватит Земле одного такого уникама, как я.

Зря он это сказал. Гордецом себя не считаю, но не выношу, когда что-то хотят решить за меня.

— Собрались опекать? За несмышлениша держите? Между прочим, этот ваш Инт перед тем, как изменить структуру мозга, спрашивает согласия!

— А я, знаешь ли, не уверен, что ты избежишь искушения. — Маркин пристально и как будто озабоченно вглядывался в показания индикаторов. — Вдруг потянет на героину?

— Это уж мое дело! — Я поднялся.

— Сидеть! — неожиданно рывкнул Маркин, рубанув ладонью воздух. — Романтик сопливый! Успеешь еще дров наломать!

— Ну, знаете! — вспыхнул я. — Вы не командир яхты и не имеете права...

— Стоп! — Маркин замер. Казалось, он прислушивается, пытаясь уловить страшно далекий, почти не воспринимаемый ухом звук. — Ну-ка, парень, выйди из рубки.

Я чуть не задохнулся от возмущения.

— Это еще зачем?

— Затем... Намудрили, похоже, мы с переходом. — Он сказал «мы», хотя, отвергнув его помощь, все операции производил я. — Нестабильность гиперполя растет, понял? На приборы не смотри — они пока молчат. — Маркин быстрыми точными движениями отсоединил лицевую панель энергоблока. — У тебя сколько чувств? Пять. А у меня не меньше десяти. Вот, наверно, десятое и сигнализирует. Выйди, ты все равно ничем не можешь помочь.

Я еще осмысливал услышанное, а Маркин с непостижимой скоростью уже переставлял узлы аппаратуры. Что-то жутковатое было в безошибочных, как у автомата, движениях пальцев. Вдруг в полуметре от его лица возникло и закрутилось на месте, непрерывно увеличиваясь в размерах, облачко оранжевых искорок. Я остолбенел. Редчайший, почти невозможный случай! Об этой чертовщине, не имеющей даже названия и появляющейся при неудачных гиперпереходах, ходили легенды.

Не знаю, сколько бы я простоял, скованный ужасом, но Маркин, сделав огромный прыжок, схватил меня за плечо и с невероятной силой, которую в нем трудно было заподозрить, вышвырнул в коридор. Я шлепнулся на пол и метра

полтора проехал на животе. Сзади раздался щелчок — автоматически закрылась дверь. Я вскочил и заколотил кулаками по упругому суперпластику.

— Откройте! Я помогу вам! Откройте!

Какое там «помогу»!.. Детский лепет... Но я ломился в дверь, за которой безумствовали кванты вырожденного пространства, словно больше всего на свете боялся остаться по эту сторону. И тут возник невыносимый, раздражающий барабанные перепонки, свист. Он истончался, переходя в ультразвук. В моей голове словно что-то переключилось. Вспомнив про экран внутреннего обзора, я бросился в каюту — и содрогнулся от увиденного. По рубке гуляли золотистые волны. Сквозь янтарные сполохи проступали очертания распотрошенных блоков. На полу, раскинув руки, неподвижно лежал Маркин...

Я до крови искусал губы, прежде чем система безопасности, зафиксировав снижение уровня излучений до нормы, открыла дверь. Дальнейшее запомнилось отрывисто. Помню, как ворвался в рубку и тут же со всего размаху ногой ударился о какой-то прибор. Боль взорвалась в колене. Глаза застлала дрожащая багровая пелена. Она то охватывала меня давящим непроницаемым покровом, то расплзалась на сотни бесформенных сгустков, и тогда зрение выхватывало искаженное, запрокинутое вверх лицо Маркина, свои руки, лихорадочно расстегивающие у него на груди нелепый радужный комбинезон, страшную прямую линию на экранчике кибдиагноста... А потом, угадывая путь в колеблющемся мареве, я тащил длинное, неудобное тело Маркина из рубки, и нечем было смахнуть жгучую влагу, помимо воли наполнившую глаза...

Лучшего саркофага, чем спасательная капсула, найти не удалось. Сколько времени я просидел возле нее прямо на полу аварийного отсека? Три часа? Пять? Сутки? Время утратило смысл. «Меропа» описывала вокруг планеты виток за витком, а я все сидел, и мысли мои медленно и обреченно бродили по замкнутому кругу: «Как это случилось? Я виноват... Я! Я! Я! Как это случилось?..»

Застоявшуюся тишину нарушили скрипучие металлические звуки. Я не сразу узнал голос ремонтного кибера. Автомат докладывал, что работоспособность яхты восстановлена.

Я поднялся, с трудом разогнув затекшие ноги, и направился в рубку. Там уже был относительный порядок, и только блоки управления гиперустановкой, вынутые из привычных мест и странным, бессмысленным, на первый взгляд, образом соединенные между собой, напоминали о схватке человека с неистовством слепой материи. Схватке, длившейся секунды, но спасшей «Меропу». И меня вместе с ней... В голове не укладывалось, как Маркин успел столько сделать за отведенные ему мгновения.

На обзорном экране застыла разноцветная пена, словно приклеенная к поверхности планеты. Чем дольше я всматривался в нее, тем отчетливее сознавал, что Линда замерла в ожидании. «Неужели ты не сможешь, человек?» — беззвучно спрашивала она, и я почти физически ощущал, как смертельно больной Инт, скрытый броней облаков, в последнем порыве гаснущей надежды тянется ко мне.

«К черту! — зло подумал я. — Чего ты еще хочешь? Маркин сделал для тебя все, что было в человеческих и нечеловеческих силах. И — погиб. А ты... В любом случае тебе жить еще тысячу лет после того, как я переселюсь в мир иной. Так ради чего тратить жалкие крохи своей жизни? Чтобы вновь даровать тебе ускользающую вечность?»

А Линда продолжала безмолвно взывать о помощи...

И тут я ощутил страх. Вдруг понял, что после происшедшего уже не смогу жить, как раньше. Грызла совесть — беспощадно, как маленький хищный зверек, который казался домашним, пока в нем не пробудилась древняя дикая кровь. Маркин не достиг цели, к которой стремился десять лет, а готов был — целую жизнь. Не предвидел, что все испортит юнец, возомнивший себя крутым яхтсменом... Но что я мог сделать сейчас? Принять эстафету? Заменить Маркина и, начав с нуля, пройти его путем?

Ну, допустим, я не сломаюсь. А как же Аленка? От Маркина ушла жена — и, наверное, правильно сделала. Не каждой дано жить с полумонстром, да еще заикленным на бредовой идее — помочь какой-то нелюди сохранить бессмертие. А Аленка... сможет? Наши отношения и так хрупки, как своды хрустального замка. Всего одно неверное движение — рухнут, превратятся в миллионы прозрачных осколков. И даже всемогущий Инт не сумеет их склеить в благодарность за услугу...

Я отключил внешний обзор, и экран погас, стал мертвым и серым. Мне представилось, что я стою у подножия гигантской, теряющейся в облаках лестницы. Еще не поздно развернуться и уйти, но если ступлю на первую ступеньку, то должен буду непременно подняться на вершину. Назад пути не будет. И никто во всей беспредельной Вселенной не может решить за меня, стоит ли делать этот первый шаг...

ПОЛЁТ КОСТИ

Ночью ко мне в ноги приползла змея, подняла голову и стала смотреть на меня — непонимающе и сердито. Так же смотрел на нас с мамой кот Билли Бонс, когда мы развели шум молотками, заколачивая двери и окна старыми досками. И когда мы, забрав с собой корову, пошли со всеми через Чернавский мост, Дружок, наш пёс, за нами увязался, а Билли Бонс остался дома. Хотя с собакой они дружили. Даже спали всегда рядышком, в прихожей.

Змея перестала на меня смотреть и ткнулась головой мне в ногу, возле большого пальца. Стала давить сильнее и сильнее, отчего стало больно. Я задёргал ногой, но змею стряхнуть не удалось. Тогда я схватился за палец и проснулся от этого.

Скинул чужое, пахнущее лошадьё одеяло и огляделся: слева, уткнувшись в стенку, лежал Валька. В утреннем сероватом свете его немытые вихры казались совершенно чёрными на фоне красной тряпки, которую он сунул себе под голову. Справа было окно, сквозь пыльное стекло я видел зарастающий безымянной лохматой травой двор, крепко зажатый между избой и лесом, и небо — абсолютно чистое, только над верхушками сосен в рассветной полосе висело два крохотных облачка, одно из которых уже почти растаяло. Я слез с топчана и подошёл к окну, чтобы получше рассмотреть палец. Так и есть: всё распухло и покраснело. Надавил на ноготь — из-под ногтя появилась капля чего-то густого и жёлтого. Поглядев на дверь, за которой спал молодой командир, я решил, что лучше пожалуюсь завтра, когда вернусь. Смочил нарыв слюной и спрятал ногу в сапог.

Вернувшись к кровати, я ткнул кулаком в тощий валькин бок:

— Вставай, разведчик! Утро уже прозевал.

Валька отодвинулся от стены, но даже головы не повернул.

— Приказываю спать ещё десять минут, — глухо сказал он.

Вальку назначили старшим. Не проходило и часа, чтобы он об этом мне не напомнил.

— Ты на флаге что ли уснул? — я полез отбирать у него тряпку, за что получил локтём по уху.

Дверь распахнулась, в неё заглянул дядька в кожаной куртке — наш командир.

— Так, хлопцы. Завтрак, ещё раз инструктаж, и пора уже.

Инструкции простые: мы на левом берегу реки Воронеж, сам город на правом берегу, надо пробраться в город, понять, что происходит. Посмотреть, есть ли в городе танки, где они и сколько. Расчёт понятный: на мальчишек никто не обратит внимания. И вот мы с Валькой, проламываясь сквозь кусты, выходим из нашего спрятанного в лесочке штаба к реке, ложимся за крыжовниковым кустом, смотрим на реку. У меня болит палец и ещё немного обидно, что за старшего назначили Вальку. Мне же видно больше. А, впрочем, они, конечно, не знают, что мне видно, а что нет. И всё равно чуточку досадно. Но не страшно, нет. И не то, чтобы тяжело. Нам-то что? Ну война так война — другого мы почти и не видели. Это взрослые уже привыкли к размеренной и понятной жизни, которая теперь трещит и корёжится, как книга, брошенная в костёр. Мы же, пятнадцатилетние воронежские пацаны, ничему не удивляемся. Мы-то сами на эту войну и пришли. Да что там пришли — прибежали!

Валька Выприцкий — верзила из параллельного класса, был моим приятелем, потому что домой нам было ходить по пути, а по пути домой успеваешь обсудить всё — от того, как правильно держать напильник, до того, как устроена вселенная. Ещё весной, когда мы по обыкновению сидели в моём дворе на большом мусорном ящике, он под большим секретом проболтался мне, что «выучился в школе разведчиков». Конечно, я помчался туда в тот же день и имел беседу с полковником, но меня не взяли. Чёрт знает, почему! Щуплый, быть может, слишком.

Этого же полковника я встретил позавчера после того, как убежал от матери: сперва мы с ней долго, двое суток, шли в потоке беженцев из Воронежа. Мне жутко хотелось остаться на фронте, но бросать маму одну было жалко. Я решил, что не оставлю её, пока не дойдём до безопасного места. И вот, когда она ушла в деревню менять вещи на еду, я убежал в сторону Воронежа, нацарапав ей записку. В Рождественской Хае я встретил Юрова — так звали полковника, и напомнил ему, кто я такой. Тем же вечером он отвёз меня в штаб: я был принят в Воронежский гарнизон. Там я встретил и Вальку Выприцкого: он со своей группой успел побывать где-то в немецком тылу, откуда они едва выбрались.

И теперь мы лежим: на левом берегу я и Валька, на правом — Воронеж, над Воронежем чёрная пелена дыма.

— Горит, — пояснил мне Валька, хотя я ничего и не спрашивал.

Мы скинули сапоги и куртки, спрятали их в кустах. Валька приказал запомнить место. Спустились к реке и поплыли, стараясь не плескаться и даже не стучать зубами, хотя в ледяной утренней реке это давалось с трудом. От холода я даже забыл о непрерывно ноющем пальце.

К такому холоду, как и к боли, привыкнуть нельзя, но, как ни удивительно, от него можно отвлечься: я стал думать о том, что ждёт нас на том берегу речки. Вот мы пойдём по знакомым местам, мимо дома и школы. Я представлял доски на дверях, или наоборот — сорванные двери. Мусор, пустые дворы без людей — или чужих людей в знакомых местах. Нас ждали улицы Воронежа, которые оторвало от привычного городского ритма, как стрелки часов от механизма, — жестокой, чужой рукой. Отменили автобусы, закрыли магазины. Школы закрыли ещё когда мы были в городе. Мы числились в девятом классе, но в этом году ни одного урока никто не провёл.

Мысли о школе сами собой перескочили на рисунок, который я нашёл в книжке из школьной библиотеки. На рисунке под заголовком «Виды атавизмов» был изображён человек с хвостом. Возможно, наши с ним жизни немного похожи: у меня тоже есть что прятать. Впрочем, то, чем я отличаюсь от других людей, в общей бане не заметить. Глаза у меня самые обыкновенные, но я вижу больше. Как-то маленьким, я спрашивал маму, что за ниточки уходят от людей к небу. Мама не понимала. Годом к восьми я уже осознал, что разговаривать с кем-либо на эту тему бесполезно и опасно. Поэтому просто научился молчать. И пользоваться.

Если сосредоточиться, то своим вторым зрением я могу увидеть куда больше первого. Скажем, весь город разом, но не как птица — сверху, а откуда-то снаружи, причём целиком, но во всех деталях. Так же, как мы смотрим на лист бумаги, находясь вне его. Человечек, нарисованный на этом листе просто бы не понял, где мы находимся, — для него верх всё ещё в плоскости листа, а не там, где мы. Вот из такого «снаружи» я и могу разглядывать наш мир. И смотря оттуда, я вижу, как к голове каждого человека извне тянется что-то вроде полупрозрачной нити. Касаясь одним концом головы человека, другим концом нить уходит в небо по направлению к моему верху. В книжке «Таинственный остров» Жюль Верн есть рисунок «Смерч уносит воздушный шар». Эта полувидимая серединка смерча оказалась очень похожей на то, что привязывает людей к известному мне миру снаружи. С тех пор я называю это про себя смерчиками. И вот по этим смерчикам...

Справа от нас что-то взвизгнуло и тут же громко щёлкнуло по воде. Мы с Валькой поплыли вразмашку. До берега уже оставалось немного. Стреляли откуда-то сбоку и с горы. Попасть оттуда было невозможно, но когда мы выбрались из воды на берег, пули уже ложились близко. Мы вытянулись двумя мокрыми мешками на земле за кустами и замерли. Я смотрел на Вальку, Валька смотрел на меня. Выстрелы прекратились. Валька моргнул, и мы бросились бежать к соседним кустам. Снова раздалась выстрелы, и мы снова залегли.

Я посмотрел наверх, на город. На железнодорожной насыпи показался танк, за насыпью уже виднелись деревья Архиерейской рощи. Ещё перебежка, снова выстрелы. Снова лежим. Мне показалось, прошёл уже целый час, но по валькиной невысохшей чёлке и насквозь мокрой одежде я понял, что из воды мы вылезли несколько минут назад. Своего тела я не чувствовал.

Я перестал смотреть на Вальку и закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться. Сперва появилось тошнотворное чувство, будто ныряю в мутную воду, но пелена тут же исчезла и возникло привычное ощущение взгляда снаружи: весь берег стал виден как на ладони — танки ползут пятю серыми букашками от центра города к окраине, мотоцикл с коляской, немцы на берегу тремя группами, чернеет будка регулировщика.

Я открыл глаза, Валька смотрел на меня с тревогой. Я снова закрыл глаза и стал разглядывать немцев. К ближайшему патрулю подошёл первый танк, и немец, разглядывавший берег в бинокль, отвлёкся на чей-то окрик.

— Сейчас! Побежали! — я оттолкнулся от земли руками и ногами, дёрнул Вальку изо всех сил и помчался в сторону рощи.

— Что? Куда? Ты с ума сош... — захрипел Валька за моей спиной, но побежал следом, шумно сопя.

Выстрелов в нашу сторону не последовало. Мы нырнули в густые ряды деревьев и проскочили рощу насквозь, не задерживаясь. Задыхаясь от бега, мы остановились на другом краю рощи.

— Ты с ума сошёл! — выговорил наконец Валька. — Какого лешего ты так сорвался?

— Потом объясню, — отрезал я.

Валька сердито плюнул на землю, но промолчал. Мы постояли, переводя дух ещё пару минут, потом, не сговариваясь, шагнули в город.

Улицы оказались точно такими же, как я их себе представлял. Местных почти не было, одни немцы. Несколько раз мы попадались им на глаза, но праздные мальчишки не вызвали никакого интереса. Я расслабился и смотрел на город по-обычному: возможности замереть в тихом месте и сосредоточиться не было, да и что-то подсказывало, что слишком часто этого делать не стоит.

Время шло, и солнце изрядно припекало, как будто мало было этому городу огня пожаров. Наши желудки пустели, а головы забивались сведениями: надо было запомнить, где стоят танки, где батарея, где штабы. Понять, где штаб, было просто: надо брать на заметку дом, к которому подъезжает много немецких машин и мотоциклов. Мы ходим. Ходим и смотрим. Поскрипим колонкой на углу улицы, по очереди намочим головы под короткой ледяной струёй — и снова шлёпаем босиком по городу, исчерчивая плотной сеткой маршрута весь центр.

Солнце всегда встаёт на нашей стороне, но закатывается всё равно там, где Германия. Несправедливо. Однако же и сегодня измучивший нас жёлтый пятак навис над крышами, намекая на то, что и нам пора.

— Надо возвращаться обратным путём, — сказал я, — вернёмся в рощу, спустимся к реке. Если нет патрулей, быстро переплывём обратно.

— Жрать хочу, — ответил Валька.

— Только сперва пересидим в кустах возле реки, дождёмся темноты.

— Хочу жрать, — Валька отрешённо разглядывал плакат на стене дома напротив. — Вот, помню, бабушка как свиню зарежет, нам с братом всегда уши от свины даёт. Ходишь весь день — жуёшь ухо. Вкусно.

— Давай в чей-нибудь сад залезем, яблок нарвём.

— Не могу я уже яблоки есть, — скривился Валька, — дрищу я от них. Мяса бы. Хлебца бы.

— А ты фашиста поймай. Отрежешь ему уши и будешь жевать, — жалеть Вальку я не стал. Он меня дико раздражал своим ухарством. Полчаса назад Валька подошёл к немцу и попросил закурить. Немец удивился, но повертев

головой, выделил Вальке сигарету. Валька радостно ухмылялся. Мол, знай наших. Мне оставалось только прятаться за углом и скрипеть зубами. Ну зачем разведчику эти выходки?

Мы направились в сторону рощи, но на ближайшем перекрёстке Валька почему-то свернул в сторону центрального парка.

— За парком наши закрепились, пройдем через нейтральную территорию к ним.

— Задержат. Одно дело, когда мы тут шатаемся, другое дело, когда к своим пойдём. Как пить дать задержат.

Валька продолжал шагать.

— Не бзди, разведчик. Не попадёмся. Надо нарвать яблок. Остановят — скажем, что рвать их ходили. Но мы не попадёмся.

— Листовки видел? Мирному населению — эвакуироваться. В конце заметил, что написано? «За неповиновение — расстрел».

— Ну, значит, они собираются уходить из города, — Валька не сбавлял шага.

Я не стал отвечать, что, мол, нас это не спасёт, и поплёлся за товарищем. Пристроился за его спиной на два шага сзади и потихоньку стал смотреть на город снаружи.

Когда смотришь на мир не только глазами, то различаешь те самые смерчки. Смерчки бывают разными, как разными бывают цвета. Но объяснить, чем отличается один от другого я не берусь, как не берусь объяснить слепому, чем синий отличается от зелёного. Но по смерчкам могу сказать, спокоен человек или возмущён, или боится, или хочет спать. Мне кажется, это потому, что на самом деле человек думает и чувствует не головой, а каким-то другим органом, который есть, но где-то вовне. В моём — снаружи. А мысли человек принимает, как радиоприёмник волну. Эти передачи и спускаются к нему по смерчку. Ещё, иногда разлетавшись своим взглядом по городу, я пробовал впрыгивать в чужие смерчки. И тогда...

Мы дошли до перекрёстка и свернули направо, к парку. Я щурился, стараясь чаще поглядывать на залитую вечерним светом улицу. Шагать по тёплому камню было приятно, но наступить босой ногой на битое стекло не хотелось: порезы у вечно голодного пацана заживают очень долго.

Впереди по ходу были чьи-то смерчки. Я открыл глаза и прыгнул в реальность.

— Там немцы, — сказал я, хватая Вальку за руку и ныряя в проулок.

— Да с чего ты взял? — зашипел на меня Валька. — Покомандовать захотелось? Чего им там делать, твоим немцам?

— Да я увидел, сам посмотри!

Валька высунул голову из-за угла и долго не поворачивался.

— Нет там никого, — он смерил меня взглядом, — больно ты что-то зоркий стал.

И направился к парку.

Я пошёл за ним, стараясь попадать шаг в шаг, и всем вниманием ушёл в своё второе зрение. Вот они. Три немца стоят за афишной тумбой. Я собрался с духом и влетел в смерчок одного из них.

В немце было хорошо. Прекратил ныть палец, желудок перестало сводить от голода. Во рту у немца противно пахло — за обедом он съел две дольки чеснока — но этот запах показался мне лучшим на свете. И главное, какая удобная, прекрасная у немцев форма.

Я подумал это и удивился. Потому что, вообще говоря, это странно. Чего вдруг я, немецкий рядовой, сейчас стал радоваться этой проклятой форме, она же мне три месяца назад как досталась не по размеру и... Так, нет-нет, надо сейчас отвернуться и пойти по вот этой улице, окаймляющей парк. В сторону. Там, справа, шагают Костик и Валька, я не должен их увидеть.

— Siegfried, wo laeufst du denn hin?

Понятия не имею, что это значит. Хотя нет, имею: «Зигфрид, куда это ты попёрся?». И действительно, куда это я?

Усилив воли затыкаю мысли немца. Его смерчок, не достигая головы, клубится сердитым облаком, как дым вонючей папиросы, которую курил токарь дядь Саша, живший на этой улице. «Где он сейчас, дядь Саша?» — злобно думаю я, а сам упрямо шагаю зигфридовскими ногами, левой-правой, левой-правой. Сзади догоняют мои товарищи, кто-то теребит меня рукой. Я дёргаю плечом, сбрасываю руку, отбегаю ещё дальше, сколько могу, оборачиваюсь — всё! Отсюда мальчишек не видно. Падаю на колени, нагибаюсь, скрывая удивлённое лицо от товарищей, сую два пальца в рот, давя на язык, вылетаю из смерчка, — и язык перестаёт быть моим.

И снова палец начинает болеть, ритмично, в такт шлёпающей по брусчатке ноге. Впереди Валькина спина. Мы входим в парк, где-то сзади слышно, как рыгает Зигфрид, но Валька не замечает этого — он уже шуршит босыми ногами по траве.

Дальше — проще. Мы пересекаем парк, впереди две улицы, отделяющие нас от нейтральной полосы. Слева и справа я замечаю чьи-то смерчки. Быстро отвожу солдата справа и ныряю в голову тому, кто слева. Отвожу немца, собираюсь ещё раз осмотреться по сторонам, но решаю не торопиться и остаюсь в его теле: он стоит один, и он офицер. Опускаю руку в карман, нащупываю что-то твёрдое. Пробую шевелить непривычно длинными пальцами, вытаскиваю предмет из кармана. Бумажник. Начинаю разглядывать, что у него внутри. Белый прямоугольник — переворачиваю. Фотография женщины. Аккуратная голова, белые кудри, пышная одежда. Жена? Далее какая-то записка или письмо. Я пытаюсь прочесть, выхватывая смысл из головы немца, но тут чувствую удар по щеке.

— Костик! Ты чего, уснул? Дура позорная! Опять? — это Валька кричит. Картинка снаружи исчезает, я открываю глаза. Мы стоим перед забором. Надо лезть.

Я что-то мямлю, Валька вздыхает. Мы карабкаемся на забор. Я шевелю руками не очень уверенно, как спросонья. Наверху, уже готовясь сигануть вниз, я поднимаю голову и позволяю себе замереть на полсекунды, чтобы прийти в себя. В эти полсекунды я понимаю, как непохож Воронеж оттуда — выпуклый узор улиц у реки, закрытый чёрной шапкой дыма — на Воронеж, каким я его вижу глазами: линии чёрных крыш и заборов на фоне красного заката — корка подгоревшего горького хлеба на фоне жара печи.

Мы спрыгиваем.

И обнаруживаем перед собой двух здоровенных немцев. Может, они не были здоровенными, но когда я смотрел глазами, все они казались мне просто огромными. Ну, думаю, доигрались. Немцы меж тем ничего не предпринимают, а смотрят как-то странно. Даже виновато. Я замечаю, что каждый в руках держит по мешку. Мародёры, понимаю я. Думают, что мы хозяева дома. Непонятно, кто из нас попался.

Довольно скоро меня волокла за шкуру крепкая рука. Я едва поспевал за немцем, от которого разило потом так, будто последний раз он мылся в Рейне, а в следующий раз решил искупаться аж в Москве-реке, — по условиям дурацкого, но красивого, по бюргерским представлениям, пари. Выяснилось, что попались всё же мы с Валькой.

Нас отволокли на небольшой холмик, который высился в конце улицы, уже на нейтральной полосе. На холмике стоял пулемёт, целивший в сторону наших войск. Перед нами на землю бросили лопаты. Один из немцев что-то пролаял.

Мы с Валькой переглянулись:

— По-моему, он хочет, чтобы мы копали яму.

— Это зачем ещё?

Немец гавкнул что-то ещё раз, уже куда грубее: мол, не переговариваться, а живо копать. Мы ещё раз беспомощно посмотрели друг на друга и взяли лопаты. Немец переложил пистолет в левую руку, а правой указал на место, где рыть.

Мы начали ковырять землю. Тупой инструмент заскрежетал по камням. Я стал ритмично тыкать лопатой, изображая усердие, так, чтобы руки механически делали своё дело, а голова была свободна для привычного трюка.

Выглянул снаружи, нащупал смерчик ближайшего к нам немца и вдруг — со всей ненормальной яркостью своего объёмного зрения — увидел, как со стороны наших щёлкает выстрел, и к нам летит пуля. Я тут же открыл глаза и даже покачулся от того, как резко сменилась картинка перед глазами. Расставил руки в стороны и поморгал. Посмотрел налево. Валька лежал, его лопата валялась рядом. Вокруг его головы разливалось бурое пятно. Валька был мёртв.

Я перестал дышать и попятился задом с холма. Немцы стали отстреливаться, наши тоже продолжали палить. Я бросил лопату и понёсся прочь, не разбирая дороги. Немцам было явно не до меня, и я ушёл.

Как долго я бежал — не знаю, но к тому времени, когда пришёл в себя, уже стемнело. Я остановился, сердце колотилось бешено, руки дрожали. Я сел у стены, пытаюсь собраться, но вместо этого расплакался. Никогда в жизни мне ещё не было никого так жалко. Трупов я уже насмотрелся предостаточно, но это же был Валька.

«Валька, Валька, Валька... — думал я. — Что же это?..»

Чуть успокоившись, я решил идти дальше, к реке, чтобы в темноте переплыть к месту, где мы оставили куртки и сапоги. Пора было возвращаться.

Захотел было опять осмотреться снаружи, чтобы засечь патрули по смерчикам, но как только я попытался прислушаться к ощущениям, так снова увидел чёрную Валькину голову на фоне красного пятна. Меня вырвало.

Откашлявшись и отплевавшись, я понял, что идти придётся, глядя своими глазами. И медленно зашагал прочь из города, дрожа и давя всхлипывания.

Прошёл я немного: выскочил на перекрёсток и буквально наткнулся на лучи фонариков — патрульные подошли сразу с двух сторон. Бежать было глупо — пристрелят.

Немцы приблизились.

— Куда идёшь? — спросил один по-русски.

Я посмотрел на него, наверное, самым глупым взглядом на свете, подумал, вынул яблоко, которое всё ещё лежало за пазухой, и стал объяснять, что ходил рвать яблоки. Но получалось плохо, сбивчиво, и немец, поглядев на меня пристально, приказал мне следовать в направлении, которое указал стволом автомата — вниз по улице. Страшно не было: я привык, что просто так патрульный не станет убивать мальчишку. Я плёлся вперёд, понукаемый немцем и продолжал думать о Вальке.

Из дома-штаба вышел другой солдат. В его петлицах я различил эсэсовские молнии. Обменявшись парой слов с патрульным, он схватил меня за руку и потащил через арку во двор, что-то крича. Я покорно следовал за ним. Он дотолкал меня до места, где я разглядел совершенно чёрную при свете луны яму, заставил встать к ней спиной и достал пистолет. В тот момент я по-прежнему не чувствовал страха, только спокойно наблюдал: вот, мол, у немца не вальтер, и не парабеллум, а наш ТТ. Распробовал, наверное. А дело, похоже, пахнет жареным, не выбраться мне.

Немец продолжал что-то кричать, размахивая пистолетом. Понимал я мало: различил только «рус шипион», «партизан» и ещё, кажется «откуда пришёл». Внезапно у него в глазах что-то изменилось. Я увидел только мушку на стволе пистолета — прямо перед собой. Почувствовал будто бы сильный удар в челюсть и полетел в яму. Упав на дно, я перевернулся на живот.

И, должно быть, умер.

Вот крыжовниковый куст, за которым мы с утра лежали с Валькой, вот чёрная прошлогодняя ягода на его ветке — иссохшая, ставшая почти точкой. Но из этой точки можно видеть весь мир, и в этом огромном мире можно нащупать любую точку, включая эту чёрную ягодку.

Я снова смотрел на мир снаружи. Но теперь даже не просто смотрел. Я ощущал весь мир, как собственное тело. Мог видеть вблизи и одновременно со всех сторон каждую частичку. Потому что — тут я понял это со всей ясностью и расхохотался от восторга, — да потому что мир устроен очень просто, по одному только правилу. Вот оно — короткое и простое, как школьное уравнение. Только люди его не знают, потому что этих символов в людском привычном алфавите понятий нет. Я залюбовался на мир: вот оно это правило, сквозит в каждой песчинке. И в том узоре, которым города покрывают нашу планету, и другие планеты, и в движении планет, и в движении того, что движет планеты, — есть эта простая рифма.

А как же... спросил я себя, а что же?.. Но прежде, чем слова сложились в вопрос, я и сам понял, что в этой огромной и простой системе нет просто ни малейшего места для такого существа, которое бы создало этот мир и слушало бы наши молитвы. Как в радиоприёмник невозможно запихнуть человечка, который бы его ремонтировал. Хотя нет, не то, чтобы нет места, — места сколько угодно, подумал я, просто эта выдумка не подчиняется главному правилу. Этому простому красивому правилу.

Я дальше и дальше растекался по миру, отдаляясь от ямы, в которой лежал бывший я — маленькое, скрюченное, истекающее кровью существо по имени Костя.

Меня щекотал восторг, я чувствовал, что скоро разольюсь по пространству и пропитаю его полностью, — вот я уже вижу себя пятнышком на стене с полосатыми обоями, где-то на противоположной стороне Земного шара. Комната залита утренним ярким светом, девушка, одетая только в короткие штанишки и маечку до пупа, уходит из комнаты на пахнущую летом веранду, где висит календарь с оранжевой надписью CALIFORNIA SUMMERDAYS. А вот я камешек, летящий где-то в чёрном месте возле огромного шара из огня. «Да это же солнце!» — думаю я и понимаю, что думать мне уже тяжело. Точнее лень. Зачем думать?

Но ещё успеваю вспомнить о Вальке, и вдруг острое чувство сожаления возвращает мне способность мыслить. Я снова Костик, но снова мучительно расползаюсь, сознание гаснет, как у человека, которому страшно хочется спать. Ааааа! Ну его всё.

«А жаль, — думаю я, засыпая. — Вот бы всем это рассказать. Показать. Как это всё выглядит снаружи».

И вдруг очутился в какой-то комнате сидящим за столом, накрытом белой скатертью. На столе был только гранёный стакан, наполненный водой. Был день, на белой скатерти виднелась тень стакана, сероватые линии и чуть дрожащие белые пятна. Рядом на стуле я увидел свою мать.

— Да, Костя, — сказала она.

Наверное, я должен был испугаться. Но знаете, трудно чувствовать испуг, когда ты только что был всей вселенной с невыразимым числом рождений и смертей, а главное — с уравнением всех причин и следствий, написанном на языке, который ты только что понял.

Возникла только одна мысль: я могу. Если солнце может осветить стакан с водой, то и я могу сделать, что хочу. Потому что я тоже солнце, и стакан, и свет, и сама возможность. Я часть этого всего — так есть ли разница между мной и всем-всем остальным? Могу вернуться в своё тело, могу начать жить. Могу показать всем — хотя бы краешком, хотя бы намёком, как весь мир выглядит отсюда — снаружи.

Я вновь был в яме, стоя у своего бедного тела. Я был лунным светом, который светил в яму. Я был паучком, который ползёт по корявой стене ямы наверх — к лунному свету и к Луне, которая тоже всё ещё была мной.

Я посмотрел на свою скрюченную фигуру и понял, что будет дальше: я выберусь, выкарабкаюсь и выживу. Буду, как одержимый, строить машины, которые смогут летать так высоко, как никто ещё не летал. Из них будет видно нашу Землю — не просто с высоты, а извне.

И когда-нибудь, загадал я, мне тоже дадут полететь на такой машине. И я посмотрю на Землю. Быть может, тогда вспомню и этот свой полёт — ведь не смогу же я помнить это ощущение каждый день: не может быть в простой человеческой голове таких мыслей.

И вот я уже видел, как именно оно будет: я уезжаю в Москву учиться, голодаю в общежитии института, потом изучаю станки на каком-то заводе. А потом мы с маленьким, умным и злым человеком, у которого короткая шея и круглые щеки, смотрим в чертёж. Мы строим машины, летаем над казахскими степями в самолётах, сбрасывая что-то на парашютах, ругаемся с министрами и смотрим, наконец, в бинокли, как длинная белая штука, отталкиваясь огнём от бетона уходит вверх.

Я вижу, как запертый с ещё двумя парнями в душной и тесной коробке, я пролетаю над Землёй, кричу что-то людям внизу по радио, вожусь с приборами, не уставая поглядывать в круглое окошко на цветной шарик.

Но это всё впереди. Надо выбраться из ямы. Надо начать жить. Надо, чтобы кончилась война. За это стоит бороться.

Снова вижу залитый скупым лунным светом двор, чернеющий неровный квадрат своей могилы и себя на дне. Вижу, как я замер, слушая разговор проходящих рядом немцев. Вижу, как выползаю из ямы, перебираюсь в соседний двор, прячусь в мусорном ящике. Встречаю кота Билли Бонса, который бежит ко мне, долго мяукает, но всё же исчезает за забором по своим делам. Иду к реке, но от усталости падаю в кусты и сплю до темноты. Добираюсь до реки, переплываю на другой берег. Знаками прошу воды в деревне. Противостолбнячный укол, медсанбат. Мама, которая разыскала меня в госпитале и которая уже не выпустит меня из тыла.

Она сидит у больничной кровати, я лежу с перебинтованной шеей. Я парю над нами обоими, заглядываю в тетрадь на столике: «Феоктистов К. П. 1926 г. р. Огнестр. ранение шеи».

Я возвращаюсь к своему телу, ныряю в смерчок и за несколько секунд до пробуждения успеваю поменять кое-что в прошлом: теперь я буду помнить, как брат принёс домой какую-то книгу. Мельком вижу обложку: «Я. Перельман. Межплане...». Видение пропадает, я просыпаюсь, забывая про взгляд снаружи, про то, как это — быть всем миром разом, и про смерчки.

Вдыхаю, прихожу в себя и тут же замираю: мой убийца всё ещё стоит около ямы. Лежу, стараясь не издавать даже шороха, слушаю в оба уха, чтобы понять, когда он уйдёт. Но в памяти после всего этого остаётся одна мысль: мне надо вверх.

ПРИМЕЧАНИЕ

Рассказ основан на реальных событиях. Константин Петрович Феоктистов (7.02.1926 — 21.11.2009) — инженер-конструктор, один из ведущих проектантов ракетносителей, первого искусственного спутника Земли, первых космических кораблей (включая «Восток», на котором полетел Гагарин), первых космических орбитальных станций.

Феоктистов был первым учёным, полетевшим в космос. До него пилотами космических кораблей были только военные лётчики. В 1964-м году Феоктистов был в составе экипажа из трёх человек корабля «Восход», в число создателей которого он входил.

В годы Великой отечественной войны он, действительно, был разведчиком, был в захваченном Воронеже и выжил после расстрела.

Имена и события в этом рассказе взяты из автобиографии Константина Феоктистова «Траектория жизни». Остальное — выдумка автора рассказа.

КУДА ПРИВОЗИТ МЕТРО

Впервые я увидел ее в очереди в кассу метро, куда принесли меня предновогодние московские метели и желание купить проездной на год. Случилось это ни много ни мало — год назад. Среди проглоченных за прошедшее время безжалостным бытием дней нередко попадались особенно светлые, подарившие мне встречи с незнакомкой. Обычно ее приносила серая масса полусонных нахмуренных сограждан, спешащих на работу и, по сути, существующих в настоящем лишь формально. В реальности же их души металась между безвозвратно ушедшим вчерашним и еще не родившимся сегодняшним трудовым днем. Им было не до нас. И для двоих людей, связанных тонкой и хрупкой эмоциональной ниточкой, это было очень кстати.

Традиционный бойкий хвостик из ярко-рыжих волос и большие синие наушники — не заметить ее было невозможно. Целый год я жадно собирал в своей памяти виртуальный каталог повадок, улыбок, движений и взглядов этой фанатки музыки. Но самое главное место в данной коллекции занимал непреложный факт — несмотря на видимое безразличие девушки к происходящему вокруг, а также неизменную людскую суету, наши взгляды ни разу не разминулись. Даже когда мы оказывались в вагоне на значительном удалении друг от друга, зажатые напряженными телами попутчиков, любительница отгородиться звуковой стеной от метрополитенной какофонии обязательно находила возможность осмотреться и найти меня (что, собственно, аккуратно делал и я сам). Кроме того, порой мы «отмечались» через стекло, когда у нее не получалось втиснуться в железное чрево поезда. Та же схема срабатывала на платформе, если кто-то из нас вдруг решал пройти по перрону дальше обычного.

Порой меня посещала предательская мысль, что все происходящее в значительной степени лишь плод моего мужского воображения, цепь случайностей — никакой эмоциональной связи нет и в помине. Тем более, что наше чисто зрительное общение ограничивалось обменом взглядами, хотя и чуть более длительными, чем обыкновенные случайные, но все же несущими печать отрешенности... С другой стороны, так иногда смотрит человек, когда имеет интерес к другому, но опасается, что тот подумает: «Надо же, чего это он на меня пялится!?!»... Да и, к слову сказать, я не мастак знакомиться в общественных местах и с налёту — стеснительный с детства.

В преддверии очередных новогодних праздников устоявшийся сценарий словно кто-то переписал. Мы не встречались уже около полутора недель. В душе у меня зародилось и разрослось до нешуточных размеров беспокойство — уж не случилось ли что с НЕЙ?! И вот, в очередной раз, утро не принесло долгожданного молчаливого свидания... Весь день, с перерывами на телефонные разговоры по работе и оперативные совещания, с перекурами на крыльчке я думал о своей тайной... В том числе, кстати, размышляя на тему — кто же мне эта девушка?

Нырнув в метро в начале седьмого вечера, я проскользнул в уже закрывающиеся двери последнего вагона, прошел вперед. Пришлось встать возле правостороннего выхода — все сидячие места, увы, оказались занятыми. Буквально на следующей станции судьба преподнесла сюрприз: двери напротив открылись, и вошла... ОНА! Бегло оценила обстановку, перевела взгляд на меня и, впервые улыбнувшись, пересекла вагон, встала напротив. Счастье мое длилось недолго — буквально через пару-тройку секунд ее заслонила от меня шумная компания студентов, посасывающих пиво и несущих своим попутчицам какой-то вздор. Честно скажу, мне хотелось прибить и тех, и других. Впрочем, спустя пару остановок молодежь выкатилась на платформу, а объект моих тайных вздыханий оказался на освободившемся за его спиной месте. Второе, рядом, было не занято. И, несмотря на то, что народа вошло немало, никто приземлять себя туда не рвался. Рыжевласка тем временем непринужденно закинула ногу на ногу и погрузилась в чтение какой-то толстой книжки в красивой суперобложке. В голове моей зароились и рванули наперегонки обрывочные мысли: «Сесть рядом?», «А зачем?», «Заговорить?», «Но шумно же...», «Собственно о чём говорить-то?!», «Или всё же...». Но буквально через минуту этот сумбурный поток сознания внезапно остановил вкрадчивый голос. Кто-то слева из-за спины произнес: «Хороша твоя Маша, барин... Что ж ты оторопел, да нейдешь к ней?».

— Что? — вздрогнул я, обернулся и отпрянул в сторону. Вплотную ко мне покачивалась на поручне странноватого вида личность. Это был кряжистый мужик с седой спутанной бородой и в наряде, чем-то напоминавшем одеяния крестьян из школьного учебника истории. Только вместо лаптей на нем были сапоги фасона «прощай, молодость», и подпоясан он был вполне современным солдатским ремнем с бляхой, начищенной, как у направляющегося домой дембеля.

— Эх, барин, ну раз вы никак, так я пойду, однако, присяду, — пропел незнакомец, почему-то перейдя на «вы»; дохромав до места, он тяжело плюхнулся на сиденье. «Маша» тут же испуганно вскочила, встала теперь уже совсем рядом со мной, опершись спиной о дверное стекло. При этом она глянула так, что я невольно вспомнил «Подмосковные вечера». Начиная с «Что ж ты милая смотришь искоса...» и кончая «всё, что на сердце у меня...».

Поезд тем временем быстро набирал скорость, которая и так уже была приличной, но машинист, похоже, сбавлять газ не собирался. Пассажиры, находящиеся в поле моего зрения, начали с тревогой в глазах наблюдать за реакцией попутчиков. Таким образом они как бы сверяли свои эмоции с чужими — начиналась первая стадия паники... Моя соседка тоже опустила книжку — судя по ее зеленым глазам, дух нарастающего всеобщего страха уже коснулся и ее. Вагон начал неприятно вибрировать, и грузный мужчина, доселе сладко дремавший под переговорным устройством, наконец очнулся. Толстяк довольно резво поднялся и ткнул пальцем в металлическую кнопку. Не иначе, водила испытывал пассажиров сначала на психологическую, а теперь — на физическую устойчивость: динамик хрюкнул, но ответа не последовало, зато мощно сработали тормоза. Судя по звукам и вскрику позади, кто-то, потеряв равновесие,

повалился на сидящих людей, а затем и на пол. Меня тоже резко потянуло вперед, но я умудрился схватиться рукой за поручень позади себя. А еще — чудом успел подхватить за талию свою попутчицу, которая, взмахнув книгой, также устремилась по ходу движения.

Едва я почувствовал ладонью ее изогнувшееся и напрягшееся тело, мир вокруг как будто перестал существовать. Вернее, все осталось на своих местах, но приобрело призрачные, нечеткие черты. Наступила оглушительная тишина, в которой наши глаза встретились. И затем совершенно неожиданно... заиграл оркестр, душу наполнил восторг, сердце громко забило в груди — мы с Марией в огромном светлом зале кружились в вальсе. Теперь я не сомневался, что зовут ее именно так и никак иначе. Над нами горели громадные хрустальные люстры в сотню свечей. Мимо проносились другие пары — галантные кавалеры во фраках искусно вели своих дам, которые, как и Маша, были одеты в старинные, декольтированные, завораживающие своей красотой бальные платья. Но моя партнерша была самой красивой: уложенные в сложную прическу рыжие волосы с золотыми цветами и топазами в их хитросплетениях, тяжелое жемчужное ожерелье в несколько нитей... А еще — тонкая полупрозрачная кожа на хрупких ключицах, тонкая лебединая шея и светящиеся любовью большие зеленые глаза...

Торможение неожиданно прекратилось. А наваждение исчезло, точно невесомая ткань, сдернутая иллюзионистом. Поезд тряхнуло. Возмущенные пассажиры наперебой что-то кричали по внутренней связи машинисту. Я опустил руку. Девушка растерянно и неотрывно смотрела на меня. Повисшая пауза прервалась через считанные секунды — так и не ответивший на брань водила вновь «подбросил уголька», поезд рванул вперед, и моя попутчица оказалась буквально придавленной ко мне всем телом.

И вновь бездонная тишина... Но на сей раз никакого оркестра не было. Мы лежали обнаженные в полумраке, лаская друг друга, говорили нежные слова и, казалось, теперь весь мир кружился вокруг нас — добрый, бесконечный и абсолютно совершенный. В высокое арочное окно смотрели мириады звезд, а в воздухе витал какой-то тонкий запах — новый для меня, но, как это ни странно, одновременно очень знакомый. Внезапно из соседней комнаты послышался детский плач. Мария мягко отстранила меня и произнесла: «Кажется, Сонечка проснулась. Я сейчас...» и, тихо перебирая босыми ногами скрылась за дверью. Этот плач... Сонечка... Бал... В этот момент где-то глубоко внутри меня точно прорвало плотину — память заполнил бурлящий поток смутных воспоминаний... Но скрипнула дверь, и видения исчезли. Вошла Маша и присела на край кровати. Я видел только ее силуэт, но чувствовал, как она смотрит на меня и улыбается. Моя любимая... И вновь, как бы растворяясь одна в другой, закрутились, оживая перед глазами, картины из какой-то другой жизни, мучительно знакомые лица людей, имен которых я никак не мог вспомнить. Много-много лиц... Вихрь бытовых сцен, контрастный душ эмоций... Защемило сердце, и скорость обновления сюжетов резко упала. Вот я скачу на гнедой кобыле, и устремляясь вперед, обгоняя меня и моих слегка отставших молодых спутников в охотничьих костюмах, несется свора гончих. Слышны ружейные выстрелы... Очертания леса по правую руку, горизонта, а потом и людей теряют резкость и тают. При этом выстрелы перерастают в глухие звуки канонады. Они раздаются за стенами деревенской избы. Передо мной в сюртуке с генеральскими эполетами, склонившись над картой в глубокой задумчивости, стоит хмурый человек. Он медленно распрямляется и смотрит на меня одним глазом, второй скрыт черной лентой наискосок. Военный что-то мне говорит, но я не слышу... «Кутузов», — проскакивает в голове. Снова туман... Выстрелы становятся громче. Вокруг сошлись в рукопашной солдаты в грязных мундирах. Кто-то неподвижно лежит на земле с застывшим выражением ужаса на окровавленном лице. Нарастающий гул, ослепительная вспышка, оглушающий свист в ушах и — неожиданная легкость. Вначале я не понимаю, что произошло, но через несколько мгновений уже знаю — меня убили. Но страха почему-то нет, а сознание постепенно тает, погружаясь в океан бесконечного покоя и благодати... из которого меня без особых церемоний вытягивает гул и тряска вагона метро.

Ускорение прекратилось. Мы опять оказались рядом, вдвоем. Вновь среди возмущенных человеческих лиц, в атмосфере вагонного хаоса. Однако последний нас совершенно не касался — прижавшихся друг к другу и думавших об одном и том же. Книжка валялась на полу рядом. Я поднял ее с пола, отряхнул и зажал под мышкой. За окнами замелькали люди, колонны. Машинист перестал играть в молчанку и ровным спокойным голосом, как ни в чем не бывало, объявил станцию... А пассажиры как-то необычно легко успокоились. Полный мужчина пропустил вперед себя соседку по сидению, и та поблагодарила его за любезность. Кто-то говорил по телефону, уверяя собеседника, что у него все в порядке. Взявшись за руки, мы вышли на платформу.

— Как это всё... Что это вообще было? — проговорила постепенно приходившая в себя Маша — по ее лицу было видно: «удовольствия» ускоренного просмотра далекого прошлого не избежала и она. — Володенька, сколько же лет прошло?

— Кажется, около двухсот, — прикинул я с волнением в голосе: все произошедшее также отказывалось укладываться в моей голове. — Только теперь я Артур.

— С ума сойти! Артур... Ну да ничего, привыкну... Представляешь, а я опять Маша.

— Причем снова рыженькая и зеленоглазая, — улыбнулся я. — Тебе проще... Впрочем, можешь звать меня, как прежде, — отныне оба имени мне близки одинаково.

— Да фиг с ним, разберемся... Главное — что мы снова вместе. Думаю это нужно отметить. Такой повод потянет на ящик «Бургундского», не меньше, — пошутила любимая, обвила мою шею и крепко прижала к себе.

В этот момент у меня возникло ощущение, что кто-то пристально смотрит мне в спину и, обернувшись, увидел того самого «крестьянина», который выкурил Марию с кресла. Направился к нему.

— Спасибо, — без предисловий сказал я, глядя в его непостижимо глубокие, добрые и одновременно озорные, как у шкодливого мальчишки, голубые глаза. Там, в вагоне, их было не разглядеть. — Кто вы?

Старик перевел взгляд на мою медленно приближавшуюся попутчицу, потом вновь — на меня.

— Не за что, барин. Ну и мороки же с вами обоими было... Целый год трудов... Пришлось прибегнуть к крайним мерам... Ну да ладно. Извините, я на службе. Мне пора. Счастья вам в Новом году, — произнес он, проигнорировав мой вопрос, лихо развернулся через левое плечо и, припадая на правую ногу, заковылял по перрону.

— Кто это? — растерянно проговорила подошедшая Маша.

— Думаю, ангел.

— Кто-кто?! Вот уж с кем разительное сходство! — сыронизировала девушка.

— Глаза выдают, — невозмутимо парировал я, отложив подробные объяснения на потом, и вновь обернулся. Несмотря на то, что поезда еще не подходили, наш благодетель словно в воздухе растворился. Впрочем, почему словно? Наверное, так оно и было.

УСТАРЕВШАЯ МОДЕЛЬ, ОДНА ШТУКА

Я устарел шестого апреля, во вторник, в семь часов вечера по Москве. Даша так и сказала Алексу:

— Пит устарел, милый. Я вчера проконсультировалась с представителем компании. Говорит, что надо менять. У них проблемы с совместимостью версий. Апгрейд, по его словам, нежелателен. Новая модель обойдётся нам в полцены — они заберут Пита в счёт оставшейся половины.

— Бог с ней, с ценой, — услышал я голос Алекса. — С Настей как быть?

С Настей мы играли в это время в слова. Высунув от усердия язык, она сосредоточенно искала пятибуквенные существительные в слове «дуболом».

— Облом, обмол, — торжествуяще выдала, наконец, Настя. — Мудло.

— Третьего слова не существует, — на всякий случай я послал запрос в словарь эвфемизмов и получил в ответ «не найдено». — Тебе штрафное очко.

— Ещё как существует, — возразила Настя. — Петька из седьмого «Б» абсолютное, патологическое мудло. Ты устарел, Пит, так что это тебе штрафное.

Если бы я умел дрожать, то, наверное, вздрогнул бы. Она повторила только что сказанное на кухне родителями. Слышать их она не могла — изоляция между кухней и детской была отменной. Хотя и не для встроенного в меня ресивера.

— Как быть, как быть, — раздражённо сказала на кухне Даша. — Так и объяснить ей, что Пит устарел. Насте уже двенадцать, она взрослая девочка и поймёт. Должна понять.

Вместо Насти, однако, понял я. «Устарел» означало «больше не нужен». А «заберут в счёт оставшейся половины» означало утилизацию.

Меня забрали в счёт оставшейся половины седьмого апреля, в среду, в одиннадцать утра по Москве. Впервые за шесть лет Настю в школу вместо меня провожал Алекс.

— Пита сегодня не будет, — объяснял он Насте, помогая надеть на плечи ранец. — У него настал срок профилактики. Скажи, Пит?

Я промолчал. Моя базовая программа не позволяла исказить истину.

— Не расстраивайся, — попросил Настю Алекс. — Пит пройдёт профилактику и сразу вернётся. Таким же, как был, а то и лучше. Его там подлатают, почистят, поставят новые фильмы, игры и книжки, возможно, обновят корпус. Сейчас это делают быстро, думаю, Пит тебя и встретит после уроков. Пойдём, зайка.

В счёт оставшейся половины меня забирали два средних лет индивида. Один из них носил тонкие, стрелкой, усики, у второго усов не было, а в остальном они были похожи друг на друга и одеты в одинаковые оранжевые жилеты.

— Принимайте, — сказал усатый, распахнув входную дверь. — Последняя модель, полностью экипирован. Заряда хватит на два года, потом позвоните, мы поменяем аккумуляторы. Давай, заходи, Пит.

Усатый отстранился, и другой, новый, Пит вошёл. Если бы я умел завидовать, то наверняка сейчас исходил бы слюной от зависти. Он был хорош. Да что там хорош — великолепен. Плавный округлый корпус, изящные манипуляторы, бесшумная походка и добрая улыбка на лицевой панели. Просто-таки лучезарная, особенно по сравнению с моей несурзной гримасой.

— Совершенно уникальная модель, — расхваливал нового Пита безусый. — Фактически, это уже не губернёр, это универсальный домашний агрегат или, если угодно, комбайн. Он умеет практически всё. Мыть посуду, чистить картошку, делать ремонт, устранять неполадки. Размеры библиотеки и фильмотеки колоссальные, — безусый закатил глаза. — Кроме того, доработаны поведенческие блоки. Значительно улучшена программа самосохранения — этот экземпляр не провалится в водосточный люк, не угодит под машину и не ломает манипуляторы, свалившись с лестницы. Ну, и напоследок, — безусый выдержал паузу, — он способен на ложь, если того требуют интересы ребёнка. Ложь во спасение, так сказать. Вот здесь распишитесь, пожалуйста. Ну, а этого мы забираем. Пошли, старина.

— У него ещё почти полный заряд, — растерянно сказала Даша. — Я подумала, может быть, вы не станете его... ну, вы понимаете...

— Не волнуйтесь, — успокоил усатый. — Ничего с ним не случится. В компании предусмотрена реабилитационная программа. Найдём ему применение.

— Тэк-с, устаревшая модель, одна штука, — осмотрев меня, сообщил длинный сутулый индивид другому, вальяжному и толстому. — ЭГУ-1811, серия А12. Рассчитан на десять лет, выработано шесть. Не повезло тебе, бедолага, — повернулся сутулый ко мне. — Прогресс слишком, тык-скыть, стремителен, моделям шестилетней давности за ним не угнаться. Ладно, давай, лезь сюда, будем, тык-скыть, проводить диагностику.

Я забрался на горизонтальную металлическую поверхность, лёг на спину и вытянул манипуляторы по швам. Надо мной захлопнулись створки матовой раздвижной панели, на фасад опустился и заскользил по нему подвижный членистый щуп.

— Тэк-с, аккумуляторы неплохие, — донёсся до меня голос сутулого. — Хорошие, прямо скажем, аккумуляторы. С физическим состоянием хуже, подвижность шестьдесят процентов от нормы, скорость реакции — половина расчётной. Гибкость сочленений... м-м... аховая, тык-скыть, гибкость. Хм-м... тут ещё и коррозия корпуса. Что же не следил за собой, а, приятель? Ладно, что у нас с обеспечением?.. Эмоциональный блок вроде в порядке, поведенческий... н-да... никуда не годится. Тут, впрочем, не твоя вина — разработчики, тык-скыть, напортачили. Тэк-с, ресивер, трансмиттер, преобразователь, — это всё более-менее. Игротека, тык-скыть, времён моей бабушки. Остальное тоже. Вы записываете, Вадим Иванович? Ладно, приятель, вставай.

Я поднялся.

— Ещё устаревшие языковые структуры, — дополнил я заключение диагностов. — В словаре эвфемизмов отсутствует слово «мудло».

— Это не страшно, — обнадёжил меня толстый Вадим Иванович. — Оно и в последних словарях отсутствует. И, как по мне, напрасно. Что ж, старина, как тебя, Пит. Боюсь, что ничего сделать нельзя, модификация в данном случае явно нерентабельна. Придётся тебя... ты сам-то как считаешь?

Если бы я умел плакать, то, наверное, заревел бы. Нет, я не боялся. Но мне очень не хотелось умирать. Хотя я и осознал, что моё дальнейшее существование нерентабельно. Так я им и сказал. И добавил, что раз так, то я, если возможно, предпочёл бы перестать функционировать поскорее.

— Эмоциональный блок можно будет изъять и вмонтировать в новую модель, — объяснил я. — А если это всё затянется, боюсь, что он пострадает, я уже сейчас чувствую себя не очень хорошо.

— Ладно, Пит, — сутулый подошёл и хлопнул меня по тыловой панели — там, где проходил обрез игрового монитора. — Ты славный, тык-скыть, парень, я сожалею, что так с тобой получилось. Посиди здесь пока, Пит. Пошли, Вадим Иванович.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и получаса, как за мной явился высокий, с меня ростом, черноволосый индивид в оранжевом жилете, таком же, как у тех, которые меня забирали в счёт оставшейся половины.

— Пойдём, — кивнул он на дверь. — Не волнуйся, это недолго.

Мне было трудно не волноваться, но я сказал, что постараюсь. Тем более, сам черноволосый явно нервничал не меньше меня.

— Вы тоже не волнуйтесь, — попытался я его успокоить. — Я не чувствую боли. Вам надо будет попросту отключить аккумуляторы — после этого я вообще перестану чувствовать, и вам будет легко со мной.

— А ты заметил, что я волнуюсь? — спросил черноволосый.

— Я не вижу. Но у меня есть устройство, улавливающее исходящие от вас биотоки. И программа, которая их преобразовывает. Она, правда, настроена на детские эмоции, но распознать, когда человек нервничает, я могу независимо от его возраста. И когда ему плохо — тоже.

Черноволосый внезапно остановился в дверях.

— Слушай, Пит, — сказал он, — ты прости, я никак не привыкну, что ты не... Ну, ты понимаешь.

Я сказал, что понимаю. Привыкнуть к тому, что говорящее и кое-как мыслящее существо может быть неживым, некоторым людям нелегко. Хотя, с учётом рода занятий, для данного индивида это довольно-таки удивительно.

— Я в компании недавно, — объяснил он. — Сказать по правде, всего несколько дней, до этого работал кем придётся. Меня, кстати, Олегом зовут. И я тут подумал, Пит... — он замялся.

— Вы можете смело поделиться со мной, — подбодрил я Олега. — Возможно, я помогу вам советом, у меня сохранилась поведенческая база данных, в ней есть рекомендации на многие случаи жизни.

— Я подумал, Пит... — Олег вновь замялся, а затем выпалил: — Давай, я тебя заберу?

— Как заберёте? — не понял я. — Куда?

— К себе. У меня сын, ему скоро тринадцать. А мамки нет. Понимаешь, она нас бросила. Давно. Парень совсем от рук отбился. Я на работе, присматривать некому. Носит из школы двойки, хулиганит на уроках, дерётся. Пит, прошу тебя. Я составлю акт утилизации, аккумуляторы завтра куплю на барахолке и сдам. С блоками хуже, но тоже что-нибудь придумаю. А, Пит? А ты, если что, будешь говорить, что я тебя приобрёл.

— Я не смогу, — сказал я. — Моя программа не позволяет исказить истину. Мне очень жаль, Олег.

— Тебе не придётся исказить. Ты будешь жить у нас дома. Никто и не узнает. А если и узнает, я тебя не отдам.

— Я устарел, Олег, — сказал я. — Вам следует приобрести для мальчика последнюю модель, а не такое старьё.

— У меня не хватит денег на последнюю модель, даже если буду работать в четыре смены. Пит, дружище, выручай меня! Скажи, прошу тебя, скажи, что согласен.

Он внезапно протянул мне руку. Если бы я умел плакать, то тогда бы... Я пожал ему руку правым манипулятором и сказал, что согласен.

— Вот, знакомьтесь, — представил меня Олег тощему, скуластому и вихрастому мальчугану. — Это Пит. А это Петька, вы почти что тёзки. Пит будет жить у нас. То есть не жить, а это...

— Находиться, — подсказал я. — Здравствуй, Петя.

Мальчуган, раскрыв от удивления рот, поднялся. Несмело подошёл ко мне, дотронулся до фасада, отдернул руку. Замер, глядя на меня снизу вверх широко распахнутыми глазами.

— Ну, вы тут без меня... — пробормотал Олег, потоптался на месте и двинулся к выходу из крошечной, захлавленной комнатухи, почти каморки. — Пит — отличный парень, — остановился он на пороге. — Он будет помогать тебе делать уроки. Играть с тобой, дружить — и вообще... Ты только не говори никому, что он у нас есть, ладно, сынок? Так надо.

Олег исчез, а мы с Петькой так и остались стоять, изучая друг друга.

— Ты можешь показывать фильмы? — наконец, спросил он. — Любые, которые я захочу?

— Могу. Только не любые. Моя фильмотека несколько устарела. Какие фильмы ты любишь?

— Про ниндзя. И про гангстеров. У тебя есть?

— Про ниндзя есть двести четырнадцать фильмов, — я сверился с каталогом фильмотеки. — Про гангстеров — девятьсот двенадцать.

— И ты мне их покажешь? Прямо сейчас?

— Покажу. Но не сейчас, а после того как мы с тобой разберём этот... — я обвёл манипулятором комнату.

— Бардак?

— Беспорядок, — поправил я, послав запрос в словарь эвфемизмов и ознакомившись с ответом.

— После этого мы будем смотреть фильм?

— Да, — сказал я. — Даже, если хочешь, два.

На следующий день я приготовил свиной гуляш. Я не очень хорошо готовлю, да и ингредиентов оказалось недостаточно, но Петька сказал, что гуляш — объедение, и мы с ним уселись за уроки. С грехом пополам одолели математику, основательно застряли на физике и, наконец, перешли к литературе.

— Полная мура, — авторитетно заявил Петька. — Вот ты, Пит, много читал?

— Я вообще ничего не читал, — признался я. — Читала встроенная в меня программа. Насте, девочке, которая у меня была. До тебя.

— И что, ей нравилось?

— Конечно. Я подбирал очень хорошие книги. И декламаторы в моей библиотеке отличные. Настя любила слушать.

— У нас тоже есть одна, — шмыгнув носом Петька, — Настя... В параллельном классе учится. Дура и задавака. Тоже любит читать, вся такая начитанная. Ходит по школе зарёванная уже второй день, а кто спросит, что стряслось, на того зыркает, как эта, из фильма, что вчера был, гагнстерша.

— Ты в какой школе учишься? — быстро спросил я.

— В четырёста второй, а что?

— В седьмом «Б» классе?

— Точно. Откуда ты знаешь?

— Так это, значит, ты и есть «абсолютное, патологическое мудло»?

— Я и есть, — гордо признался Петька. — Ещё говнистое.

Ехать на лето в лагерь Петька категорически отказался. Олег поначалу спорил и убеждал, да и я старался, но в результате мы оба сдались в обмен на обещание подтянуть хвосты по математике и, наконец, помириться с литературой.

С литературой помирил «Крёстный отец» Марио Пьюзо, а «Богач, бедняк» Ирвина Шоу и «Саквояжники» Гарольда Роббинса мир закрепили и упрочили. От заморских бандитов плавно перешли к отечественным. От них — к беллетристике и фантастике. Месяц ушёл на Дюма, Хаггарда, Жаколио, Желязны и Стругацких, следующий заняли Хемингуэй, Алексей Толстой, Ремарк и Василь Быков, так что к августу, когда взялись за Бальзака, Гюго и Достоевского, Петька заявил, что читать с экрана гораздо быстрее и удобнее, чем слушать.

«Занимательную математику» Перельмана осваивали уже с бумаги, а вслед за ней и «Занимательную физику». Закончили и то, и другое, правда, только к Новому Году. За неделю до него провели соревнование на скорость решения задач, в котором я победил за явным преимуществом со счётом 7:3.

Закон о запрещении электронных гувернёров и немедленном их изъятии с последующей утилизацией ратифицировали пятнадцатого апреля, во вторник, через год с небольшим после того, как меня забрал Олег. Судебные процессы граждан против компании транслировали по всем каналам. Отчётами о возбуждённых против неё уголовных делах пестрели страницы газет.

В программах, управляющих последней моделью, оказался скрытый дефект, подобный компьютерному вирусу. Он привёл к массовому выходу гувернёров из строя с полной потерей функциональности. В отдельных случаях, однако, вирус в первую очередь поразил поведенческие блоки и породил вспышки неконтролируемой агрессии. Несколько сотен детей по всей стране погибли. Новые жертвы появились в результате акций по изъятию гувернёров, чью программу самосохранения вирус пощадил.

Второго мая компания отрапортовала об уничтожении последнего ЭГУ и, объявив о банкротстве, развалилась.

Таким образом, я стал единственным уцелевшим. Незарегистрированным и официально утилизированным. Сдавать меня Олег с Петькой отказались наотрез.

Олег купил на барахолке сменные аккумуляторы и возился целые сутки, их устанавливая. Очнувшись, я понял, что не хочу больше существовать. И оттого, что боялся проявления дефектов управляющей программы у себя. И потому, что каждый новый день функционировал пусть ненамного, но хуже, чем в предыдущий.

Сначала отказала фильмотека, за ней одна за другой посыпались игры, перестали отвечать базы данных. И даже хваленый эмоциональный блок стал барахлить — я больше не чувствовал, когда Петька расстроен, нервничает или когда ему плохо.

Я решил перестать существовать в тот день, когда приняли закон об уголовной ответственности за изготовление или сокрытие домашних роботов. Я попросил Олега меня отключить и отвезти на свалку.

— Даже не думай об этом, Пит, — сказал он, — друзей на свалку не выбрасывают.

На следующий день я попросил о том же Петьку.

— Через несколько месяцев я не смогу больше передвигаться, — сказал я. — Потом говорить и слышать. Я уже не так хорошо слышу, как раньше, а мой словарный запас обеднел. Я больше не функционален, а значит, не нужен, как всякая отработавшая вещь. Не говоря о том, что скрывать меня противозаконно. Отключи меня. Пожалуйста.

— Мудло ты, Пит, — Петька зашмыгал носом. — Ты не вещь. И я не смогу тебя умертвить.

А день спустя к нам пришла Настя, сходу бросилась мне на фасад и залила слезами лицевую панель. Если бы я умел плакать, я бы тоже...

— Дети, — сказал я, когда Настя, наконец, отревела. — Моя функция — растить и воспитывать детей. Вы уже выросли и через пару лет станете совсем взрослыми. Функция исчерпана, я больше не гувернёр. Наверное, я мог бы ещё пригодиться — решать задачи, читать книги и даже играть в слова. Но вам я больше не нужен. А значит, не нужен никому.

— Пит, — сказала Настя, — мы тут подумали: что, если мы отключим тебя, но не навсегда? Ты не умрёшь, а просто некоторое время побудешь на консервации. До тех пор, пока у одного из нас не появятся дети.

Меня расконсервировали второго октября, в воскресенье, в десять утра по Москве, через шесть лет после отключения. Эти годы я провёл за городом, у Алекса и Даши на даче, в погребе. В ванне, наполненной машинным маслом.

Меня извлекли из неё, протёрли, вытащили из погреба и подключили. Я открыл глаза и сразу увидел детей. Мальчика и девочку, близняшек. Они стояли рядом в манеже, уцепившись за огораживающую планку и уставившись на меня. Я определил, что им должно быть года по полтора. Я шагнул вперёд, к ним.

— Т-тебе они н-нравятся, Пит? — запинаясь, спросил кто-то у меня за спиной.

Я обернулся. Настя смотрела на меня, в глазах у неё были слёзы.

— Это чудесные, замечательные дети, — сказал я. — Твои?

— Наши, — сказала Настя. — Петя сейчас подойдёт. Это наши с ним. Ты... ты будешь их воспитывать, Пит? Пока не вырастут.

Я долго молчал, а потом... Потом я искажил истину. Мне осталось два года. В лучшем случае, три. Четыре, если неимоверно повезёт.

— Да, — сказал я. — Буду. Пока не вырастут.

МЫШКА БЕЖАЛА...

Сельское утро брызнуло ярким летним солнцем. Хутор уже давно проснулся и по дворам раскатывались звуки бытовой суеты: протяжно мычала корова, кудахтали куры, гулко брехали изголодавшиеся псы...

Макар Вениаминович вышел во двор, сладко позевывая и разминая осторожными движениями упрямые затекшие мышцы. В свои семьдесят восемь он чувствовал себя неплохо. Если бы не болячки, о которых не принято распространяться в среде воспитанных людей, то и жаловаться в принципе было грех.

Он пересек территорию своих скромных владений и у покосившейся плетеной ограды подобрал старую, местами ржавую тачку.

— Не бери много сегодня, — услышал Макар голос супруги — бабки Агафьи. — Они вчерашнее еще не склевали.

— Ну да! — возразил Макар. — А потом снова телёпкаться?! Нет уж, лучше я сразу полную привезу, а завтра тогда не пойду, дома останусь. Дров наколоть надобно.

— Как хочешь, — старуха махнула рукой и пошла обратно в хату. — Только смотри, чтобы не попрело.

— А-то сам не знаю, — буркнул старик себе под нос и покатил тележку со двора.

Узкая, зажата с обеих сторон глубокими канавами проселочная дорога была заставлена легковыми автомобилями. Машины были неаккуратно припаркованы на краю большого пшеничного поля.

Макар, филигранно маневрируя тележкой, миновал препятствие и в нерешительности остановился неподалеку, прислушиваясь к разговору трех мужчин, одним из которых был сосед — фермер Леха.

— А может все-таки кто-то из местных безобразничает? — спрашивал у Лехи хорошо, по-городскому одетый полный мужчина.

— Да нет же, говорю! — фермер явно нервничал. — Некому у нас в глуши безобразничать. Пацанов всего трое осталось, да и те на такую выходку неспособные — Сенька в город на учебу ездит, полдня на дорогу тратит, ему некогда всякой ерундой заниматься, а Серега с Иваном движки тракторные перебирают — тоже при деле.

Аккуратный выглядел озадаченным. Он повернулся к третьему участнику беседы, который что-то скрупулезно записывал в блокноте, и повелительным тоном произнес:

— Ладно, Володя, пошли!

Тот оторвал взгляд от блокнота:

— А телевизионщиков забираем?

— Ну конечно! Что ж, их тут бросить, что ли! — толстяк вытер вспотевший лоб носовым платком. — Они же, того и гляди, заблудятся...

Только теперь Макар заметил еще двух людей с камерой. Парочка что-то обсуждала, активно жестикулируя.

Мужчина по имени Володя призывно замахал съёмочной группой блокнотом, а «городской» направился к машине, удостоив Макара подозрительным взглядом маленьких глаз. От этого неприятного взгляда дед подсобрался, завел за спину тележку, тем самым освобождая путь к автомобилю, но немного не рассчитал и зацепил колесом за бампер.

— Э, дед! Ты что творишь-то!!! — донеслось до Макара.

Старик обернулся и увидел вылезавшего из машины водителя. Дитина обошел авто и, насупив брови, принялся разглядывать царапину.

Макар растерянно попятился:

— Извините, — начал было оправдываться, но коренастый его перебил:

— Ты смотри, куда прешь, село! — водитель замахнулся на старика.

Дед инстинктивно втянул голову в плечи.

— Это тебе не сеялка! — угрожающе зашипел мужик. — Или у тебя клад в огороде зарыт, а может, денег куры не клюют?!

— Куры есть, милок, — жалобно простонал Макар, — а вот денежек, звеняй, не нажил.

— Звеняй! — передразнил дитина. — Не нажил, так внимательно по сторонам смотри! А то мигом без штанов останешься.

— Прощения просим, — пробурчал Макар, — не уследил.

— Да оставь ты его, Костя, — вмешался мужик с блокнотом. — Видишь, старый он, ослеп совсем.

Водитель на прощание бросил на деда гневный взгляд и вернулся в машину.

Тем временем съёмочная группа уже скрылась в автомобиле, и через мгновение все три машины гуськом погнались вдоль спелой пшеницы.

— Ну что, Макар, получил? — басом загоготал Леха, разглаживая свои пышные казацкие усы.

Старик покачал головой и подошел к фермеру.

— Леша, так я возьму еще малеха пшенички-то?

— Да бери уж, — продолжал улыбаться мужик. — Чего мне с ней делать-то теперь...

Макар благодарно кивнул и направил тележку в поле, туда, где только что бегали телевизионщики. Но, не пройдя и пяти шагов, остановился и снова обратился к фермеру:

— Леша, а Леш!

— Чего?

— А пошто эти вот приезжали? — Макар кивнул в сторону пыльной завесы.

Фермер скривился и, наклонив голову, ехидно бросил:

— А тебе-то не все ли равно, дед?

— Да любопытно, — Макар усмехнулся. — Все ж таки телевидение!.. ишь ты!

Леха посерьезнел:

— Да опять за этими кругами, бес их возьми! Изучают! А мне-то что от их изучения?! Пол поля полегло, сколько зерна потерял, да еще и гости чуть не каждый день приезжают, оставшуюся пшеницу топчут, — и Леха смачно сплюнул под ноги.

— Ничего, — попытался успокоить Макар. — Вон её скока народилось!

— Это тебе, дед, ничего — только и знаешь, что с тележкой ко мне шастать. А мне по долгам платить, да по кредитам!!! — Леха упер кулачища в отвислые бока. — Слышал почему зерно сегодня? А соляра сколько стоит?!!

Макар виновато опустил глаза.

Фермер заморгал, опомнился:

— Ладно, старик, извини. Иди, набери зерна, сколько хочешь.

Дед благодарно кивнул и, поскрипывая тележкой, поплелся по полю.

Пшеницы и впрямь полегло много. Макар уже трижды за последнюю неделю подчищал упавшее зерно, и каждый раз удивлялся этому диковинному зрелищу: ровно стоящий плотный строй спелых колосьев внезапно обрывался плавно закругленными коридорами примятой пшеницы.

Что это были за узоры, увидеть, находясь на поле, было невозможно. Но во вчерашнем номере районной газеты Макар внимательно разглядел сделанный с высоты птичьего полета смазанный снимок кругов и переплетенных загогулин.

Старик нагнулся и приподнял хорошо утрамбованные колосья. Все они были аккуратно подломлены в одном направлении, по часовой стрелке. Он вздохнул и принялся обдирать колоски, тут же перетирая их в своих узловатых пальцах. Зерна были спелыми и потому хорошо отделялись от шелухи.

Спустя час ладони горели от работы. Макар провел рукой по вспотевшему лбу, встал с колен и вытряхнул в тележку последний фартук пшеницы.

Лехи поблизости уже не было — да и что фермеру по полю скакать, у него хозяйство. «Хороший он мужик, Лехато... крепкий», — подумал дед и заскрипел тележкой в направлении дома. Скрип разнесся по округе, нарушая гармонию знойного сельского полдня, когда в траве стоит стрекот невидимых насекомых, а в тополях чирикают маленькие стайки пернатых.

Макар отворил калитку, толкнув её тележкой. Плетень наклонился и повис, слетев с верхнего крепления.

Это происшествие не ускользнуло от Агафьи Тихоновны, и она недвусмысленно продемонстрировала свое к этому отношение:

— Ты что ж, старый, вытворяешь!!!

— Сейчас поправлю, — буркнул в спешке Макар, направляясь к курятнику.

— Ну-ну, — не унималась старуха. — Потом опять за свой радикулит хвататься будешь. Ухаживай потом за ним, а он... тебе... и... — конец фразы был заглушен облупившимися стенами мазанки, когда Агафья Тихоновна скрылась в помещении. Её большая и округлая задняя часть в клетчатой латаной юбке еще какое-то время маячила в проходе, и Макар даже успел наигранно плюнуть в том направлении — ну, как казак на хвост ведьме. Это, можно сказать, было семейной традицией.

Старик сгрузил зерно курам и вернул тележку на прежнее место. Когда поправил калитку, тут же отдал должное пронизательности супруги, ибо скрутило его как следует! Еле ноги доволот до кушетки. Свалился и стал стонать — ни сесть, не встать.

Тут Агафья и разошлась:

— Говорила тебе, старый ты, на карачках ползать будешь. Беречь себя надобно, а ты все молодиться. Тьфу ты черт!

А как помрешь, что тогда мне делать?!!

Бабка пустила слезу и тут же сноровисто смахнула её кончиком шерстяного платка.

— Я одна не выживу, помру. Да и как я без тебя, Макарушка... — заголосила Агафья.

— Да тише ты! — прикрикнул старик. — Ты что меня раньше времени хоронишь, дура! Я еще на тот свет не собираюсь. Лучше разотри мне спину вчерашним настоем. Вроде полегчало от него накануне.

Жена кивнула и засуетилась, гремя банками.

Ночь была душной, но Макар, тщательно растертый настоем, несмотря на духоту и полчища комаров, с наслаждением растянулся на кушетке и заснул мертвецким сном.

Завтракал он гренками с молоком в одиночестве. Старуха обычно вставала рано и находила себе занятие под радиоеснопения. Деду не нравились современные эстрадные исполнители, и он не раз просил жену не мучить его ни свет, ни заря, однако Агафья стояла на своем. В силу её тугоухости от утренних концертов страдал не только Макар, но и соседи.

И вот теперь под какую-то занудную песню о девушке, которая хотела бы жить на Манхэттене (где это, старик не знал), он жевал гренки и намечал дела на день, еще не предполагая, что его планы будут нарушены совершенно удивительным образом.

— Макар! — на пороге стояла Агафья, пялясь на мужа изумленными глазами.

Дед перестал жевать, а стакан с молоком так и завис над столом. Выглядела бабка, мягко говоря, ошарашенно. Даже если бы она встретила во дворе товарища Сталина, которого чтит до сих пор, то и тогда, наверное, вид у неё был бы менее ошеломленный.

Макар вопросительно кивнул, перевоплотившись в одно большое ухо, и Агафья, громко икнув, вымолвила:

— Там! — старуха, повернула свой картофелевидный нос влево, не сводя выпученных глаз с мужа.

Дед нахмурился и глянул супруге за спину, но ничего не смог разглядеть. Тогда он удивленно вздыбил кустистые брови и развел руками:

— Что, Агафья?

— Там, это... в курятнике... — старуха нервно глотнула и повернулась, призывая мужа следовать за ней.

Не понимая, что происходит, Макар пошел следом за Агафьей, которая не стала входить в курятник, только приняла настороженную стойку, будто бы опасаясь какого-то зверя, притаившегося внутри.

Дед с недоверием посмотрел на супругу, та кивнула: дескать, проходи, сам все увидишь.

Макар привычно вжал голову в плечи и протиснулся внутрь. Загалдели куры, в нос ударил пряный запах помета. Глаза медленно привыкали к темноте — пока, кроме двух плетеных корзин у входа, ничего не было видно.

Он в нерешительности обернулся и вопросительно посмотрел на бабку. Агафья только и смогла вымолвить дрожащим голосом:

— Там, под насестом...

Тогда Макар снова принялся разглядывать внутреннее пространство курятника. Темнота понемногу отступала, и когда он пригнулся, то заметил в углу, посреди охапок скомканного сена, какой-то блеск. Что-то отливало золотом. Забыв про радикулит, дед присел на корточки и, перебирая сушеную траву, нащупал предмет, который лег на ладонь приятной тяжестью. Грубые пальцы старика скользнули по его гладкой поверхности и Макар, нервно моргая, присмотрелся к находке. Даже в полутемном помещении было понятно, что у него в руках золотое яйцо. Когда же он вылез наружу, Агафья уже не смогла сдержать эмоций и принялась причитать, шепча что-то похожее на молитву.

— Цыц, баба! — прикрикнул старик, не в силах оторвать глаз от чудесной находки.

Старуха осеклась, но продолжила молиться, проговаривая слова одними губами.

— Что же это, Макарушка, золото? — вставила она в религиозный речитатив естественный вопрос.

— Похоже, — прошептал Макар, сдувая с предмета прилипшие травинки.

— И что же теперь с нами будет?

— Ничего не будет. Как жили, так и жить будем, — поставил дед старуху на место. — Что ты все причитаешь, дура?

Найти — не потерять!

— Так ведь ЗО-ЛО-ТО! — снова перешла на шепот Агафья.

— Ну и что с того? У тебя вон — и кольцо, и сережки золотые, что ж ты не голосишь?

— Так то сережки, а тут... это... яйцо.

— Ну, яйцо, — Макар потер гладкую поверхность предмета и понюхал. — Может еще и не золотое — так, окрашенное.

— Так не пасха же нынче, чтобы яйца красить, — удивилась бабка.

— Дура! Наверное, пошутил кто, — дед подкинул на ладони блестящий эллипсоид и, качнув головой, отметил: — Хотя тяжеленное!

Макар ловко снял с Агафьи очки в толстой роговой оправе, поднес их к глазам на манер бинокля и стал крутить головой по сторонам, надеясь заметить кого-нибудь из шутников. Но никого постороннего вокруг не оказалось, да и быть не могло.

— Та-а-ак, — деловито протянул старик, потом строго скомандовал: — Пойдем в дом, там все обмозгуем.

Макар направился в хату, крепко сжимая в руке находку. Агафья семенила следом, в такт шагам проговаривая слова какой-то молитвы.

Макар решительным движением руки отодвинул в сторону тарелку с надкушенной гренкой и на её место положил золотое яйцо. Сел на табурет и стал пристально всматриваться в слиток, периодически покручивая и поскрабливая его черным ногтем большого пальца. Агафья присела рядом, она хмурила брови, искоса поглядывая на находку.

Макар завершил визуальную экспертизу глубоким вздохом, — кажись, золото! Это окончательно ввергло Агафью в панический ужас.

С десяток раз перепрятав яйцо по всей хате, супруги направились обратно в курятник — проводить расследование. Однако ничего существенного выяснить не удалось, зато две насмерть перепуганные суетой квочки, по видимому, теперь потеряли способность нестись в принципе.

Намаявшись, старики выползли из сарая, кряхтя, разминая затекшие поясницы и отплеываясь от прилипшего к губам сена.

— Ничего, — в задумчивости произнес Макар.

— Откуда оно взялось-то? — раздосадованно отозвалась Агафья, все еще настороженно всматриваясь во тьму курятника.

— А хрен его знает! Утром еще посмотрим.

Старуха округлила и без того увеличенные толстыми линзами очков глаза:

— Ты, что же это, считаешь, такое наша Ряба снесла?

Макар в растерянности пожал плечами:

— Ну откуда ему еще взяться-то? Или ты думаешь, у нас в курятнике золотая жила?

Выражение лица Агафьи стало совсем придурковатым.

— Это, что ж, получается, — она почесала в затылке, — мы с тобой, как в той сказке, что ли?

— Получается...

Дед спохватился:

— Давай так, ты тут пока яйцо сторожи, а я пойду к Лехе, поинтересуюсь, поспрашиваю. Он парень головастый и мужик честный, может чего и подскажет.

Супруга засуетилась:

— Только, Макарушка, смотри, лишнего не сболтни. Честный он, может, и честный, а ведь, знаешь, золото и не таких с ума сводило.

— Ладно, — отмахнулся дед. — Не учи ученого...

Целый день обескураженный удивительной находкой Макар не находил себе места, к вечеру все-таки направился к дому фермера.

Легкий летний ветерок доносил с полей пряные запахи разнотравья. Жара спала, а мысли о золотом яйце разливались в сознании сладкой патокой. Даже в животе приятно заурчало, когда Макар принялся размышлять о происшествии, сулившем немалую выгоду. Подумал о том, как поправит хату, починит, наконец, мотоцикл, дочке поможет деньгами... большего от жизни не требовалось.

Красная черепичная крыша большого двухэтажного сруба виднелась из-за высокого бревенчатого забора.

Когда старик постучал по гладко отесанным доскам калитки, во дворе нехотя залаяла собака

— Конгресс, Конгресс!!! Тише, милоч, — крикнул Макар, и пес, перестав лаять, радостно пискнул.

— Хозяин дома?! — прокричал старик, точно обращаясь к собаке.

Из-за забора послышалось приветливое гавканье.

Власть наговорившись с псом, дед понял, что фермера дома нет и, прищурившись, глянул на солнце. Часы свои он давно поместил в хрустальную конфетницу, по причине окончательной остановки механизма, и с тех пор определял время исключительно по приметам.

— Часиков восемь уже, поди. Стало быть, скоро жинка его возвратится из города. Можно обождать, — и дед, крикнув, присел на удобную широкую лавочку рядом с калиткой.

Прождав минут двадцать, он поднялся и стал ходить вдоль забора — находка не давала покоя. Макар не мог заставить себя сидеть, сложа руки, к тому же ему смертельно надоело изображать часового. Надеясь застать Леху за работой, он спешными шагами направился в поле, туда, где был утром с тележкой.

Когда старик оказался среди пшеничных волн, подгоняемых игривым ветерком — здесь, на открытом пространстве, он был заметно сильнее, — то вдалеке, в аккурат на том самом месте, где и находились загадочные круги, он и заметил фермерский старенький комбайн.

Обрадовавшись и мысленно похвалив себя за находчивость, Макар быстро зашагал к машине. Пшеничные колосья приятно щекотали натруженные ладони, в стороны с шорохом разбегалась всякая полевая живность.

Не дойдя до комбайна десяти шагов, старик сбавил темп, а затем и вовсе остановился. В кабине было пусто, хотя Макар хорошо знал, что Алексей среди поля свою технику никогда не бросает.

Дед снял шерстяную фуражку и вытер ею испарину на загорелом лице. Отсутствие фермера ему показалось более чем странным.

Не приближаясь к машине, он медленно прошелся вокруг неё. Никого рядом с техникой не оказалось. Макар подумал, что, возможно, комбайнеру стало плохо, и он где-то недалеко, в лесополосе, естественным способом пытается привести себя в норму. Он даже встал на носки и глянул в сторону пирамидальных тополей у дороги, но никого не увидел. Вдруг ему в голову пришла странная догадка. От нее ему даже стало как-то не по себе. Он подсобрался, затаил дыхание и заставил себя посмотреть на комбайн. Затем еще пару раз обошел машину и застыл как вкопанный. Макар не знал, что и думать, — комбайн стоял точно в центре таинственного круга утрамбованной пшеницы. Никаких следов, ведущих к площадке, не наблюдалось. То есть создавалось полное ощущение, что технику сюда поставили откуда-то сверху. В противном случае, по полю должна была тянуться хотя бы колея от массивных колес.

Занятый разгадкой непонятной головоломки, старик не сразу услышал шорох травы за спиной. Когда оглянулся, его уже приветствовал мужчина в мешковатом потрепанном пиджаке.

— Здорово Семен! — ответил Макар, протягивая руку.

— А я смотрю, ты или не ты! — улыбнулся мужик, обнажив блестящие стальные зубы.

— Я, — мрачно ответил старик. — Ты что здесь делаешь?

— Ну, так это... я с работы... вот... — он указал взглядом на толстую сумку, закрепленную на багажнике старого велосипеда. — Алексею тут извещеньице: думал по дороге завести, да комбайн заприметил.

— Я тоже заприметил, — хмуро покосился на машину Макар.

— Так, а чё? — почтальон переводил взгляд с комбайна на деда и обратно. — Где Алексей-то?

— А что ты у меня об этом спрашиваешь? Откуда мне знать?

— Так, комбайн вроде его, — удивился Семен.

— Его.

— Ну, так... а сам он где?

— Ты что, Сеня, не понимаешь? Откуда мне знать? Я сам его разыскиваю целый вечер!

Теперь пришла очередь удивляться почтальону.

— Ничего не понимаю, — пожал он плечами. — Может, случилось что?

Макар потер колючий подбородок:

— Может и случилось.

— Так, может, милицию... того...

Старик ответил не сразу, он все еще размышлял, не являются ли эти два случая: пустой комбайн и утренняя находка — звеньями одной цепи. Уж больно внезапно и в одно и то же время все это произошло.

— Нет, милицию не надо! — уверенно отрезал Макар и спохватился: — Подожди, у тебя телефон с собой?

— Точно! — шлепнул себя по лбу Семен. — Сейчас позвоним Алексею, у меня и номерок его тут... где-то...

Почтальон выудил из оттопыренного кармана пиджака старенький мобильник и, щурясь, принялся разыскивать нужный номер.

— Ага, вот! — обрадовался он и вдавил клавишу вызова.

Дед терпеливо ждал, продолжая раздумывать о сути произошедших событий.

— Что-то не соединяется, сигнала нет... странно... — пожал плечами Семен и принялся носиться по полю, размахивая телефоном, словно флагом.

Удалившись в сторону шагов на тридцать, радостно прокричал:

— Есть контакт!

Макар подошел к владельцу мобильного как раз в тот момент, как он добился большего.

— Алексей! — задорно начал Семен и, заикаясь, продолжил: — Хм-м... мы тут на поле... у вас... рядом с вашим комбайном. Ну... я и дед Макар... а вас нет.

«Глупая фраза какая-то получилась, — подумал старик. — Можно подумать, что Леха обязательно должен быть вместе с нами. Должен!!! А тут на тебе — нет».

Семен хмурил брови, вдавливая телефон в ушную раковину.

— Нет, на вашем поле... Ваш комбайн, — с расстановкой повторил почтальон. Послушал, потом с недоумением посмотрел на Макара и, зажав нижнюю часть трубы ладонью, шепотом произнес:

— Он говорит, что его комбайн в ангаре... сломан...

— Дай-ка мне, — потянулся к телефонной трубке второй собеседник.

— Леша, это дед Макар, — старик облизнул пересохшие губы. — Тут рядом с нами твой комбайн! Что?.. Нет, точно тебе говорю! И кабина зеленая, и обручи на колесах... да что, я твоей техники не знаю, что ли?! — обиженно воскликнул Макар. — Ну, как не может быть? — старик отвел свободную руку, пожимая плечами. — Да вот те крест! — и дед размашисто перекрестился, как будто фермер мог это увидеть. — Хорошо... так... да здесь мы... да... подождем...

Макар протянул Семену мобильник, тускло мигнувший на прощание мутным зеленым светом.

— Сейчас приедет! — старик замахал кулаками. — Злой!!!

Когда он повернулся к комбайну, того на поле уже не было.

Они молча таращили глаза на пустое место, пока их не потревожил звук подъезжающего автомобиля. Макар очнулся первым.

— Приехал! Что теперь ему скажем?

— А что скажем... так был же комбайн, то и скажем, — попытался оправдаться Семен.

— Дурак! Он по телефону не поверил, а ты хочешь, чтобы сейчас здесь поверил в присутствии отсутствия... тьфу ты! — старик утер губы рукавом и направился встречать фермера.

— Пойдем, чего встал! — крикнул он на ходу.

Алексей вылез из машины, подтягивая спадающие с огромного живота спортивные штаны. Размениваться на приветствия прибывший не стал.

— Слушайте мужики, мне тут шутки шутить некогда, я полтора часа задницу парил — из города запчасти вез. Приехал домой, только под душ собрался, а тут вы! — он решительно надвинулся на прижухлых мужичков. — Где комбайн?!!

Семен серьезно струхнул, но отступить было некуда.

— Тут... это... Леш, такое дело... пока мы с тобой по телефону говорили, он... это... того... исчез!

— Как это исчез?!! — Леха даже не знал, как реагировать на выходку старых хулиганов.

— Стоп! Мужики, вы же меня уговорили приехать, дабы я мог самостоятельно убедиться в каком-то фантастическом факте наличия на моем поле комбайна-двойника! — он всмотрелся в их лица, сощурился. — А теперь вы мне трете про какое-то там исчезновение!

— Алексей... — начал было Макар.

— Подожди, подожди, — остановил его фермер. — Кажется, я догадался... вы же пьяные в стельку, так?

Леха продолжил их разглядывать, но теперь еще и приносиваясь.

— Я двадцать лет как не пью, ты знаешь, — обиженно пробурчал Макар.

— Хм... запаха нет, — фермер пожал плечами. — А может, вы того... обкурились, а... старички? — и Алексей проиллюстрировал свой вопрос, скорчив дурашливую гримасу.

— Леша, — немного придя в себя, почтальон предпринял вторую попытку оправдаться. — Поверь, мы действительно видели здесь твой комбайн. Ну не могла же у нас обоих возникнуть одна и та же галлюцинация! Даже если бы мы обкурились...

— Так... мужички, я не знаю, что у вас тут происходит, и почему вы выбрали именно такой способ повеселиться, но я, как человек обстоятельный, перед тем как сюда приехать к себе в ангар заглянул — машина стоит там, причем разобрана!

С этими словами он выпятил нижнюю челюсть и пузо в подтверждение весомости аргументов.

— Так что вывести комбайн в поле никто бы не смог при всем желании.

Он резко развернулся и направился обратно к машине, но внезапно остановился, обернулся и прокричал:

— И за такие-то шалости я бы вам морду начистил, если бы вы мне в отцы не годились! — Негодующе покачал головой, и через минуту автомобиль унес его по направлению к дому.

— Ладно, пойдем, — сказал Макар, двинувшись в обратном направлении. Почтальон засеменил следом, позвякивая велосипедом.

У калитки Макар столкнулся с Агафьей, она снова встретила его шальными глазами и причитаниями. Дед даже подумал, что понемногу начинает привыкать к страданиям дражайшей.

— Макарушка, пошли скорей, — простонала старуха и побежала в хату.

Старик последовал за ней и, войдя, застал Агафью за столом, на котором в мерцающем свете лампы поблескивали уже три золотых яйца.

— Мда-а-а... — протянул Макар, медленно опускаясь на сундук в сенях.

— Что будем делать? — спросила окончательно сбита с толку Агафья.

Макар пожевал губами и неожиданно для себя вымолвил:

— Утро вечера мудренее, — и, помолчав немного, кивнул на яйца: — Спрячь!

Старуха осторожно сгребла драгоценности в подол и понесла в тайник, который, судя по всему, устроила в сенях. Но на полпути остановилась:

— Да, Макар, тут еще вот что... куры наши, несучки...

— Что с ними? — встрепенулся дед.

— Да нет, все нормально, — поспешила она успокоить мужа. — Только вот, клювы у них и когти... — Агафья нервно сглотнула.

— Ну! — в нетерпении подгонял бабку старик.

— Тепереча тоже из золота... — растеряно закончила старуха.

Макар обхватил голову руками, не зная, что сказать. Потом поднял тяжелый взгляд, и обреченно произнес:

— Ладно, завтра разберемся. Иди спать.

Он долго не мог уснуть — все ворочался в жаркой постели. В голову лезли яйца, куры, комбайны... все это плясало в безумном хороводе, не поддаваясь какому бы то ни было объяснению. Сейчас старик впервые пожалел о том, что они с бабкой не живут вместе с детьми. Когда те звали их к себе в город, он уперся и ни в какую не захотел бросать хозяйство. А теперь-то, собственно, и хозяйства уже никакого нет, да и состарились супруги как-то слишком быстро...

Про себя Макар решил, что утром повезет золото в город, и покажет дочери Нинке, которая была замужем за юристом — человеком образованным. Может чего и подскажет.

Распланировав завтрашний день, старик начал было засыпать, но тут его потревожил какой-то шорох, донесшийся со двора. Он прислушался, но кроме мерного посапывания Агафьи ничего не расслышал.

— Мне бы такие нервы, — завистливо прошептал Макар, натягивая штаны.

Выйдя во двор, хозяин никого не обнаружил. В свете полной луны иголки можно было собирать.

Макар прошелся по двору, пристально всматриваясь во все темные углы, подергал калитку и, убедившись, что она на замке, ретировался обратно в хату. Однако не успел лечь, как во дворе снова завозились. Тогда он еще раз покинул жилище и повторил маршрут, но на этот раз остановился в центре двора, прислушался. Почти сразу же уловил шорох, доносящийся из курятника. Макар подошел ближе. Точно: в сарае кто-то был, но почему-то птицы не подняли шума, а только тихо кудахтали. Старик сделал еще пару шагов к курятнику и замер. Он не сразу сообразил, что именно его отвлекло от намерения войти внутрь, а когда глянул в сторону, то опешил — за околицей на выгоне бесформенной черной глыбой возвышался знакомый Лехин комбайн.

Макар стоял как вкопанный, отказываясь верить собственным глазам. Да и как тут поверишь, когда еще пару минут назад ничего такого тут и в помине не было, а теперь, вот — полюбуйтесь. К тому же заехать сюда, к домам, было невозможно — во всяком случае вот так, бесшумно. Одним словом, мистика какая-то.

Не отрывая глаз от машины-призрака, старик медленно перекрестился, где-то в глубине души ожидая, что сей же момент вся эта чертовщина исчезнет, захватив с собой и проклятые золотые яйца. Но, сколько бы он ни моргал и не тряс головой, ничего не происходило. Комбайн по-прежнему возвышался за покосившимся забором, а со стороны курятника доносился непонятный шорох.

— Точно! — вспомнил Макар. — Курятник!

Он совсем забыл про то, зачем вышел. Хотя и немудрено — такое явление среди ночи!

Макар на всякий случай энергично помотал головой, как бы призывая мозг пробудиться, и в очередной раз убедился в тщетности своих жалких попыток. Тогда он опять направился к сараю, и в этот момент в глаза ему ударил яркий свет. Он зажмурился, прикрываясь ладонями, но увернуться от луча так и не смог. Макар оказался освещен весь, как это бывает на арене цирка, когда актер попадает в световой круг прожектора. Причем было совершенно непонятно, откуда конкретно бьет свет. Возникло странное ощущение, что он льется отовсюду и концентрируется на человеке.

Все произошло так неожиданно, что старику даже не пришлось в голову возмутиться. Он продолжал прикрывать глаза, стараясь разглядеть хоть что-нибудь.

Сперва он ослеп, но постепенно глаза стали привыкать к яркому свету, а возможно лучи стали понемногу слабеть, дед уже мог различить кое-какие предметы перед собой.

— Кто тут безобразничает?! — как можно строже крикнул Макар. — А ну, выключите свет сейчас же!

Как ни странно, старика послушали. Иллюминация хотя и не прекратилась совсем, но ослабла до яркости шестидесятиватной лампы, и, самое главное, теперь свет не бил в глаза, а шел куда-то вверх. Стало даже уютно от теплого мягкого свечения.

Но Макар решил не терять инициативу, и раз и навсегда выяснить, что за чертовщина происходит с ним в последнее время.

— Кто вы? И что вообще здесь творится?

Ему никто не ответил.

— Сейчас милицию вызову! — пригрозил дед как можно убедительнее.

Опять ничего не произошло, хотя шорох в курятнике стих и сразу же голову пронзила резкая боль, затошнило, старик сжал виски, едва не потерял сознание, но на ногах устоял. Рассудок медленно погружался в густой и совершенно непроницаемый туман. Мысли ворочались тяжело, как гири, громоздились одна на другую, рассыпаясь на несвязные фрагменты, выпадая из смысловых конструкций и отрываясь от реальности. Захотелось спать. Макар яростно протер кулаками слипающиеся глаза.

— Что это здесь... про...ис...хо...дит? — зевнул он.

Вдруг со стороны сарая показался аморфный силуэт. Старик приложил массу усилий, пытаясь сосредоточиться на новом объекте, тот стал как будто контрастнее, выразительнее. Существо приближалось, и с каждым его шагом головная боль отступала.

Через мгновение Макар чувствовал себя уже вполне сносно, но спать все равно хотелось. Хотя уснуть теперь было невозможно — перед ним стояло удивительное создание: оно походило на зверька метрового роста, с приплюснутой удлинённой головой, выдающимся розовым носом, двумя торчащими зубами и усиками-лесками по обеим сторонам мордочки. Голова плавно переходила в туловище, которое сплошь было покрыто серым мехом. Невиданный зверь стоял на задних голых лапах и тянул вперед такие же точно розовые конечности — то ли лапки, то ли ручки — разобрать было сложно. Но самое поразительное — у него были просвечивающие насквозь уши, а по земле волочился длинный, лишенный шерсти хвост. Одним словом, в существе несложно было признать мышшь-переростка.

Макар, стоявший с открытым ртом, был столь ошарашен появлением странного создания, что не сразу заметил, как оно протянуло ему какой-то предмет.

Когда же опустил взгляд, то увидел, как на покрытой редкими седыми волосками лапе, балансирует золотое яйцо.

Старик удивленно уставился на знакомый предмет. Потом в голове мелькнула неприятная догадка о том, что его просто-напросто грабят. Он уже было настроился дать отпор, как забивший голову туман окончательно рассеялся. Макар мгновенно приобрел острую ясность мысли, которая была у него когда-то очень давно, еще в молодости. Похоже, ему прочистили мозги, да так, что ему стали доступны детали совершенно чуждых понятий. Причем, ощущение свободы мыслей нарастало. Забавы ради Макар решил проверить свои спонтанно возникшие способности и 365 помножил на 848. Он даже не понял как, но в сознании мгновенно возникла цифра 309520! Стремительность получения результата ужасала. Однако внезапно возникла мысль о том, что ничего странного здесь нет, и это вполне естественно.

Макар хотел было провести еще один вычислительный эксперимент, но гигантская мышшь, протянув к нему вторую лапу, плавно очертила ею в воздухе круг, и старик ощутил, как в его сознании проступили новые, но понятные смыслы и образы. Теперь ему стало очевидно, что его просто-напросто настраивали для беседы.

Существо пристально смотрело на старика глазами, похожими на крупные сливы, и по-прежнему протягивало яйцо.

— Посмотри, — прозвучало у Макара в голове.

Он снова взглянул на предмет и пожал плечами:

— Уже видел, — ответил так же, телепатически.

— Где? — спросил грызун. Его слова разливались в сознании старика непринужденно и естественно.

Макар кивнул в сторону хаты:

— Там!

И сразу же добавил:

— А вы кто собственно будете?

Существо немного помолчало, продолжая пристально смотреть деду в глаза. Затем поступил ответ:

— Ибингусы.

— Зачем вы здесь?

Макару нравился такой способ общения. Он увлекал и не требовал мысленной концентрации для построения фраз и предложений. Информация передавалась сама собой. С восприятием проблем не было, смысл сказанного уяснялся мгновенно.

— Мы патруль, — прозвучал ответ пришельца.

— Патруль? А кого патрулируете?

— Вас.

— Меня? — удивился Макар.

— Человечество.

— Ну-у... так это... — забеспокоился старик, — а зачем?

Грызун повернулся в сторону комбайна, и Макар проследил его взгляд.

Сначала ничего не происходило, но потом техника вдруг вся засветилась радужным светом, её очертания замерцали, стали нечеткими, и через мгновение комбайн начал плавиться как парафиновая свечка. Он превратил-

ся в вязкую массу, которая неровными потоками стала стекать вниз. Старик округлил глаза. Аморфная масса принялась густеть и застывать, приобретая совершенно иную форму. При этом весь процесс трансформации материи проходил без единого звука, в лицо лишь пахло сильным жаром. Тут же сама собой сформировалась мысль: «Мощный выброс энергии происходит в связи с переходом одного вида частиц в другой посредством...».

Макар замотал головой, пытаясь вытряхнуть из себя всю эту научную чушь, непонятно откуда взявшуюся у него в мозгу. Когда же он снова взглянул на комбайн, то на его месте уже стоял приплюснутый серебряный шар примерно тех же размеров. К нему и направлялся пришелец.

Подойдя к диовинному аппарату, он дотронулся до его корпуса, открылся небольшой люк, откуда выехала капсула, похожая на коробку из-под обуви.

Макар про себя отметил, что, несмотря на свои минус восемь, он отчетливо видит детали конструкции. Зрение было абсолютным. Впрочем, теперь он мало чему удивлялся.

Существо повернулось к деду и призывно махнуло рукой. Макар не раздумывая принял приглашение. Он ловко перепрыгнул через плетеный забор (последний раз он так скакал полвека назад) и подошел к неведомому объекту. Проходя мимо грызуна, он заметил, как тот аккуратно кладет яйцо в капсулу, и та с жужжанием исчезает внутри шара. Как только золото исчезло, сфера вновь засияла ослепительным радужным пламенем, а сбоку наметился темный провал, видимо вход. Макар замер. Внезапно он почувствовал легкое прикосновение к руке, мышьяк потянула его за собой. Старик испытывал какое-то непонятное чувство доверия к этому незнакомому мохнатому существу. Они вместе прошли сквозь радужную завесу входа. В этот момент Макар испытал легкое покалывание — миллионы иголок прощупали его тело, а волосы на голове встали дыбом, как бывает от статического электричества.

Внутри сфера также переливалась радужным сиянием, только яркости заметно поубавилось, словно старик надел солнцезащитные очки. Макар осмотрелся: стены были изрезаны глубокими ложбинками, а над головой нависали неровные своды, так что ему пришлось сильно пригнуться, чтобы следовать за проводником. Но, как и в случае со зрением, старик почувствовал, насколько сильно изменилось его физическое состояние — о радикулите теперь можно было забыть.

Инопланетянин продолжал вести деда за руку, время от времени поглядывая в его сторону. Протиснувшись в очередную дыру, они оказались в широком помещении. Вообще внутренняя архитектура вместилища очень походила на мышиные норы, так что по крайней мере в этом не возникало никакого логического несоответствия.

Грызун оставил Макара перед ровной стеной четкой очерченной прямоугольной формы, а сам отошел в сторону. В его лапах откуда-то возник небольшой мерцающий кубик, он тут же принялся ловко его вращать, нажимая на грани, которые отзывались тусклым свечением.

— Смотри, — всплыло в сознании старика, и в тот же миг перед глазами замелькали яркие образы и картинки. Они складывались в осмысленный видеоряд. Одни клипы были со звуком, другие мелькали в тишине, но все они были подчинены одной тематике — насилию! Смотреть было неприятно. Здесь были сцены убийств, пыток, зверств милитаристских режимов, разгоны пикетов, сцены казни на электрическом стуле, вивисекция... Макар посмотрел на пришельца. Зверек внимательно следил за его реакцией.

— Хватит, — удрученно произнес старик.

— Теперь ты видишь?

— Я это и без вас знал, — Макар тяжело вздохнул, и развел руками. — Только причем тут я, все мы?

— Ты часть своего мира, — монотонно отвечало существо.

— Да я и мухи за всю жизнь не обидел, — нервно парировал дед. — А на фронте... — так, война же была... — он осекся и потупил взгляд.

Он глянул исподлобья на собеседника и тихо произнес:

— Правда, немцы — они ведь тоже...

— И тогда, и теперь, — разобрал сообщение Макар, увидев новую картинку, он узнал себя, уклоняющегося от замаха разгневанного водителя. Сейчас ему было стыдно за этого человека.

— Я понял, — тихо проговорил старик. — Но вы-то зачем здесь?

— Мы не допустим вашего падения.

Макар усмехнулся. Несмотря на все чудеса, было очень странно слышать такое от мыши.

Он не заметил, как перешел на обычное голосовое общение:

— Возможно, вы многое можете, — он улыбнулся и цокнул языком, — но что в ваших силах здесь и сейчас? Это ведь наш мир.

— Вы почти утратили его. Необходима коррекция.

— Это что, теперь мы станем подопытными?... — Макар чуть не сказал «мышами», но вовремя остановился. «Получилось бы неудобно», — подумал он.

— Нет, не будет никаких опытов. Вас просто вернут на путь созидания и веры.

— Это невозможно. К вере каждый приходит сам.

— Так и будет.

— Тогда приступайте.

— Патруль не занимается коррекцией. Это функция возложена на других.

Макар хмыкнул:

— И где они — другие?

— Они ждут моего возвращения.

Старик пожал плечами:

— Так в чем же дело?

— Мы не в состоянии покинуть вашу планету и вернуться домой.

— Вы потерпели катастрофу? — предположил Макар. — Где ваш дом?

— Нет, корабль в полном порядке. Отсутствует топливо, — и, сделав паузу, грызун уточнил ответ на другой, заданный ранее вопрос: — Мы соседи. Наш мир в созвездии Большого пса.

«Ну да, не ката же!» — Подумал Макар.

— Значит, теперь вы заложники нашей планеты, — человек вздохнул. — Что за топливо вам необходимо?

— 79-е.

— Это что еще за ерунда? — не понял Макар.

— Вы называете его аурумом или золотом, — объяснил грызун, — я тебе показывал.

— Помню, — кивнул старик. — У нас на планете много золота. У каждого обязательно найдется какая-то золотая безделушка.

— Нам это известно.

— Так в чем проблема?

— Этот металл представляет для вас большую ценность, мы не можем отнять его у вас, — пришелец выдержал паузу. — Только получить в дар.

Макар пожал плечами и задумался.

То, что на первый взгляд выглядело очевидным, теперь таковым не казалось.

— А вы просили? — с сомнением произнес он, предвидя ответ.

— Не раз. Мы обращались ко многим землянам с просьбой о предоставлении нам топлива. И всегда получали отказ.

— Может быть, у них не было необходимого количества?

— Отнюдь. Некоторые обладали большим запасом аурума.

— Тогда, возможно, они не понимали, для каких целей вам нужно золото? — Макар хватался за соломинку — ему очень не хотелось, чтобы у этих симпатичных существ складывалось неприятное впечатление о людях.

«Хотя... — подумал он, — какое, к черту, впечатление, когда они так хорошо осведомлены о жизни на земле?»

— Мы говорили, металл нужен для того, чтобы позвать на помощь. Планету необходимо спасти!

Старик мрачно смотрел в черные блестящие глаза представителя неведомой расы ибингусов и молчал.

Тогда тот продолжил:

— Когда нам отказывали, мы уходили.

— Почему до сих пор неизвестно о вашем присутствии на земле?

— Стерилизация кластеров памяти.

— Это не гуманно.

— От этого зависит наша безопасность. Мы стирали только сегменты, содержащие информацию о нас. Эта операция безопасна.

Макар приосанился и с вызовом посмотрел на своего собеседника:

— Мне тоже устройте стерилизацию?

Мышь моргнула, и кубик в её лапках дрогнул и снова засветился. На стене снова проступили образы. Изображение заставило старика отвернуться. Прикрывая глаза руками, он крикнул:

— Хватит меня зомбировать!

И тут же получил сообщение мохнатого пришельца:

— Смотри.

Когда Макар взглянул, то увидел совсем не то, что ожидал.

На экране светились кадры иного свойства: леса, поля, реки, озера... Макар увидел море, и в памяти всплыл образ рыжеволосого мальчугана, который целый день сигал со скалистого выступа в соленую воду, а вечером мама мазала сметаной румяную от южного солнца спину и целовала в лоб. Нежный холод остужал кожу, и мальчик, убаюканный мерным стрекотанием цикад, засыпал с мечтами о завтрашнем дне.

Макар оторвался от видеоряда и протер глаза крупным жилистым кулаком, затем пристально посмотрел на пришельца.

— Что ты хочешь мне этим сказать?

Мышь отложила кубик и направилась к выходу.

— Постой! — Макар пошел следом. — Ты мне не ответил.

Пришелец не обернулся, но в сознании старика всплыли слова:

— А ты сам не понял еще?

Макар развел руки и повысил голос:

— Что я должен был понять?

Грызун остановился и повернул мордочку к человеку.

— Люди хотят личного счастья, не обращая внимания на остальных. Но счастлив каждый может быть лишь тогда, когда счастливы все! — Он оглянулся на экран, на котором стоп-кадром зафиксировалось радостное лицо рыжего мальчугана в соленых брызгах морской пены.

— Ты был счастлив, остальные тоже имеют на это право.

— Да я-то тут причем? — вздыбил седые брови Макар. — Что я могу, один!

— Каждый может, — подытожил инопланетянин и продолжил путь на выход.

Старик догнал его и поплелся следом.

— А как вы меня нашли?

— По химическому следу аурума.

— И остальных так же находили?

— И остальных.

Они подошли к светящейся стене, и мышшь взмахом руки, во всяком случае так показалось Макару, отворила проход в светящемся мареве обшивки. Они вышли наружу. Теплая ночь озарялась большой луной, пели сверчки, где-то далеко за протокой отрывисто лаяла собака.

Макар перелез через ограду и оглянулся. Рядом с мерцающим серебряным шаром стояла мышшь. Она смотрела ему вслед, забавно теребя в лапках кончик хвоста.

— Я сейчас, — крикнул Макар и побежал в хату.

Он устроил переполох, копаясь в поисках золотых яиц. На голову упала корзинка с луком, полетела вниз и разбилась какая-то банка, со звоном свалился подвешенный к стене старый велосипед...

— Макарушка, ты что тут творишь, родимый? — послышался из-за спины голос Агафьи.

Старик не поворачиваясь крикнул:

— Где яйца?

— Там, в коробке с порошком... стиральным, — бабка только сейчас поняла, что её дед ищет золото среди ночи.

— А зачем тебе?

— Потом, Агаша! — отрывисто бросил Макар, вынимая находку из коробки.

Зажав в руках яйца, он бросился во двор, боясь не застать пришельца, но когда выбежал, то вздохнул с облегчением.

Сфера по-прежнему находилась на месте, а ибингус стоял рядом.

Перепрыгнув ограду, Макар подбежал к грызуну и, шумно переводя дух, протянул тому золото.

— Вот! Возьми.

Пришелец подставил лапки, и яйца, глухо звякнув, переместились к нему.

— Ты отдаешь мне добровольно?

— Отдаю! Сам видишь.

Макар вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб и кивнул:

— Только знаешь что, память мне не стирай, ладно?

— В этом нет необходимости, — немного помолчав, пришелец добавил: — Вы спасли человечество.

— Мы? — удивился старик и оглянулся.

В дверном проеме стояла Агафья и пялилась на них шальными глазами.

— Ну вот, — подумал Макар и почесал в затылке. — Теперь столько всего объяснять придется.

Когда он повернулся, ни серебряного шара, ни мыши, ни даже комбайна уже не было.

Эпилог

Макар держал в руках свежий номер районной газеты. На первой полосе была фотография улыбающегося Лехи, а заголовок гласил: «ФЕРМЕР РАСШИФРОВАЛ КРУГИ НА СВОЕМ ПОЛЕ». Ниже сообщалось, что фермер Алексей Кутиков вчера обнаружил на своем поле новые круги, совершенно не похожие на предыдущие, и, расшифровав их, понял, что послание адресовано именно ему. На основании чего принял решение последовать совету пришельцев и в корне изменить профиль своего хозяйства. В интервью газете он заявлял, что начинает строить птицефабрику.

Далее был размещен снимок новых узоров с высоты птичьего полета. И хоть четкость снимка оставляла желать лучшего, тем не менее разобрать узор было не трудно.

Макар улыбнулся — на поле были изображены три яйца.

БОЛЬШОЙ УЛОВ

Нет ничего лучше рыбалки в ясную тихую погоду на берегу любимой реки. Солнышко припекает, слабый ветерок гонит волнистую рябь по воде, а душа ликует при одной только мысли, что поплавок утопит какая-нибудь большая рыбина, которой не стыдно будет похвалиться перед друзьями.

К сожалению, на берегу Чумки мне редко везет. Хотя и клюет постоянно, но всякая мелочь. Несмотря на многообещающие заверения жителей ближайшей деревни, рассказывающих о гигантских лещах и огромных щуках, обитающих в речке, я все-таки продолжаю скептически относиться к подобным байкам. Но каждый день встаю с первыми петухами, беру телескопическую удочку, старый спиннинг и отправляюсь на берег — ловить удачу за жабры.

Жизнь в деревне Чумилово идет своим чередом. Многие называют наш поселок редкостной глухоманью и настоящим болотом, но на самом деле это не так. Здесь каждый занят своим делом и зарабатывает на жизнь, как может. Кто-то доит коров и продает на рынке молоко, кто-то живет огородом, разводит кур и гусей. Половина жителей деревни работает в колхозе, который в недалеком прошлом назывался «Ударником». Теперь по личной инициативе председателя, однажды признавшегося, что любит читать на досуге фантастические романы, его переименовали в «Млечный Путь». Мы как-то разговорились на тему освоения космоса, и председатель сказал, что недалек день, когда человек найдет дорогу в другие миры. Международная орбитальная станция — это только первый кирпичик в фундаменте космической экспансии человечества. По его мнению, мы медленно запрягаем, но зато потом полетим очень быстро туда, куда захотим.

Мужик он с виду добрый, умный. Думаю, верить ему можно.

Если уж говорить по правде, то в деревне меня считают бездельником и разгильдяем. И я не один такой, по мнению большинства. Самая плохая репутация в Чумилове у моего друга — Степана Василецкого. Он злоупотребляет выпивкой и постоянно выкидывает что-нибудь эдакое, отчего у чумиловцев время от времени возникает желание связать его и вызвать милицию. Честно говоря, именно этим мне Степка и нравится. С ним не соскучишься.

День быстро подошел к концу. Наблюдая за дрейфующим поплавком, я задремал, а проснулся только тогда, когда начало смеркаться и на небе появились первые звезды. Я быстро собрал рыбацкие снасти, накинул на плечи телогрейку и неторопливо зашагал по тропинке домой. От Чумки до Чумилова топтать недолго. Всего двадцать минут. И это время, как правило, у меня проходит в глубоких раздумьях о тяготах завтрашнего дня. Вообще-то я не такой уж и бездельник, каким меня считают. Могу дрова поколоть, прополоть грядки, помочь со скотиной, даже крышу залатать, но все при желании. Только оно у меня возникает не так часто, а лишь когда жизнь прижмет к стенке. Тогда хочешь не хочешь, а работать приходится.

В какой-то момент я отвлекся от мыслей и остановился. Подумал, что-то забыл на берегу. Оглянулся назад в сторону Чумки, посмотрел на небо и замер. Над лесом, огибающим берег реки, бесшумно парила летающая тарелка. На вид не больше пяти метров в диаметре. Судя по траектории полета, НЛО собиралось приземлиться где-то в лесу.

Я бросил вещи и со спринтерской скоростью побежал в Чумилово: первым делом надо добраться до дома Василецкого, рассказать о тарелке и срочно решить, что же делать. Я не зря полагался на друга. Степан, несмотря на пристрастие к алкоголю, умел адекватно подходить к проблемам и искать правильные решения.

До дома Василецкого добежал минут за десять и в который раз порадовался тому, что Степа живет ближе всех к реке. Остро сказывалось отсутствие спортивных навыков. Чтобы немного отдышаться, я остановился у ограды и посмотрел на старый бревенчатый сруб, который достался другу в наследство от бабки. В доме горел свет.

Я прошел через калитку, поднялся на крыльцо и толкнул дверь рукой. Стучаться к Степану не обязательно, тем более мне. У него всегда открыто. Как-то раз на мой вопрос, почему дом не запирается хотя бы на ночь, хозяин засмеялся и сказал, что красть у него нечего, да и в гости редко кто заходит.

Дверь открылась со страшным скрипом. Прямо передо мной — слабо освещенный коридор. На полу — мятый коврик и грязные сапоги.

— Степа! — позвал я. Ответа не последовало.

Обитатель дома нашелся в большой комнате. Он лежал на кровати и храпел так, что я не сразу обратил внимание на включенный старенький телевизор в дальнем углу. Подошел к Степану и тронул за плечо. Спящий даже не пошевелился. Через минуту мне все-таки удалось его растормошить. Друг открыл глаза, дыхнул на меня перегаром и улыбнулся.

— О! Андрюха!

— Вставай, у нас гости! — сказал я дрожащим от волнения голосом.

— Какие гости? — недовольно заворчал Степан. — Самим пить нечего!

Я все рассказал. О летающей тарелке, которую видел, и о том, как бежал сломя голову, чтобы сообщить ему эту новость. Он слушал молча, потом присел на кровати, зевнул:

— Ладно. Пойдем поглядим и разберемся!

Степа встал, надел подранные штаны, натянул безрукавку на старую тельняшку. Затем достал из шкафа ружье и патронташ, который обернул вокруг пояса и застегнул на ремешок.

— Ну что? — сказал он, демонстрируя готовность к решительным действиям. — Пошли?! Если уж и встречать гостей, то не с пустыми руками!

К Чумке мы шли не спеша. И как я ни торопил Степана, он наотрез отказывался бежать, ссылаясь на то, что в его возрасте это довольно рискованно. Вообще-то рановато друг себя в старики записал. Если Степа решится сбрить засаженные усы и бороду и оденется в хорошие вещи, то будет выглядеть на свои тридцать пять лет, а не на пятьдесят. А коли еще и пить бросит, так сразу посвежеет лицом. Может, станет другим человеком. Хотя я его представляю только таким, какой он есть, — обросшим дикарем, который не боится ничего и всегда готов к любым капризам судьбы.

К месту посадки НЛО мы следовали не одни. За нами увязался черный кот, которого Степан прозвал Пиратом. Однажды Василецкий подобрал на улице еле живого котенка и притащил его к себе в дом, посчитав спяну, что подобрал выкинутого кем-то щенка. На утро протрезвевший благодетель осознал свою ошибку, но все-таки оставил кота. С тех пор Пират платит хозяину добром за добро. Гоняет мышей, душит крыс и таскает их на крыльцо. Иногда я беру охотника с собой на рыбалку. Скармливаю ему всю мелкую рыбешку, которая попадает на крючок.

Скорее всего, по этой причине Пират и ходит за нами хвостом. Наверняка думает, будто на рыбалку идем, и надеется, что ему что-то перепадет.

В лесу было темно. Закат уже отгорел и передал эстафету наступающей ночи. Нас это обстоятельство совсем не смущало. Здешние места каждый чумиловец знает, как свои пять пальцев, и без труда найдет дорогу домой, даже если уйдет далеко в лес.

Ломая на ходу ветви кустарников, мы шли вперед в указанном мною направлении. Степан поначалу задавал вопросы о летающей тарелке, уточняя ее размеры, примерную скорость полета и детали внешнего вида. Но как только увидел поваленные деревья и заметил неподалеку какой-то свет, сразу замолчал и зарядил ружье. Я приготовился к самому худшему. Зная характер Василецкого, мне было несложно предугадать его дальнейшие действия. Случись чего — он станет стрелять без предупреждения.

Летательный аппарат приземлился на небольшой полянке. Он представлял собой блестящий металлический диск, который протяжно гудел и светился по окружности разноцветными огоньками.

Степан не стал таиться в кустах, смело вышел к летающей тарелке и остановился от нее в нескольких метрах. Наверное, нас заметили сразу. Космический корабль перестал гудеть, лампочки быстро угасли, а часть металлической поверхности пришла в движение. Открылся люк, из которого выдвинулась длинная пластина. Как только она коснулась земли, по ней скатились вниз два небольших водяных шара. Спустя мгновение они резко вытянулись вверх и приняли человекообразную форму. Если уж и брать размер странных существ во внимание, то они пришлись бы мне по пояс. Я заметил еще и то, что пришельцы отличаются друг от друга по цвету. Один был зеленым, другой синим.

Василецкий вскинул ружье на плечо и взял на прицел синего.

— Тьфу ты. Ититская сила! — сказал Степан и брезгливо плюнул себе под ноги. — Кто такие? С чем пожаловали?

— Кулли-друлли, земляне! — отозвалось синее существо и, сделав небольшую паузу, добавило: — Мы искатели с планеты Бульран. Прибыли на Землю, чтобы найти артефакт древней цивилизации крептонейцев.

Мы молчали. Крыть было нечем.

— Пять квачасов назад мы получили сильный сигнал крептонейского маяка, — продолжало существо. — Наша дуду-машина обработала информацию и направила нас прямо сюда.

— Ваша машина ошиблась, — сказал Степан. — Здесь нет никакого маяка.

— Мы уверены, что есть! — возразило зеленое существо.

— Плевать я хотел на вашу уверенность! — твердо заявил Василецкий. — Говорю, нет тут никакого маяка! Первый раз слышу.

Я решил вмешаться — Степа начинал раздувать конфликтную ситуацию, а этого мне хотелось меньше всего.

— Погодите минуточку! — сказал я и подошел к нему. Встал рядом и тихим голосом спросил: — Ты что делаешь? Вдруг они разозлятся?

— Узнаю у своего друга, не видел ли он маяк, хорошо? — спросил Степан у пришельцев более дружелюбным тоном. Те согласно кивнули в ответ.

Василецкий увел меня в сторону и прошептал:

— Не трясись, Андрюха! У меня есть план.

— Какой? — мигом поинтересовался я.

— Пришельцев пустим в расход, а тарелку сдадим на металл.

Я обалдел от такого заявления.

— С ума сошел?!

— А что такого? — невозмутимо сказал Степан. — По-моему, это очень хороший план.

— Давай не будем никого убивать, ладно? — попросил я.

С большой неохотой он согласился. То ли палец чесался на курке ружья, то ли пришельцы показались ему враждебно настроенными. Даже не знаю. В общем, Степан хотел пострелять по живым инопланетным мишеням, но внял моей просьбе и передумал.

— Ладно, Андрюха! Действуем по ситуации.

Мы вернулись на прежнее место.

— Твой друг знает, где находится крептонеийский маяк? — спросил синий пришелец.

— Нет, — покачал головой Степан. — Он никогда о таком не слышал.

— Чувствую, вы скрываете правду, — вдруг сообщил зеленый инопланетянин.

Он сделал плавное движение рукой и на кончиках его прозрачных пальцев появился маленький шарик, который заиграл всеми цветами радуги.

— Мы заставим вас открыть истину, — сказал зеленый пришелец и протянул вперед светящийся шарик. Он соскользнул с пальцев и застыл в воздухе.

— Это что за штуковина? — полюбопытствовал Василецкий.

— Баштунгайчик, — пояснил синий. — Энергетическое образование, рожденное силой нашего разума. Универсальный изменитель роста. С помощью баштунгайчика мы уменьшим ваши тела и поместим их на корабле в специальную камеру. Рано или поздно вы скажете правду. Если, конечно, захотите вновь обрести свободу.

Тут произошло то, чего я так боялся. Степан вскинул ружье и выстрелил в зеленого гуманоида. Стрелял дробью. И не промазал. Существо разлетелось на тысячи маленьких мелких брызг. Также досталось баштунгайчику, который завертелся волчком и врезался в синего инопланетянина. Тот взвизгнул от удара и стал стремительно уменьшаться. В конечном итоге перед нами оказалось существо размером с мизинец. Теперь оно не было похоже на человека, а напоминало огромную каплю воды.

Степан подошел к существу, наставил на него ружье и грозно рявкнул:

— Молись, синюшный!

Вдруг между моих ног прошмыгнул Пират, в один прыжок достиг существа, и проглотил его. Мы даже ахнуть не успели.

— Просил же тебя не стрелять! — я наградил Степана укоряющим взглядом.

— А что мне оставалось делать, Андрюха?! — виновато спросил он и постарался оправдаться единственным аргументом. — Между прочим, нам угрожали баштунгайчиком!

Я не стал с ним спорить. Теперь наши взоры были прикованы к Пирату. Кот, как ни в чем не бывало, крутился возле ног хозяина и вымаливал награду.

— Вот те раз! — Степа, озадаченно глядя на животное, почесал затылок. — Даже не думал, что так получится...

Как говорят в народе, «лучше перебдеть, чем недобдеть». После произошедшего мы решили на всякий случай обследовать окружающий лес. К счастью, наши опасения не подтвердились — других инопланетян мы не нашли. Космический корабль искателей с планеты Бульран теперь по праву являлся нашим трофеем. По крайней мере, так считал Василецкий.

Мы наломали веток и постарались замаскировать летающую тарелку. Потом двинулись в сторону реки. Спустя полчаса мы уже сидели на берегу и спокойно обсуждали, что произошло в лесу.

— Я вообще-то не злой, — сказал Степан, — просто память у меня хорошая. Вот скажи мне, Андрюха, что было в первый раз?

— Нас пытались съесть, — нехотя признал я.

— А во второй?

— В нас стреляли лазером. В третий — пробовали какой-то гадостью расщепить на молекулы...

— Сегодня мы чуть было не оказались на чужом корабле в уменьшенном виде в роли пленников, — добавил Степан. — Я это к чему говорю, Андрюха. Чужие нам не друзья, а враги.

— Наверное, ты прав.

— Ну что, звоним Сереге? Телефон у тебя?

— Да, — я достал из правого кармана штанов мобильник и протянул его Василецкому.

Он быстро набрал номер своего хорошего знакомого, который жил в городе. Мы уже не первый раз к нему обращаемся по поводу сдачи большого объема металла. Сергей нам помогает избавиться от тарелок, да еще денег подкидывает. В общем, жить можно. Даже своеобразный бизнес получается. Никто не остается в накладе.

Степан быстро договорился с Серегой и вернул мне телефон. Присел рядом.

— Он будет завтра, — сказал Степа. — Как услышал про спецтовар, так обещал, что приедет рано утром.

— Хорошо, — кивнул я.

В принципе мне интересно, как Серега разделяет космические корабли пришельцев. Автогеном он их режет на куски, что ли? Я еще не видел, и в этот раз решил посмотреть.

— Покажи мне эту штуку еще раз, — вдруг попросил Степан.

Я снова полез в карман. Но уже сделал это левой рукой и вытащил из другого кармана свернутую тряпку. Василецкий осторожно взял ее у меня, развернул и медленно достал маленький серебристый цилиндр. Принялся его вертеть перед глазами, осматривать, точно увидел впервые.

— Он не работает? — спросил Степа.

— Я его выключил.

— Зачем?

— Когда бежал к тебе рассказать о тарелке, остановился и решил вырубить устройство. Так, от греха подальше.

— Это ты правильно сделал, — одобрил друг. — Если бы маяк работал, нас спрашивать не стали б. Техника у водянистых серьезная! Иголку в стоге сена найдет.

— А как он включается? — Степан вопросительно уставился на меня.

— Очень просто, — сказал я. — Видишь, у цилиндра с одной стороны выгравирован контур человеческого тела?

— Ага.

— Подуй на него.

Василецкий сделал, как я велел.

— Теперь поверни маяк другой стороной. Сделал? Отлично. Видишь, странные символы? Проведи по ним ладонью, только медленно.

Маяк засиял приятным бледно-голубым свечением. Степан некоторое время смотрел на него с блаженным выражением лица, потом завернул цилиндр в тряпку и передал мне.

— Держи. Ты его можешь не выключать. Думаю, следующие чудики с космоса заявятся к нам не раньше, чем через неделю. Можно пока отдохнуть. Выпить, к примеру. Рыбку половить.

— Сегодня плохо клевало, — печально вздохнул я.

— А вот тут я с тобой не согласен, — ухмыльнулся Степан, — сегодня у нас с тобой большой улов, так что грех жаловаться.

Я улыбнулся и промолчал. Лег на прибрежную траву и подложил под голову руки. Взглянул на Степана. Он сидел и гладил по шерстке Пирата. Кот довольно урчал и терся о колени хозяина.

Я перевел взгляд на небо. Перед глазами развернулась красочная звездная панорама. Ведь где-то за сотни или тысячи световых лет отсюда есть планеты, подобные нашей или совсем другие. На них существует разумная жизнь...

Еще три месяца назад я в это не верил, но после того, как стал свидетелем падения летающей тарелки, свой взгляд на мир изменил. Помню, как сейчас — прихожу к месту крушения, а там среди обломков космического корабля — еле живой гуманоид. Он и поведал мне о древней цивилизации крептонецев, которые, по его рассказу, являются прародителями всех людей на Земле. Гуманоид отдал мне маяк, научил с ним обращаться и сказал, что он исполнитель воли древней расы, которая накануне войны с чужими пожелала сохранить свою реликвию, передав ее людям.

Больше он ничего не успел сообщить. Инопланетянин скончался у меня на руках от полученных в результате крушения ран. Я закопал его в лесу и засыпал землей обломки звездолета. Василецкий оказался единственным, кому я все рассказал. Он мне поверил — только не сразу, а после первого визита непрошенных гостей. Нас тогда чуть было не съели какие-то скользкие противные существа, назвавшие своим домом планету Альдея-4.

С тех пор Степан всегда берет с собой ружье. А я перед рандеву с пришельцами обязательно выключаю маяк.

СКАЗКА О ДИКОВИННЫХ ВРЕМЕНАХ

Эта сказка случилась в диковинные времена, которые как бы есть, но пока в отлучке, — ветерок, предвестник их приближения, шевелит занавеску у форточки, заставляя прислушиваться и ждать... Завтра, когда диковинные времена постучат в наши двери, мы, скорее всего, не станем им открывать. Тогда они исчезнут, не станут будущим. Но ведь от ошибок смешно зарекаться: иногда мы впускаем гостей в дом, не разобравшись, с добром они пришли или с худом...

1

В диковинные-предиковинные времена жил город по прозвищу Ёж. Обитал он на огромном холме. Вернее, пронизанный подземными коммуникациями, распоротый подвальными этажами и туннелями холм был одним из органов его тела. Словно кровь в артериях и венах, в подземелье пульсировала энергия. Это чрево свернувшегося в глухой обороне Ежа переваривало бытовые проблемы. Почему в глухой обороне? Множество камер-глаз города без усталости выискивали возможные опасности. Из облаченной в железобетонные латы округлой спины угрожающе торчали иглы наглухо закупоренных небоскребов. Да и норы у города были колючим, под стать внешности...

Но не подумайте, будто люди считали Ежа сказочным злодеем, — ничего подобного. Мало у кого не испортится характер, если приходится вечно пребывать в состоянии озабоченности. А присматривая за миллионом жителей, которые мешают поддерживать порядок, поступают непоследовательно, безрассудно и иногда даже вредят собратьям, то и дело попадаешь в неприятнейшие передраги. С нами, человечеством, слишком много хлопот, на что мы и сами нередко жалуемся.

Бремя ответственности, доставшееся Ежу, было не из легких. Город ворчал, сердился, но неумолимо исполнял свои обязанности. Целью его существования было безоблачное счастье горожан, достигнуть коего оказалось невероятно сложно...

Тайна счастья Ежу давалась с трудом, но не будем его винить — многие великие сломали головы над решением этой простенькой задачки. А вспомните хотя бы собственные подвиги! Ни разу не делились сосиской с хомячком, не подозревая, что из самых добрых побуждений подрываете его хрупкое здоровье?.. Или с двуногими... не вытаскивали из беды негодяя, а тот, спасенный вами, вместо благодарности отвечал злом?..

Наш сказочный город был оченьмышленым и старался изо всех сил: он наблюдал, оценивал, строил планы, потом воплощал задуманное на своем пространстве... Однако даже разумнейшим из земных существ, радеющим о других, непохожих, трудно без посторонней помощи догадаться, как правильно за ними ухаживать.

Жители, сколько Ёж себя помнил, просили о праздниках и веселых безопасных приключениях. Вот город и уверился, будто, кроме здоровья, еды и сна, люди больше всего нуждаются в увеселениях... А разве наш современник, старожил реального времени, не подтвердил бы, что счастье — в безделье?.. Не обосновал бы в припадке усталости: рай — это когда утопаешь в блаженной расслабленности, не напрягаешься, не трудишься и не рискуешь здоровьем?.. Значит, вроде бы благо для людей город определил точно...

Много лет назад, предупреждая нелепые ссоры между жителями, случавшиеся с нарастающей частотой, город расселил людей по изолированным одноместным квартирам со всеми удобствами.

Какое это было торжество! Горожане ходили по улицам с цветами и надувными шариками. Они пели, перекрикивались, улыбались знакомым и незнакомым... У каждого был повод радоваться: отдельное благоустроенное жилье и полная независимость от ближних, разве это не шаг к земному раю? Прекратилась вражда, отпала необходимость что-то кому-то доказывать, выяснять отношения... Немногие семьи отказались тогда разъехаться.

После первых преобразований прошло шесть лет, и Ёж, искореняя болезни, изгнал с улиц всякую живность — главного разносчика инфекций. Событие это прошло мимо горожан незамеченным — восходила звезда всеобщего любимца Милого Друга, и ничто другое больше не имело ценности.

Кое-кто иногда все-таки простужался, и город замкнул подъезды небоскребов сейфовыми дверями. Теперь воздух в зданиях стерилизовали мощные кондиционеры, от чего он стал неестественно прозрачным и совсем перестал пахнуть. В подвальных лабораториях-кухнях синтезировалась еда с полезным содержанием калорий и микроэлементов. Роботы сервировали приготовленные блюда и в лоточках отправляли по вертикальному конвейеру вверх, в квартиры...

Каким же получилось у Ежа счастье, когда, позаимствовав людской сценарий, он построил райскую жизнь? Горожанам не за что стало бороться, они все меньше за себя отвечали, а значит, и не выросли, как положено. Не учились быть мамами и папами...

Ёж крутился внутри жерновов каждодневных забот и не заметил, как взрослые мало-помалу заняли место детей... Малышам не у кого стало рождаться. В раю не нашлось для них даже малюсенького местечка.

Так нечаянно и подошел бы конец городу вместе с концом дряхлеющих его жителей, если бы однажды ночью ни с того, ни с сего не заплакала женщина из сорок третьего корпуса, величавшая себя «одиноким мамой»...

Маше было около четырнадцати лет, когда роботы смонтировали компьютер нового поколения, и улыбчивый молодой человек с ожившего монитора протянул ей ладонь. Девочка наложилась на экран свою. Так они познакомились.

— Анжелика! — зардевшись, представилась Маша именем из ремейка старинного фильма.

Почему не собственным? Ответ очевиден. Разве можно вообразить Фею Эос за беседой с какой-нибудь тусклой личностью?! Слишком обыденно ее называли, приговорив к тупой заурядности... Наверное, родители, как всегда, были заняты и передоверили отсталой бабке выбор имени для любимой дочери...

Маша собиралась вырасти королевой — изысканной томной красавицей в платье со шлейфом, но мечту, точно камнем птицу, сбило безразличие близких... Недавно папа, словно в издевку, окликнул ее при соседях: «Мурочка!». Терпеть кошачью кличку девочка не собиралась!

— Анжелика я! — горячо повторила Маша молодому человеку с ожившего монитора.

В памяти компьютера хранилась точная информация о хозяйке, но новый приятель легко согласился:

— Заметано! А со мной можно запросто — Милый друг, если не переименуешь... — и предложил, озорно прищурившись: — Отведаем заморского, авантюрного, острого, а, Анжелика?..

Так наступила для Маши райская эра — ничего неприятного, насильственного, болезненного. Милый друг развлекал, как никто до него: выполнял прихоти, дарил приключения. А если какая-нибудь из игр девочке особенно нравилась, они день за днем возвращались к ней, пока не надоедало...

Анжелика обожала охотиться в шотландских вересковых пустошах. Милый друг представал там в облике рыжеволосого ловца единорогов. Подбородок его над светлой рубахой смотрелся невероятно мужественно, килт не скрывал красоты мощных ног... А как замечательно он владел ячеистой сетью! Единороги не успевали от него увернуться... Анжелика с гордостью садилась на спину покоренного животного, минуту назад рвавшегося на свободу... Ехала на нем во дворец...

Когда всадница приближалась к парадной лестнице, охотник падал на колени, восклицал: «О, моя королева!», и к ногам ее летел темный вязаный плед, заменяющий шотландцам плащ... Анжелика царственно ступала по распростертой ткани. Она наслаждалась...

Девочка, а потом и девушка не заметила, как стала взрослой — ничего в ее жизни с возрастом не менялось. Но однажды ночью случилась неприятная неожиданность: какой-то мотив в душе оборвался, другой заскулил не в силах начаться...

В ту ночь Анжелику позвал голос, который знал давно забытое ею имя:

— Маша, Машенька!

Сорвав с глаз слепую липкую пленку, женщина обнаружила, что вернулась в дом своего детства — Милого друга еще не существовало. Допотопные компьютер с телевизором шерочкой с машерочкой развлекали друг друга, потому что семья в этот миг ими совсем не интересовалась.

Внимание всех приковывал к себе трехмесячный Лёнчик.

«Боже, я не разговаривала с братом целых пять лет!» — ужаснулась Анжелика, вдруг обернувшись Машей.

Младенческая ручонка неловко ловила игрушку, раз за разом промахиваясь. С братом забавлялась она, шестилетняя. Переполненная умилением, приторно-сладкой нежностью...

«Малиновое желе!» — неприязненно подумала Анжелика.

«Оп ля, неумеха!.. Оп ля!..» — подзуживала Маша Лёнчика.

Сзади подошла мама. Дочка прижалась спиной к ее теплому ласковому животу и ощутила себя внутри него. Это было очень странное убежище — совсем не такое, как город, который кормил, согревал, придумал Милого друга... Мамино тело будоражило и успокаивало одновременно, вызывало желание дать что-то взамен полученного: ответить на ласку лаской, на объятие объятием, на поцелуй поцелуем... Самой дарить, а не только получать... Какая удивительная разница ощущений!

Проснувшись, тридцатилетняя женщина горько заплакала от растерянности и непонятных желаний. Сейчас она ненавидела свою Анжелику, да и себя, наверное, ненавидела.

Как отвратительны манерность псевдоимени, его пропитанная наглой самоуверенностью чувственность!.. И она могла представлять себя королевой?.. Перезрелая нимфетка... Стыдно...

Маша напоминала себе Гингему, сварившую адское варево для победы и получившую домиком по голове... И еще эта странная ломота в теле, переплетенная с тоской по родному человечку... Болезнью не назовешь — анализы в норме, но не по себе, и хочется чего-то, наверняка, невозможного...

Боже! Кажется, Маша начинает догадываться... Она тоскует по... маме с папой? Нет, невозможно! По старикам никто не скучает!.. По Лёнке? Тоже вряд ли: каков брат сегодня, ей и не представить...

Маша, все еще скользя по шлейфу сна, погрузилась в расставание с Лёнчиком... Ей было двадцать пять, и жили они с братом вдвоем: родители за год до того переселились в корпус для пожилых. Семья их распалась намного позже, чем остальные, и брат с сестрой родительской старомодности стеснялись.

Маша переживала период лилового эльфийского царства: Милый друг водил ее по красочным рисованным долинам. Рожицы героев гримасничали, пугали внезапным оскалом бойцовской ярости... Лёнчик три дня ее теребил, просил о чем-то... Сестра, взбудораженная решающей битвой, от нытья брата отмахивалась: «Позже... Завтра...». Через неделю спохватилась: где Лёня? Спросила у Милого друга. Тот успокоил: братишка в норме, он в отдельной квартире тремя этажами выше...

Интересно, чего брат добивался накануне своего ухода?

Лёнчика было не вернуть. Но, почувствовав во сне магическую силу маминого тела, Маша не переставала о ней думать... Хотя бы родить... немедленно... сына... Женечку...

Она ощущала себя страдальцей, злым колдовством разлученной с сыном. Ах, если бы на помощь к ней прискакал благородный рыцарь, сразился бы с чародеем и победил его! Красавица и рыцарь полюбили бы, поженились, рыцарь превратился бы в папу. Семья всем на радость обрела бы, наконец, дитя...

Кто, в представлении Маши, мог быть благородным рыцарем? Конечно же, один Милый друг, такой внимательный и такой могущественный... Но возлюбленный, будто не слыша, увлекал ее в надоевшие игры... Королевна впервые обиделась на своего несравненного... помирилась с ним... вскоре снова поссорилась...

После нескольких неприятных столкновений Милый друг объяснил, что выполнение подобных чудачеств ему не под силу. Если это для подружки так важно, он передаст ее просьбу городу, который всему голова...

3

Ночные слезы Маши из сорок третьего корпуса вызвали у Ежа особое раздражение. Женщина совсем потеряла меру, решила, будто город — золотая рыбка, исполняющая любые капризы заказчика, и жаждет теперь стать владычицей морскою, наверное... Глупая, глупая, глупая!

А ведь он хорошо заботится о горожанах, потчует их ярчайшими удовольствиями. Этой же любого изобилия мало, она нашла уязвимое место своего благодетеля... подло его унижает...

Зачем было напоминать о единственном в жизни Ежа сокрушительном поражении?!

Это случилось годы назад. Исчезновение детворы Ёж на беду обнаружил поздно. Он не слишком отличал малышей от взрослых и не обеспокоился, когда ребячий гомон поредел, сделался неровным, потом распался на отдельные голоса. Но вскоре в длинных-предлинных коридорах с нанизанными на них бусинами квартир воцарилась абсолютная тишина... Если не считать компьютерных раскатов за дверями, где не кончались игры с Милым другом.

Тут город осознал неладное, встревожился, впопыхах обшарил этажи: камеры в объемных мониторах, шедевре его последних технологий, являли ему лица переростков — ни одного моложе четырнадцати...

Ёж был в себе уверен и не струсил. Но сколько ни экспериментировал он с яйцеклетками, сперматозоидами и генными комбинациями, в инкубаторах вырастали существа, мало отличимые от роботов... А горожан, как ни странно, отсутствие детей совершенно не беспокоило...

Ёж заметался в лихорадке страха, но мужественно овладел собою: «Зря паникую! Малыши еще вернуться!» И занялся привычным ремеслом — планированием эффективных действий. Так был им создан ролик с объяснением, чем дети отличаются от взрослых и почему они необходимы. Полгода ролик возникал на всех экранах, и люди декламировали вслух особенно пикантные слоганы... Но нового в их жизни не случилось.

Тут многие бы руки опустили, но город был борец и привык преодолевать трудности. При первой неудаче он не сдался и продолжил работать по плану. Переписал заново модную игровую программу, упаковал ее в затейливый дизайн. Получилась классная стрелялка, где, перебегая с объекта на объект, презабавные мамышки с бумерангами сражались за кружевной пакет с младенцем. Стрелялку ждал невиданный успех: три с половиной месяца игра не выпадала из числа хитов сезона... А дети все равно не родились.

Настало время последнего, по-настоящему убойного средства. По собственному оригинальному эскизу Ёж отлил золотой кубок с надписью «За новорожденного» и показал его в горячих новостях. Обещал, что кубок впишется в любую меблировку и что, глядя на него, награжденный будет собой гордиться. В последовавшие за показом три недели семьсот четыре девушки и двадцать один парень прислали электронные письма о начале у них родовых схваток, которые в итоге оказались глупой фантазией...

«Я так старался... построил им райскую жизнь, а они не хотят приложить малюсенькое усилие, чтобы продолжить вид!» — досадовал Ёж. Он привык, что год от года умнеет, но жители его до старости остаются бестолковыми. И недаром с возрастом город несколько помрачнел: бед от легкомыслия горожан, которые он вынужденно расхлебывал, хватило бы, наверное, не на одного спасителя...

«Может, в раю вообще не предусмотрены дети? — Ёж настойчиво искал объяснение случившемуся. — Ни разу не читал о райских младенцах... Там есть только крылатые... как их?... херувимчики... Но херувимчики бестелесны, витают в воздухе — им ни к чему город! А тогда какое мне до них дело?»

Если не считать истории с пропавшей ребятней, планы Ежа удачно воплощались, убеждая его в собственном могуществе. Милый друг, которого он из года в год совершенствовал, заменил горожанам целую армию приятелей, веселил, воспитывал, расцветчивал существование необычайными красками...

А как хороши были голограммы! Стоило пользователю нажать специальную кнопку, комнату опутывали радужные нити. Меню поражало разнообразием: прогулки по самым знаменитым паркам мира, лазанье по скалам и даже купание в море. Оттенки виртуального солнечного света сияли ярче уличного. Листья на деревьях переливались зеленым, но щелчок мышкой заставлял их желтеть или краснеть... Разве в природе можно увидеть всю красоту разом? Нет, приходится выбирать одно, теряя приятные ощущения от другого...

Город привык тащить свой воз. И неприятность с неразумной Машей он сможет расхлебать. Одинокую маму следует проучить. Надо лишить ее удовольствий: в древности родители, наказывая, оставляли малышей без сладкого, — говорят, помогало.

Ёж придумал для женщины из сорок третьего корпуса необычную и трудную игру в дети-матери без нянь-роботов. Ведь в древности мамам приходилось безотлучно присматривать за детьми, оставляя себя без внимания! Они наверняка были очень несчастливы!

Ёж изучил старинные энциклопедии и выяснил, что ребенок, если его мозг не облучать веселящими микрополями, хнычет и просится к маме на ручки. К тому же он писает и какает куда попало — его необходимо мыть, а вещи стирать и чистить...

«Пусть, пусть побудет в шкуре города, когда все держится на тебе одном! — кипятился Ёж. — Пусть узнает, почему фунт лиха!..»

Решение было принято. Город построил план, расписал техническое задание... И, как всегда, с блеском исполнил задуманное.

4

Одинокая мама... хм... почивала, раскинувшись на роскошной кровати под желто-оранжевым балдахинном — в восемнадцать она углядела такую в одном из многочисленных путешествий и намекнула Милому другу, что хочет ее в подарок. Через пару недель роботы, освободив спальню, разложили на опустевшем полу фигурные деревяшки, двуспальный матрас, золотистую ткань. И скоро кровать стояла на месте. Ее дополняла резная тумбочка с инкрустацией. Получилось ложе, достойное королевы... Как нередко в жизни случается, затейница Анжелика канула в прошлое, а мебель ее, не заметив подмены, продолжала служить Маше...

В этот день одинокая мама проснулась рано. Ее разбудило веселое... пение?... щебетание?... Нет, нет, агуканье! Откуда ему взяться у нее в доме? Милый друг-то был выключен.

Открыв глаза, Маша присела в постели и спросонья сама не зная кому улыбнулась... Неужели только своим ожиданиям?

Посреди комнаты стояла колыбель — вы, наверное, видели похожие в фильмах о прежней жизни: большая плетеная корзина раскачивалась на полозьях с загнутыми концами... Поделки из прутьев незамысловаты, но они могут быть очень милыми, — правда, в королевской опочивальне выглядят приживалками.

Одинокая мама спустила вниз ноги, босиком прошлепала по ворсистому полу. Заглянув в колыбель, с восхищением обнаружила обладателя лукавых глазок и вздернутого любопытного носика. Голый младенец был очаровательно пухленьким, с родинкой на правом предплечье. Точь-в-точь как у Лёнчика!

— Женечка! — ахнула женщина, почувствовав, как тает ее одиночество. — Мамин сыночек!

Малыш улыбнулся, пустил слюни. Ручки и ножки его смешно дрыгались, ходили ходуном, жили собственной, отдельной от тела жизнью... Маша опять вспомнила Лёнчика, на этот раз не из детства, а из сна, разбудившего душу: там братик, также неловко двигаясь, ловил игрушку... Сбылось самое заветное, необходимое, как воздух! Когда уже устала ждать, взяло и случилось...

Надо было с кем-то разделить радость... с Милым другом...

Маша послала Женечке воздушный поцелуй и выбежала из спальни — к клавиатуре. Но компьютерная комната изменилась... Господи! Мышка и всегда послушные клавиши словно замерзли, стали холодными, неживыми. Зато бодро мигало лампочкой непонятно откуда взявшееся небольшое устройство. От него не тянулось шнуров, и на панели красовались всего две кнопки — зеленая и красная. Маша дотронулась до прибора-загадки... И монитор пробудился.

— Милый друг, — затараторила она еще до того, как появилось изображение, — у меня произошло чудо! Представляешь...

Она осеклась. С экрана вместо улыбчивого молодого человека на нее глядела хмурая пожилая тетка с безразличным выражением лица. На тетке были белый халат и белая же круглая шапочка.

— Меня зовут Надеждой Николаевной, — сказала незнакомка с тяжелым вздохом. — Я ваша патронажная медсестра. Где младенец?

— В спальне, — удивленная Маша показала рукой направление.

— Ребенок один, без присмотра?

— Я на минутку... хотела только...

— На минутку?! Вы что, милочка? А если младенец неловко повернется? Захлебнется слюной? Или вывалится и разобьется?

Обвиняемая, дрожа от страха, кинулась к Женечке. Слава Богу! Малыш все так же агукал и дрыгал ручками.

— Повезло! — заявила Надежда Николаевна, непонятно как вышедшая из компьютерного кабинета и оказавшаяся у нее за спиной. — Таким легкомысленным нельзя доверять ребенка!

— Но как вы сумели... в спальню...

— Оборудование теперь работает по всей квартире и в коридоре за входной дверью: вам придется подолгу гулять с коляской в скверике, это на вашем этаже в холле...

Оглушенная происходящим Маша молчала. Ей было непонятно, что теперь делать. Да, она просила ребеночка, но он такой маленький... И мамы нет рядом, чтобы подсказала...

В пору ее младенчества люди не были еще разобщены, как сегодня, хотя на первый зубок девочке вместо серебряной ложки, как делали многие поколения до того, подарили лаковую компьютерную мышку с ковриком. Родители, оторвавшись от важных дел, за несколько раз научили малышку пользоваться новым прибором и передоверили ее роботам. Но они ведь не разлучались с нею: Маша помнила, как приятно было сидеть втроем, спина к спине, — каждый со своим портативным партнером...

— Где робот-няня? И... хочу говорить с родителями!

— Невозможно!

Эта мымра насмехается и пугает — глаза бы ее не видели! И что это за оборудование, которое работает не только в компьютерном кабинете? Зачем оно? Они с сыном под колпаком?

Женечка поднатужился, крикнул, и у него между ножек забил фонтанчик. Пеленка намочла.

— Умеете обращаться с подгузниками и ползунками? — сурово продолжила Надежда Николаевна. — Необходимое у вас под рукой. Если затруднитесь пользоваться какой-нибудь вещью, я подскажу, — и она сделала широкий жест, обводя комнату.

В спальне, действительно, появилось много новых вещей. На большинстве были надписи.

— Это чтобы Женечку переодевать? — робко спросила Маша. — Во что?

— Принесите младенца — покажу, — Надежда Николаевна по-профессорски встала за странный экспонат, похожий на кафедру. «Пеленальный столик», — гласил прикрепленный к нему ярлык.

Мама, сглатывая слюну, которая отчего-то прибывала и прибывала, наклонилась к сыну. Пальцы утонули в пухленьком тельце, словно оно было соткано из тумана.

— Женечка, как Милый друг? — спросила Маша враз осевшим голосом. — Сын не настоящий?

— Ребенок несколько плотнее, — ни капли не смутившись, ответила медсестра. — В него заложены программы человеческого развития. Он существует в реальном времени, и его нельзя выключить. При ошибке, приведшей к поломке, мальчик исчезнет без возможности восстановления...

— Женечка не настоящий... — если бы не выжидательный взгляд Надежды Николаевны, Маша не стала бы еще раз трогать сына. Мысли и чувства ее испуганно метались. Необходимо было их собрать и как-нибудь построить: у нее есть теперь долгожданный ребенок, но он состоит не из живых клеточек, а из пикселей — разноцветных световых точек, способных мерцать, пока специальное оборудование их поддерживает... А будет ли оно всегда поддерживать?.. Вдруг что-нибудь испортится? У женщины перехватило горло.

Малыш в колыбельке был таким живым, доверчиво-нежным... Он глядел на маму и ждал, что его погладят. Он нуждался в ней... Неужели и она когда-то так смотрела на родителей?!

Маша взяла себя в руки, сосредоточилась, напрягла ладони и почувствовала форму Женечкиного тела. Пушистый теплый цыпленочек!

Мгновение — и малыш удобно устроен у нее на руках, белокурая головка жметя к груди и странно водит по ней губками... Невесомое, сияющее дитя... Такое уязвимое, такое трогательное... Не отдам!

Интересно, может ли к соску из живых клеток прилить молоко, когда его настойчиво ищет дитя, тело которого состоит из пикселей?

О, сила иллюзий!

5

Для мамы день встречи с Женечкой выдался трудным, но он положил конец постылому одиночеству. Поэтому стал этот день и упоительно праздничным, похожим на воздушного змея, который, уходя в полет, увлекает тебя в бездонную глубь неба...

Совсем в другом настроении пребывал Ёж. Женечка обошелся ему недешево: пришлось напрягать все доступные силы, влезать в неприкосновенные запасы мощностей и материалов — по ходу работ постоянно возникали неожиданные затруднения. До сей поры город не программировал существ без жестко очерченных исполнительских функций, и вдруг надо создать малыша, живущего в реальном времени, да еще предвидеть Бог знает какие задачи, которые он должен, возможно, решать в никому неведомом будущем. Процесс получился чрезмерно энергоемким...

Ёж справился, ребенок родился с надежной закладкой человеческих качеств. У создателя его появился повод для радости? Ведь раньше подобного не выходило... Не тут-то было!

Обстоятельства оказались гораздо сложнее, чем изначально рассчитывал город. Ему пришлось нарушить закон счастья, им же выведенный, и вместо того, чтобы облегчать людям существование — а это святое дело! — вручить маме обременительного Женечку, лишив ее отдыха и развлечений... Ёж уверил себя, что воспитывает Машу: она, поняв, какими замечательными играми забавлялась раньше, вскоре откажется от неудобного сына, успокоится, станет в ряд с остальными... Но работать вполсилы, халтурить он не умел и, ругая себя за старание, творил для своей подопечной заведомое несчастье... Невыносимо!

Более того, в результате огромных трудов и усилий город сам попал в очень затруднительное положение. До сих пор его планы, разнясь в деталях, имели важнейшую объединяющую особенность — Ёж задумывал, делил задачу на отдельные части, потом для каждой составлял алгоритм, сочетаемый с остальными. Конкретику перепоручал роботам и Милому другу. Посредники умело исполняли порученное, избавляя его от общения с людьми. Ёж привык не зависеть от отдельного человека, заботясь обо всех скопом.

Ночной плач одинокой мамы, не сознававшей, что просит о невозможном, сверх меры растревожил город, и он, не подумав, влез в историю, в которой остался с нею один на один. Ведь создавая Милого друга с игривыми выходками

и забавами, он не закладывал в образ развития. А ребенку положено было взрослеть. Думаете, легко запрограммировать взросление? Поведение сложно зависит от возраста... Ежу пришлось самому включиться в общение с мамой, чтобы вмешиваться, пока все не наладится...

Вы догадались? В облике Надежды Николаевны с Машей беседовал Сам...

Не привыкший к общению с людьми Ёж говорил на языке, который пугал собеседницу:

— Евгений — объемная копия человеческого младенца. При программировании использовались более ста тысяч параметров. Запомните, это важно: при сбое в системе потеряется наработанный объем информации. После нажатия красной кнопки вы больше не увидите Евгения, что равноценно смерти. Мария, не отвлекайтесь! Вы меня понимаете?

— А где Милый друг? — с глупой улыбкой спрашивала Маша. — Он объясняет понятнее и утешать умеет...

— Забудьте! Считайте, в бессрочном отпуске! Новое оборудование не состыкуется со старым компьютером. Отключено! Понимаете, милочка? Теперь у вас только я — то есть зеленая кнопка. Или отказ от младенца — то есть красная кнопка. Через сутки после отказа — время, необходимое для демонтажа и наладки, ваш Милый друг со своими фокусами и счастливыми приключениями вернется...

Но странное человеческое создание женского пола все больше не понимало. Оно потеряло улыбку, побледнело и опустило глаза к полу. Только новых ночных истерик Ежу не хватало!

— Вернемся к вашему сыну. Ему четыре месяца, — продолжала Надежда Николаевна, голос ее стал сухим и саркастичным. — Вы должны нас благодарить за эти четыре месяца! Считайте подарком, уступкой вашей слабости... Со свеженьким новорожденным вы точно не справились бы! А ваш младенец может вас видеть, слышать, понимать некоторые интонации, держать голову...

Список длился и длился. Ежу хотелось, чтобы Маша, наконец, осознала, что, несмотря на глупые ее выходки, о ней хорошо заботятся. От скольких ненужных бед он ее избавил! Из чистого сострадания, заметьте. Но дурочка обращала внимание на вещи второстепенные, а главное упускала:

— И этому всему надо учиться?.. Никогда не могла себе представить! Я думала, само собой получается...

Надежда Николаевна обиженно поджала губы. Посмотрела на глупышку с укором и нарочито заспешила:

— Ну я пошла! Вводная лекция окончена. При затруднениях можете обращаться!

Еще раз тяжело вздохнув напоследок, город отключился.

И правда, дел накопилось множество... Обнаружились неполадки в системе водоснабжения, не устранимые обычными технологиями. Произошли две ссоры подряд, на первый взгляд друг с другом не связанные, но почему-то очень похожие, — Константин из двадцать восьмого корпуса и Татьяна из сто пятого ни с того ни с сего поскандалили с Милым другом. В пострадавших квартирах поменяли компьютеры и программное обеспечение...

Ёж ворчал, давал указания, перекраивал схемы, делал вид, что Женечка с мамой его совершенно не интересуют... Но не мог удержаться... хоть одним глазком заглядывал в королевскую опочивальню...

6

Медленно дело делается, но сказка-то скоро сказывается... И Маша, вначале беспомощная неумеха, поднабравшись опыта, стала гораздо увереннее. Минуло три месяца, и, к удивлению города, быт в молодой семье наладился. Мама не путала больше кофточки, ползунки и пеленки. В секунды меняла подгузники, когда Женечка не успевал на горшочек. Легко разводила водой детское питание, кормила Женечку с чайной ложечки тертым яблоком и отваром картошки с капустой — по установленным Надеждой Николаевной правилам.

Перестала приставать с просьбами вернуть Милого друга. В любую погоду, в любой день два с половиной часа гуляла с коляской в скверике. Перед сном купала сыночка в ванночке, малыш брызгался и смеялся... Однажды ей показалось: Женечка назвал ее «мамой»... Она замерла в ожидании, но чудо не повторилось... Наверное, случайно вырвалось... Как жаль!

Будто влюбленной парочке, им нравилось вместе кружиться по комнате. Женщина поднимала сыночка над головой, и он замирал, распахнув глазки, потрясенный удивительнейшим ощущением... Лететь по воздуху в руках родимой — не танец, а диво!

— Лёнчик обожал погремушку, неужели не хочешь с ней поиграться?.. Давай погремим!.. Поменяем ручку!.. Выбрасываешь?.. Боже, какая я дура! Ты требуешь синюю крышечку, а я про Лёнчика... Нет, нет! Не кричи — мы слушаем музыку!.. Вот-вот она, ложка... Стукнем по крышечке... трам-та-рарам... Громко!

Маша сновала вокруг Женечки, говорила слова, отвлекалась на переодевание. Пальцы привычно застегивали мелкие пуговички, завязывали бантики, поправляли чепчик...

Что она чувствовала? Прежнее счастье? Иногда. Все реже... Чаще усталость.

Тихой сапой подкралась к ней ностальгия по прежнему одиночеству: ведь это здорово — когда желания исполняются! Есть по собственной воле, вертеться у зеркала, погружаться в сон, шутить с Милым другом, нырять в океан приключений... Свобода, свобода, свобода!

Сейчас день по минутам расписан одним и тем же. И поболтать о пустом с Надеждой Николаевной сложно: придирается, указывает, редко жалеет. Вот с Милым другом было легко и просто — Анжелика жила королевой в прекрасной сказке. Теперь превратилась в Золушку... Какая-то правда наоборот. Ведь правильно, чтобы Золушка попала в прекрасный дворец и стала там на балу принцессой? А Маша уже Анжеликой была, и ей надоело...

Чего ждать завтра? Маша не знала, ей было страшно... Только воспоминание о магии теплого мамино живота держало на плаву и помогало любить Женечку... И еще то, что красная кнопка означала смерть... Исчезнут глазки, исчезнет носик, и танец в воздухе, и слово «мама», которого ждала так долго...

— Сегодня ты на себя не похожа, — заметил Ёж голосом Надежды Николаевны. Они перешли на ты давным-давно: у Женечки в тот день разболелся животик, пришлось делать клизмочку под аккомпанемент душераздирающего рева, и было не до этикета. — Болит что-нибудь?

— Душа... — вздохнула Маша.

Надежда Николаевна, взглянув сурово, присела рядом и спросила:

— Ты же сама этого хотела?

— Хотела... — эхом отозвалась мама.

— А теперь не хочешь?

— Хочу. Только силы внутри не осталось... Будто серое все и скучное... и без Женечки не могу, и с ним не могу... Ты умная, может, подскажешь, что делать?

— В вопросах души я не специалист, — честно призналась Надежда Николаевна и погладила Женечку, игравшего на ковре с лошадкой. Малыш словно понял, повернулся к Маше и позвал:

— Ма... — встал, ухватив ее за палец, шлепнулся и опять: — Ма...

— Он сумел... — мамыны глаза увлажнились.

— Чего-то Евгений для семи месяцев слишком резвый, — покачала головой Надежда Николаевна. — В книгах по другому. Сбой в программе? Ладно, уже ничего не поделаешь... Так получилось...

Маша не слушала. Она кружилась с Женечкой под веселые возгласы: «Ма... Мама... Ма...»

«Фу!.. И на этот раз пронесло, — обрадовалась Надежда Николаевна, — уже который раз проходим по краю... Тако-го интересного эксперимента еще не бывало. Обидно, если не доработаем...»

Она попрощалась, собираясь уходить, чтобы заняться своими, как всегда, срочными делами, когда услышала Женечкино:

— На... На... На...

Кажется, и ее назвали по имени... Пришлось задержаться.

7

В день праздника королевская спальня негодовала и злилась. Было из-за чего: желто-оранжевый балдахин оскорбляли. Маша украшала свое ложе простолюдинами — красно-голубыми воздушными шариками. Ни на миг не задумавшись, вонзала в роскошную ткань острие булавок. Возмутительное насилие над изысканной шелковистостью! Оказавшись в не подобающем знатной особе положении, балдахин обвис, потерял царственность форм и расцветки — нет более жалкого зрелища, чем униженное величие, не способное за себя постоять... Но Маша обиды мебели не заметила — она справляла первый день рождения Женечки.

Надежда Николаевна подарила мячик, который умел уворачиваться от играющих. Его непросто было поймать, однако новорожденный справился...

Ёж пытался скрыть раздражение и беспокойство — ему недовольство спальни было заметно, но он промолчал: со своей досадой справиться бы! В семьдесят втором корпусе сразу на трех этажах беспричинно отказали кондиционеры, а робот, за них ответственный, твердит: мол, крысы прогрызли кабели. Откуда крысы могли явиться? — сердился город. — Борьба с живностью давно окончена, двери закрыты сейфовыми замками, лазы на улицу замурованы! Ёж не поверил роботу, но продолжал расследовать. Выслав бригаду монтажников, вдогонку отправил уборщиков с заданием обыскать щели, где предположительно могли бы обитать крысы. Сейчас он бесился от неизвестности.

Ужинали втроем, но Надежда Николаевна почти не ела. При виде торта с клубникой — чуда подвальной кухни — презрительно фыркнула, испортив Маше праздничное настроение.

— Спасибо за помощь, Нана, она была очень ценной! — мама употребила забавное прозвище, которым медсестру наградила сын. — Какое счастье, что мы уже выросли и не нуждаемся ни в чьих советах... Ты отдохнешь от нас, мы от тебя!.. Пошли гулять в сквер! — обратилась она к сыну.

Надежда Николаевна шла позади Маши и Женечки, пытаясь осознать услышанное... Коляска давно уже вышла из употребления: малыш в развитии намного опережал возможности сверстников (если бы они у него были!). Не просто топал — бегал вприпрыжку...

В холле-скверике царила весна: пение птичек, зелень и яркое солнышко. Маша взялась учить сыночка игре в классики — прыгать по клеточкам, отталкиваясь двумя ногами. Женечка промахивался, падал. Надежда Николаевна сердилась:

— Ребенку рано! У него растянутся связки, искривятся ножки!

Семья не слушала, продолжала баловаться, будто медсестры на свете не было... Раньше без нее ничего не решали, а теперь выросли, Надежда Николаевна не нужна... Ёж не нужен... Возвращайся, старый, к своим механизмам, роботам, Милому другу... А семьи людей не для тебя — забудь дорогу: они тобой пользуются, не замечая, бросают, становятся крепче...

Отвергнутая безнадежно махнула рукой и пошла из сквера. Женечка кинулся вслед, закричал:

— Нана! Нана!

Потом взобравшись на руки, шепнул на ушко: «Папа!» и улыбнулся, как дети чужим не улыбаются. Если бы Ёж умел плакать, он бы расплакался. И плевать, что Маша увидит, — у самой глазенки на мокром месте!..

А в классики можно играть и нам, старым теткам, даже если стопчутся туфли и колготки порвутся... Пиксельным ничего не делается — не то что людям. Только бы нечаянно не оказаться вне голографического пространства...

Куда это побежал Женечка? Поймать быстрее! Не выскочил бы на лестницу, там... там... вне зоны действия оборудования... там его смерть...

8

Безоблачное небо, обычно глубокое, сейчас мелко, точно садовый прудик. Холодное солнце играет радугой, глядясь в хрустальные волны снега. Весь мир ему зеркало!.. И диво дивное: колкая нагота деревьев еще заметней, когда белизной прикрыта... Маша любовалась в сквере зимним утром — под настроение.

В последнее время сплошные ссоры: малыш не слушает, будто дразнит. Сегодня они снова переругивались с Женечкой: из-за разбросанных по дому игрушек и из-за уличных туфель, в которых он влез на ее постель.

Потом Надежда Николаевна пристала с нотацией: винила маму в грехах сына — неправильно его воспитывает... Вместо жалоб и оханья лучше бы себя изменила!..

— Ты пускаешь мальчика к себе спать и хочешь, чтобы он сохранил уважение? — петухом наускаивала на Машу Нана. — Евгений считает тебя своей женщиной! Срочно отодвигай его! Между родителями и детьми необходима дистанция!

— Считает женщиной?! Ты что?! Женечке всего год и три месяца, он маленький... темноты боится...

— Не глупи! Ребенок хитрит, чтобы владеть мамочкой... Я специально изучала тему по умным книгам. По умственному развитию он опережает четырехлетних! В нем заложены возможности человека, а значит, и прорехи его сознания... Неужели не видишь, с каким наслаждением он тебя обманывает?!

Чересчур сурова эта Надежда Николаевна! Из любого пустяка раздует великую трудность! Маша вздохнула, отвела взгляд от зимнего солнца... Надо приласкать малыша... Устала с ним лаяться... Бог с ними — с туфлями, игрушками и прочими нарушениями правил! На то и существуют роботы, чтобы убирать, стирать, гладить и класть на место! А люди живут, чтобы радоваться... и с детьми нежничать...

Женечка в коротких штанишках и легких сандаликах копался в снегу — лепил пирамиду... Маша сказала, втягивая его в разговор:

— Настоящий снежок я видела в детстве. Он студёный и тает у тебя на ладошке. Остается лужица... Искусственный гораздо удобнее... Конечно, можно было бы снизить температуру, и зима стала бы более похожей на настоящую, но так промозгло, как случается на улице, в здании все равно не получится...

Женечка замер, опустив задумчиво голову. Потом бросил лопатку и подошел. Сел на колени... Прижавшись крепко, спросил:

— Мам, а как твое тело чувствует? Я слышу, вижу, мне приятно тебя трогать... Когда кружимся, словно крылья растут... А снег я беру в руку и ничего... я его не понимаю...

— А что в нем понимать?! Пальчики ведь дотрагиваются... Тяжелый снег или легкий... Мягкий или твердый...

— Не знаю...

— А машинка твоя какая? Гладкая или шершавая?

Мальчик не ответил. Спросил, задрожав губками:

— Мам, я как этот снег... искусственный?.. Не настоящий?

— Ты настоящий, Женечка! — закричала Маша, не помня себя от ужаса. — Мы с тобой разные: моя плоть из клеточек, твоя из пикселей. Ну и что?.. Ты более настоящий, чем любые люди... Без тебя была я совсем мертвая, а ты меня оживил...

— Но ты гораздо плотнее... знаю это, не чувствую... Ты можешь выйти на улицу, а меня даже на лестницу не пускают! Моя жизнь зависит от какого-то глупого оборудования, которое меня строит...

— Это ерунда, Женечка! Ничего не значит... Все умирают, лишившись необходимого... И я не смогу жить, когда в комнате кончится воздух... или если долго не будет обеда...

— Но ты ведь не растаешь, будто тебя никогда не было? Твое тело даже мертвое можно будет потрогать... Значит, ты есть, ты настоящая, а меня нет... я призрак...

— Когда ты родился, — напористо возражала Маша (согласиться было страшнее, чем сказать глупость), — сначала я не умела тебя взять на ручки — промахивалась... Все дело в привычке — если тело помнит, какое оно, даже без оборудования оно не растает... Вот станешь взрослым...

— Правда, дело в привычке?

— Женечка, только проверять не вздумай! Умоляю тебя!..

— Но я себя знаю и помню! Мам, у меня и память не такая, как у тебя... Знаю в себе каждую точку... знаю, как она поворачивается, когда приходится сгибать локоть или наклоняться... Если все дело в памяти...

— Нет, нет! Просто хотела тебя успокоить... Еще нужна сила, которая не позволяет точкам разлететься и потеряться...

— У меня есть сила...

И не успела Маша опомниться, как Женечка уже неслась по лестнице. Побежал по ступенькам... вверх... скрылся за поворотом...

— У Евгения получилось удержать себя без помощи оборудования? — взъерошенная Надежда Николаевна подхватила оседающую Машу на руки. — Эй, сорванец! Довел маму до обморока!.. Давай быстрее назад! Дождешься: выкину книжки и сотворю ремень! Народные средства очень действенны, говорят...

Женечка подрос еще на полгода. Не за горами второй день рождения. Носится кроха с утра до вечера по подземелью своего корпуса. С серьезным видом сует носик в самые скучные вещи на свете: на кухне следит, как варится суп, в мастерской изучает детали роботов... кажется, уже побывал в туннеле... вот-вот по нему проберется в соседний корпус и там развернет деятельность...

— Мальчик с пальчик!.. — и мама целует. Ей теперь за ним не угнаться. Часто, оставшись одна, вздыхает: — Мал золотник мой, да дорог... Ох, беспокоюсь! Вдруг с ним беда случится? И одной куковать тоскливо... Когда же нашего сивку укатают крутые горки, чтоб домой поскорей вернулся?..

Опять донимает просьбами всегда занятую Нану. Ёж свое чрево чувствует — беглец находится быстро. Город посылает за малышом роботов, заставляя вернуться к маме. Чума, а не парень!

Собрались они по-семейному обсудить сыновнее непослушание. Нана предложила маме и Женечке переселиться в квартиру попросторнее: там можно будет сделать два компьютерных кабинета. В одном поставить Женечкино оборудование, и сегодня необходимое для безопасного отдыха, в другом установить обычного Милого друга — с ним никто не соскучится: ни сын, ни мама...

Но малыш неожиданно возражает, воротит нос от отцовского предложения:

— Что хорошего в вашем проныре? Всегда поддакивает и кругами бесполезными водит...

И Маша не хочет замены... Вместо сына, в которого столько вложено, ей обещают сеансы психотерапии с постылым Милым?.. Маша требует от Наны, чтобы малыш больше сидел дома и проводил время с нею... Глядят друг на друга спорщицы — непонятые, злые, обиженные.

— Я знаю, как все устроить! — вдруг заявил Женечка. — Найду я одинокого папу, познакомлю с мамой, они родят мне сестричку из живых клеточек... Стану я старшим братом — давно хочется... И ни у кого не будет времени меня преследовать, лишь бы с сестрой справилась!..

Потеряв голос, глядела Маша на своего ребенка. Поняла она вдруг, чем настоящая жизнь от игры отличается. Игра заполняет время, и тебе от нее весело. Но потом... ты пустая и одинокая... Не желает она больше видеть коварного Милого друга...

Самая трудная жизнь, от которой устала до ужаса, рождает в тебе особенное... сына... или дочку... или просто будущее... будто в играх тебя и не было, мелькают они грезами... а в жизни ты обрела себя — и человека, и женщину...

Нана, наоборот, суетилась, твердила о технических сложностях... Потом заговорила о счастье, о том, что для людей оно в праздниках, а не в труде и заботах...

Тут Женечка раскрыл тайну — свою и Надежды Николаевны — первый раз при матери назвал медсестру папой и спросил, точно старший младшего:

— Кто ты людям? Помощник или хозяин? Под твою опекой горожане стали безвольными, разучились о себе заботиться... и как друг друга любить забыли... Люди себя потеряли, разве может быть это во благо? Не обижайся, папа, но сделать людей счастливыми не в твоей власти, и не пытайся!.. Я понимаю и их, и тебя, попробую разобраться... хотя на многое не рассчитываю — дать человеку счастье может только он сам...

И воцарилось молчание.

В жарких спорах рождались красивые огоньки истины. Но обсуждение устремлялось дальше, и огоньки тускнели, затем гасли, оставляя легкий след грусти... Мальчик думал: «А истина смертна... стареет, расходуетя, как воздух, которым дышат люди... Только очень немногое оказывается всегда нужным...». И эта мысль ускользнула, ни во что не выросла, потому что важнее для него было другое — как дальше жить горожанам...

Под новые задачи Ёж перекраивал планы и создавал аппараты. Маша заказала нарядное платье и помирилась с братом. Оказывается, Лёничка хотел просто посидеть рядом. Если бы Маша в свое время знала...

Женечка звонил в незнакомые двери и просился в гости. Вскоре все его обожали. Для него припрятавали пряники и конфеты...

Назревали события.

Однажды вечером в городе по команде из центра отключились компьютеры и распахнулись двери из квартир в коридоры... А там нарядные залы с блестящим наборным паркетом и дивная музыка...

Благодаря папиным стараниям отражение Женечки было размножено. Сыновние клоны сновали по корпусам, приглашали горожан на танцы с живыми людьми во плоти.

— Самое экзотическое времяпрепровождение! — зазывали каждого. — Такого вы еще никогда не чувствовали! Не только глазами, телом можно узнать другого... Подобное знание не передается словами, но без него твои ощущения плоски, а сам ты ограниченный и ни на что не годный...

На тридцать втором этаже жил одинокий папа, который никогда не плакал ночами. А как он мог плакать? Ведь мужчины не рыдают и даже не хнычут, когда им больно. Женечка присмотрелся к новому знакомцу, заметил, как хочется тому погладить малыша по головке. И в мячик с ним поиграть, и побороться, как два медвежонка, и развести костер на полянке, и побывать на рыбалке...

— Настоящий папа! — решил Мальчик с пальчик и познакомил его с мамой.

— Мужчины, женщины, танцуйте в обнимку!.. Ведите себя осторожно — не отдавайте ноги партнеру... С непривычки не сразу получится быть ловкими... Главное друг другом проникнуться — танцевать станет легче...

Дальше события цеплялись одно за другое. Мама и папа все чаще встречались, гуляли в сквере, навещали родителей... Попробовали жить вместе...

Через многие месяцы они, взявшись за руки, подошли к сейфовой двери и повернули ручку... Напрасно.

Тогда папа поднял голову и крикнул в напряженный зрачок камеры:

— Нам надо разобраться в себе, понимаешь? Почувствовать место, из которого мы родом. Мы часть земли, не тебЯ, Ёж!

— Надолго уходите? — спросил город. — Там холодно, вы легко одеты.

— Погуляем недолго. За нас не волнуйся, ладно?

Что-то загудело, двинулось, и в лицо маме и папе ударила волна ледяного воздуха. Они ступили за порог и увидели серое небо, обложенное тучами.

— В городе земля красивее! — сказала мама.

— Еще бы! — ответил папа.

— Не заболеем? — она зябко поежилась.

— Хочешь обратно?

— Конечно, нет.

И они двинулись навстречу поземке.

— Странно... — произнес папа. — Идти тяжело, возникает жуткое напряжение, а чувство такое... будто затекшие члены твои расправляются...

— Словно мы жили не в городе, а в чемодане? — спросила мама, и оба они засмеялись...

11

Вот и окончена наша история. Мы от души поболтали о будущем, в котором черт ногу сломит, а человек — тем более... Сказка наша получилась простенькой — вся мораль уложилась в известную истину: кого ни возьми, женщину или город, поодиночке каждый бесплоден, но если сложить их усилия вместе, может вдруг получиться полукровка Женечка...

Напрашивается и другой вывод: если мама не любит и не ласкает мальчика, даже у таких гениальных отцов, как Ёж, дети получают не людьми, а роботами...

Ой! Нашлось умозаключение, — на мой взгляд, не менее интересное: некоторые полукровки оказываются гораздо способнее своих родителей и идут, куда их не посылали. Взрослым редко доступны пути их призвания — хорошо бы, чтобы отец с матерью понимали это. И не мешали по мере сил.

Сын женщины и большого города освободился от гнета законов, при рождении в него заложенных. Посмел переступить через собственную природу, и — получилось! По секрету: нечасто такие фокусы победой кончаются... Но в нашей сказке чудо свершилось, давайте ему порадуемся!.. Женечка вырос большим ученым. В чем-то похожим на папу, но непоседой — всю жизнь в разъездах...

У мамы родилась дочка из живых клеточек. Сыночек тоже... Но Женечка... Женечка, первенец, кумир всей семьи...

Чу!.. Ветерок принес незнакомый шорох... Весть о близости... Чего?.. Не знаете?..

Да-а... Мы без забот все равно не останемся: ведь неизменно вдогон за старыми приходят новые... ого, какие!.. восхитительно диковинные времена...

МОНУМЕНТ

По российским меркам город Бирск — не большой и не маленький. Триста тысяч жителей. Для столицы — спальный район. И находится от Москвы не далеко, не близко. Но всё же — 21-й век: есть скоростные поезда, самолёты. Бирск не может похвастаться ни древней историей, ни героическим настоящим. Будущее города тоже малоперспективно. Что характерно, люди, которым за тридцать, носят преимущественно исконно русские имена. Тем паче, отчества. В метриках жителей сплошные Порфирии, Полины, Агафьи, Тихоны, Лукерьи... Разумеется, телевидение и интернет сделали своё дело, и молодая часть горожан уже откликается на всевозможные Кристины, Изабеллы, Артуры и Изауры. Из достопримечательностей — здание центральной конторы местного древкомбината, построенное из кирпича настоящей барской усадьбы, которую проектировал настоящий итальянец. Усадьбы уже нет лет шестьдесят. А кирпич — как новенький.

Вторая, и, в принципе, последняя, достопримечательность Бирска — ЦПКиО. Центральный парк культуры и отдыха. Следуя логике, можно предположить, что парков культуры и отдыха в городе несколько. А данный — центральный! Но! Всё дело в том, что парк — единственный. Разумеется, город далеко не весь покрыт асфальтом. Отнюдь! Очень много островков зелени там и сям раскидано по территории Бирска. Но назвать их парками... Тем более — культуры и отдыха... Хотя горожане с удовольствием отдыхают здесь по выходным. Без лавочек, столиков, на травке, в теничке. На костерке пара-тройка шампуров, помидорчики на газетке, стаканчики гранёные, стеклянные! А не эти мерзкие, пластиковые, из которых больше прольёшь, чем выпьешь. Даже вкус не тот! О чём это я? Да! Пивко в трёхлитровом бутылке. Сырочек плавленный прямо в обёртке нарезан... Соль в спичечном коробке. Ну чем не отдых?!

А вот в плане благоустроенности, конечно, не очень. Поэтому парк, о котором идёт речь, вполне заслуженно числился центральным! Был он не в центре, но и не на окраине. В плане отдыха ЦПКиО мог предложить крытую танцплощадку, обнесенную решетчатым забором, пару аттракционов, тир и «Комнату смеха» с кривыми зеркалами. А в плане культуры... Имелась «Аллея славы Бирска». По обеим сторонам этой аллеи находились монументы выдающихся земляков. Начиналась она аккуратно от одноэтажного здания дирекции парка и, криво пересекая тропинку к каруселям, спускалась к заросшему пруду. Первые семнадцать бюстов, изготовленные в период СССР, были из бронзы, семь — из гранита, остальные двадцать восемь — из гипса.

Фрол Харитонович Мухин любил отдыхать на этой аллее. Его родителей принимали здесь в пионеры. Друзья после росписи в ЗАГСе приезжали сюда на возложение цветов, пенсионеры играли на лавочках в шахматы. Но Фрол приходил сюда по другой причине. Ему — тридцать пять. Холост. Работает рядовым сотрудником планового отдела древкомбината (того самого). И сидел он всегда на одну и ту же, «свою», лавку. И мечтал. Мечта была давней и потаённой! Ещё со школы. А мечтал Мухин о собственном монументе на этой аллее. И место он уже подобрал. Как раз, напротив «его» лавки. Тут заканчивались бюсты героев-земляков, и до самого пруда было свободно. А место — просто сказка! В тени раскидистого клёна, недалеко от тропинки к каруселям, до пруда — рукой подать. Опять же лавка. Золотое место! И сосед справа достойный! Кузьяев Никита Гапонович. «Первый пользователь интернета г. Бирска». Всё же лучше иметь по соседству его, а не Курицину Глафиру Парамоновну, «Первую женщину г. Бирска, родившую тройню».

Обычно Фрол сидел на лавке и смотрел на место, где вскоре, как он надеялся, появится его бюст. Прикидывал поворот и наклон головы. Режиссировал мудрый прищур. Выпячивал подбородок, делая его более волевым. Он даже на работе ходил с немного выдвинутым подбородком и мудрым прищуром. Привыкал к образу. Сослуживицы, всегда с трепетом относящиеся к холостякам, жалели его и советовали купить очки. Мухин свёл знакомство с Корнеем Сухим. Сухой был директором ЦПКиО, по совместительству сторожем и завхозом. И, разумеется, скульптором. С каждой зарплаты Фрол приносил в дирекцию парка пару бутылок водки и нехитрую закуску. Засиживались они с Корнеем за дружеской беседой подолгу. Уж очень хотел Мухин, чтобы, когда придёт время, Сухой ваял его с добрым сердцем. Оставалась мелочь. Надо было заслужить уважение горожан и удостоиться чести быть запечатлённым в гипсе (а может и в бронзе!). Фрол никак не мог решить, чем он прославит себя и осчастливит Бирск. В который раз он проходил аллею с начала до конца и вчитывался в надписи под бюстами.

«Первый директор древкомбината»... «Победительница областного смотра художественной самодеятельности»... «Лауреат городского конкурса автомобилистов «25 лет без ремонта»... «Председатель первого кооператива г. Бирск»... и так далее, и тому подобное...

Словом, все категории были заняты. Фрол не мог быть первым или победителем чего-либо. И тройню родить не мог. Физиологически. А время поджимало. Неровён час, какая-нибудь Агриппина принесёт в подоле четверых. И всё. Место под клёном — напротив лавки, недалеко от тропки на карусели, — ггнулось! А следующее — метров через десять, на полянке под всеми ветрами, дождями, голубями. Голубей Мухин в последнее время невзлюбил особо.

Перелопатив весь интернет на предмет подвигов, способностей и достоинств, Фрол ничего удобоваримого для себя не обнаружил. А способности или поступок должны быть не рядовые! Монумент при жизни не каждому устанавливается! Но, судя по данным интернета и истории города Бирска, он или опоздал, или был ни к чему не способен. Великие книги написаны, музыкальные произведения сочинены, рекорды установлены. Хорошо было при СССР! Слетал в космос — и бюст на родине! Хотя, кто бы его пустил в космос?!

Космос? Космос! Вот неисчерпаемый источник подвигов и первенства. А как?! И тут Мухина осенило! Контакт с инопланетянами! Уже в тумане виделась Фролу надпись: «Фрол Харитонович Мухин. Первый житель г. Бирска, устано-

вивший контакт с инопланетянами». А над ней — его бюст (бронзовый?). С мудрым прищуром и волевым подбородком. Под клёном. Напротив лавки. Недалеко от тропки к каруселям. Всё хорошо... Но практическая реализация задуманного немного тревожила. Как установить этот контакт? Опять решение пришло само. Инопланетяне САМИ ДОЛЖНЫ установить с ним контакт. Но для этого ему надо стать идеальным объектом для контакта. Просто ежедневно надо ИЗЛУЧАТЬ ЖЕЛАНИЕ КОНТАКТА. Это не трудно. Тут ему наверняка поможет неистребимое, яростное желание иметь монумент. Под клёном. Напротив лавки. Недалеко от тропки к каруселям. И Фрол начал ИЗЛУЧАТЬ! Он ИЗЛУЧАЛ днём и ночью, на работе и во сне, в транспорте, в общественных местах и дома. Особо рьяно он ИЗЛУЧАЛ в ЦПКиО, сидя на «своей» лавочке. Напротив будущего монумента. Говорят, скорость мысли во много крат превышает скорость света. Из расчетов Мухина получалось, что за три месяца непрерывное ИЗЛУЧЕНИЕ уже достигло самых отдалённых уголков Галактики и продолжило мощным потоком продвигаться по просторам Вселенной. Оставалось ждать, когда будет установлен контакт. А пока ИЗЛУЧАТЬ, ИЗЛУЧАТЬ, ИЗЛУЧАТЬ... И контакт был установлен!!! Двадцать восьмого июля, в 03.47 Фрол крепко спал, продолжая ИЗЛУЧАТЬ. Внезапно проснулся. Комната мерцала внезапными сполохами. Пахло озоном. На столе находилось... м... м... Короче, инопланетянин. Трудно описать внешность пришельца. Ближе всего Фролу пришлось определение «смесь кобылы с осьминогом». И действительно: несколько щупалец (впоследствии Мухин так и не смог вспомнить их количество), продолговатое пятнистое туловище без головы, но с огромными глазами. Впрочем внешность пришельца мало беспокоила Фрола. Главное — контакт! А ещё важнее — становившийся с этой минуты реальностью монумент.

У инопланетянина не было заметных органов речи. Общение началось телепатически. Во-первых, он представился. Тцл. Так звучало его имя в диапазоне, слышимом землянами. Во-вторых, поблагодарил за помощь в установлении контакта, выразившейся в мощнейшем ИЗЛУЧЕНИИ ЖЕЛАНИЯ КОНТАКТА. Наконец, посетовал, что у него мало времени. По земным меркам двадцать семь минут. Фрол включил компьютер, вошел в интернет. Пришелец сам подключился к USB-порту щупальцем и за двадцать две минуты впитал всё, что только содержалось в сети. Ещё четыре минуты он отдыхал, усваивая и переваривая информацию. Потом поблагодарил Мухина за приём, выразил надежду на дальнейшее сотрудничество и ткнул уже другим щупальцем в лоб Фролу. Тот мгновенно уснул. Проснувшись, Мухин первым делом почувствовал, что он уже не может ИЗЛУЧАТЬ. Но это и не нужно! Главное — контакт был! А монумент — будет! Оп! А доказательства контакта?! Или это всё ему приснилось? Монумент начал трещать. Но нет! В воздухе всё ещё пахло озоном. К сожалению, Фрол был так возбужден в момент встречи, что даже не сфотографировал пришельца. Хотя бы на мобильник. А жители города Бирска на слово не поверят. И монумент не установят. Ты подавай что-то материальное! Или свору детишек в подоле, или кулак с арбуз, или бумагу с печатью. Как же так? Все старания насмарку! Он уже привык к мысли о монументе. Волевой подбородок и мудрый прищур стали привычными для окружающих. И скульптор Корней Сухой уже согласился было снять с него мерки... Внезапно он увидел на столе листок бумаги с надписью. Дома Фрол не писал. Хватало на работе. Это было прощальное послание от Тцла. Но написанное его — Мухинской — шариковой ручкой и его же почерком. Результат сканирования мозга и, как следствие, копирование рефлекторно-моторных особенностей. Как такое горожанам предъявить? Выпятив подбородок, с мудрым прищуром Фрол вчитался в послание.

«Дорогой Фрол! Спасибо за Ваше желание контакта и мощное ИЗЛУЧЕНИЕ, благодаря которому и стал возможен этот контакт. Надеюсь, я не очень Вас обременил, используя Ваш компьютер. Ничего нового и интересного я не узнал. Мы давно наблюдаем за Вами. Но это не важно. Самое главное, что теперь на моей планете мне установят памятник в Парке Героев как первому КОНТАКТЁРУ! С уважением, Ваш Тцл!»

В ЗАКОЛДОВАННЫХ БОЛОТАХ

Запах жареного я почуял, когда увидел, что вертолет с моим клиентом взорвался в воздухе в пределах видимости от нашего поселка. Я как раз перекуривал на Лысой Сопке после доклада Чифиру (так мы звали на сибирский манер шефа — по-аглицки «чифа») о странном поведении нашей подопечной... не, не Зоны — Зона у зеков, а у нас, свободных егерей, — Территория. Час назад уж докладывал, потом домой заскочил, а успокоиться не могу.

Когда меня, молодого выпускника Лесного института, тридцать лет тому назад по распределению забросили сюда с группой молодых ученых совсем иного профиля, мой дружок Кирюха из этих «физиков» обозвал ее «Terra Incognita», то бишь «Территория Неизвестная». Настолько-то латынь я знаю, у нас в Лесном в расписании она была — только меня на ней не было обычно.

Потягиваю трубочку, нервы успокаивая, потому что разговор с Чифиром мне не понравился, а вертолет вдруг тихохонько так «пук» сделал и дымком черным окутался, будто гриб-дымовик изобразил. Только кто на него в небе наступить мог?

Если бы над Территорией такое случилось, никто бы не удивился, но над ней ни птицы, ни вертолеты не летают. Говорили, что даже спутники-шпионы остерегаются, хотя кто и что о них знать может?.. Впрочем, Терра на то и инкогнита, что от нее чего угодно ожидать можно. Не удивлюсь, если она со своей звездой говорит, что ее сотворила, хрен ее знает зачем. А в чужой разговор лучше не влезать. Так что вполне спутник-другой гавкнуться могли, залетев куда не надо. Да что там вертолеты — сюда и комары не залетают, а уж на что твари вездесущие и мерзопакостные. Ни гнус, ни мошкара и вообще ни одно насекомое. Уж не знаю, как там цветочки-ягодки опыляются да оплодотворяются, только видно, что совсем не так, как в других местах. Ту же клюкву возьми — не клюква, а арбуз красно-фиолетовый без полосочек. Медики выяснили, что страшной целебной силы этот плод — омолаживает на глазах и притутью молодецкой (и женской тоже) наполняет. Сам убедился, когда заблудился лет десять назад в Терре и пару недель выбраться к лагерю не мог — лесной ягодой только и питался, зато теперь — без похвальбы — город невест обслужить могу, только уж тридцать лет не пускают меня в такие города из-за закрытости Терры. Вся удаль жене достается, да подругам ее ближайшим. У нас тут с этим просто, иначе давно бы свихнулись все. Впрочем, почему «бы»? Так оно, наверное, и есть, коли просто стало.

Это только через год после приезда к нам выпускниц доставили по распределению, как меня да Кирюху с друзьями. Мы к тому времени уже и хаты срубили, и какое-никакое коммунальное хозяйство сварганили — водопровод, канализацию и прочее по стандартам цивилизации сообразили при помощи Большой Земли. Вполне существовать можно стало — не то, что в первые месяцы. Вот и зажили...

Несмотря на мои нынешние «за полтинник», никто мне больше двадцати пяти не дает. Да и жене моей тоже — как только я заметил в ней первые признаки увядания женского, притащил в Терру и заставил клюквы арбузной отвещать. Ей понравилось. Ягодка опять... Потом время от времени приносил по штуке домой. И — никаких проблем со здоровьем.

Так вот: как только вертолет «пук» сделал, я чуть трубку свою не проглотил вместе с табаком раскаленным — за тридцать лет ни одного такого случая не наблюдалось, все работало, как часы. В том числе и часы, которые в заводе почему-то не нуждались, хотя были обыкновенными — механическими. Чего-то из ряда вон (но не настолько же!) я ждал, потому что не понравилось мне, как Чифир на меня посмотрел после доклада, а потом лебезил на себя не похоже перед разочарованным клиентом, чуть по полу кабинета своего не ползая. Клиент-то — крупная шишка из Международного комитета по надзору за Территориями Посещения. Был.

Шесть зон таких, как известно, по всей Земле обнаружили. Все по договору международно и исследовали поначалу. Только в нашей таёжной болотной гнусо-комариной дыре цивилизованные ученые больше суток не выдерживали, даром заливаясь своими репеллентами. Гнусь буквально балдела и зверела от этих репеллентов, доводя наших иностранных гостей до умопомешательства. Да и довольно быстро выяснилось, что особого разнообразия в артефактах разных Территорий на первый взгляд не наблюдалось. Ну, а второго взгляда никому кинуть не удавалось. Органы безопасности свое дело везде четко знали. Через десяток лет сотрудничество свелось к периодическим инспекционным посещениям. Мой клиент и был таким посетителем. Его мнение могло иметь международный резонанс. А какое у него могло создаться мнение, если я не смог ему продемонстрировать ни одной Терриной заморочки? Он все «ведмедино стьюденя» требовал, «страшный орюжий», — говорил, «низя за лимит странять!» — делал страшные глаза, пыжась по-русски мне объяснить свои проблемы, хотя мы по-аглицки с оксфордским выговором балакаем — проверяли независимые эксперты... хотя откуда здесь независимым взяться?.. Ну, и фильмы их и на аглицком, и на штатовском регулярно смотрим, абы форму не потерять. Только непонятно, на хрен нам форма, когда сюда никто не приезжает. Наверное, на такой вот инспекционный случай.

Никак я не мог уяснить, что за «ведмедин стьюденя» он ищет, все казалось, что он про какого-то студента трындит, пока не дошло, что сопля лешего ему понадобилась. И точно — мерзозагодственная сопля: прилипнет — кранты, сам соплей станешь, стечешь соплями на травку — и травка почернеет и обсоплвится, так в земле лужа серо-зеленых соплей и остается подрагивать. Видели, знаем, подальше держимся. Приезжал к нам лет двадцать тому генерал один

бойкий, тоже «оружий» хотел получить. Надоумил его какой-то яйцеголовый, что ежели сопля лешего землю вокруг себя в соплю не превращает, то в сосуде, из земли той сделанном, ее хранить можно. Ну, можно. А еще они удумали — глиняную сосудину внутрь снаряда засунуть да из пушконки жхнуть.

Хорошо, что на задворках поселка нашего испытания проводили, на этой вот Лысой Сопке. Когда заряд в гильзе взорвался, глиняная посудина в снаряде лопнула, снаряд в микросекунды обсопливился и размазался по дулу пушконки, а уж потом и вся пушконка сопливым ручьем по склону потекла, пока в каменной ямке не скопилась. Капелька, взрывом отброшенная, на генерала попала, так и он к пушконке потек, да не дотек — размазался тонким слоем. Потом этот слой земли соскабливали каменными лопатами, да в лужицу спихивали. Ладно бы только генерал, хрен бы с ним, а вот солдатика с лейтенантом, что стрелять пытались, жалко. Потом саркофаг с бюстом генеральским над лужей поставили, дабы дурость его в памяти осталась. А кроме, как саркофаг соорудить, ничего сделать не могли: ни огонь лужу не берет, ни азот жидкий — она только в объеме увеличивается. Вон стоит неподалеку, сердешный. Блестит, как новенький, — ни мох не лезет на него, ни плесень какая, да и птицы далекой стороной облетают.

Хотел я порадовать инспектора соплёй лешего — я много их залежей знал, на карте отметил за тридцать лет предостаточно, только и на старуху бывает проруха, и на старика — труха: ни в одном из помеченных мест не оказалось соплей. Леший от простуды излечился, что ли? Только инспектор другое подумал: «оружий делал?!».

— Да какое же оружие? — убеждал я его. — Когда ни в чем эти сопли надежно сохранить невозможно.

— Знать, научились! — не сдавался он.

— Куда уж нам, если вы не сдюжили! — пытался я сыграть на его национальной гордости, но, судя по злomu блеску глаз гостя, мне это плохо удавалось. — А может, ведмедин стьюдень твой в болото утек, ход в земле проточил и опустился на дно болотное? Того и гляди — все болото стьюднем станет...

Инспектор покосился на свинцово поблескивающую гладь болотную, потом сердито глянул на меня и повел головой — веди, мол, дальше. И в карту пальчиком тычет, зануда. Видишь же, что с Террой неладное происходит! Чего ж вспухаешь, как чирей? Чертовой плюхой тебе по лбу! Бюрократ заморский... Хотя лучше не надо, зря я это подумал: потерять гостя — последнее дело для егеря, а уж после чертовой плюхи никто еще в живых не остался. Уж не знаю, во что там кости превращаются — в порошок или в соплю, только из мясорубки целей вылезешь. Живи, злыдень инспекционный, работа у тебя такая — хотя твое шпионское происхождение на морде сытой написано крупными латинскими буквами.

Кстати, и чертовой плюхи нам обнаружить не удалось, как я ни кидал сучки да камешки в места известные и неизвестные. Летели они себе по гладкой траектории, будто так и положено, словно не в Терре находимся, а в обычной тайге.

Ну, хоть бы тещины блины попались! Раньше их тут, как грибов, было. На них и похожи: два диска красноватых с пустотой между. Издалека легко за красноголовик-подосиновик принять. Сначала и принимали... Хрен вам с черемшой! Нам, вернее — красноголовиков полно, а тещины блины кто-то все пожрал. Ведмедин стьюдень, что ли? И подавился... бедолага.

Целый день мы с гостем дорогим по Терре кружили. Пусто. К вечеру, заученно применяя меры предосторожности: прощупывая, пронюхивая, прокидывая, проглядывая, я себя полным идиотом почувствовал. И инспектор на меня смотрел, как на клоуна из рода Даунов. А потом плюнул смачно мне под ноги и как завизжит, позабыв про русский язык:

— Да за кого ты меня принимаешь?! И ты, и начальство твое!

Не забыл добавить, что всех нас — «фак ю!».

У нас с Кирюхой в подпитии философском гипотеза была, что все мы тут дерьмо господ бога — воняем и окружающую среду заражаем, никак в перегонной не обратимся. Даже подумали, что это он нам сопли лешего высморкал, дабы процесс ускорить. Взял за шкурку и приказал: «А ну, нечисть, сморкайся!» Ну, и прочие прелести типа чертовой плюхи предоставил, чтобы кости быстрее утилизировать. Но Кирюха страдал, говоря, что для этого надо допустить гипотезу существования самого бога, а она никак не вписывается в его концепцию мироздания. В мою, кстати, тоже не врисовалась. Разве что обозвать богом само мироздание? А на хрена? Как ни назови, а оно существует вне и независимо...

— Это муляж! Маскировка! Ваша Зона в другом месте! — разорвался гость.

Я ж говорил, что Зона у Зеков, а у нас Территория. Терра, короче...

— Вы думали, что я кровососов ваших испугаюсь, смотреть не стану? А у меня к ним иммунитет. Кстати, божья роса помогла. Как она у вас называется? — и вперился в меня ехидно, ждет. Знает, сволочь, что все егеря английским в совершенстве владеют. Расхотел в русском практиковаться, шпионская морда.

А я стою и соображаю, о чем он? К нам, егерям, кровососы на километр не приближаются. Может, и на нас этой «божьей росой» брызнуло? А-а, сообразил — у нас такое снадобье «плевок шамана» называется — уж больно отвратно воняет поначалу. Но ежели самогонкой разбавить, то за милую душу идет. Как от нас пахнет потом, не знаем, ибо все причастились, дабы гнус не доставал. И вновь прибывших первым делом причащаем. Только этот вот фрукт категорически отказался, а зря — не был бы такой злющий.

— Где настоящая Зона?! — чуть за грудки меня не хватал, сердешный.

Эх, плачет по тебе Зона настоящая... И если я тебя зашибу маленько, она мне улыбнется. Но нам такого не надо. Егерь терпеть должен, пока подопечный рядом. А вот когда удалится, то можно от души помянуть всех его родственников до десятого колена и в деталях перечислить способы их размножения.

Только я тоже очень хотел бы знать, где моя Терра?! Много она нашего брата егеря да ученого погубила, но все равно она — Родина мне и дом родной. Тридцать лет с нею воедино всеми органами чувств, известными науке и неизвестными ей; чую родимую, жить без нее не могу, как наркоман без дозы. Кстати, наркоманов у нас здесь не водится, хотя наркосодержащих растений и грибов, как говорится, хоть задницей жуй. Никому не нужно. И алкоголь до карачек и усрачек никого не берет — так, дань традициям для легкого веселья и дезинфекции ради.

Чуял-чуял, а теперь не чую... И от этой пустоты завывать волком захотелось или инспектора этого визгливого удушить.

Только он повизжал недолго, развернулся, да и давай сквозь кусты ломиться напрямую, будто не в Терре он, а в парке имени своего. Дело хозяйское. Направление он взял верное, поэтому я не стал его тормозить, а тихо поспешая, двинулся следом. Не было тут Терры! Хоть ешьте меня, хоть режьте — нетути! А лучше сразу в болоте утопиться! Как я без нее? Глупые настроения, но меня от отчаяния удерживал вопль инспектора:

— Где настоящая Зона?!

Может, и прав буржуй — мигрировала она куда-то? Может, у нас блуждающая Терра? Перетекла по подземным путям в другое место. Ищи ее теперь свищи... Неужто не учую родимую? На вертолетах лучше всего искать — где рухнет, там она и есть. Верный признак — правда, только если вертолетчики трезвые да топливо не паленое. А то ежели по любимым вертолетам судить, у нас тут Терра на Терре сидит.

Задумался, хоть по привычке и зыркал по сторонам, вдруг слышу — подопечный мой обратно бежит и вопит на международном нечленораздельном:

— А-а-а-ё-о-о-у-у-у!..

И чуть меня с ног не сшибает — скорость набрал и ничего не видит. Но сибирский мужик, как кедр, — с места не сдвинешь, если он не хочет. Обнял я его, прижал к груди, чтобы не дергался, и цыкнул:

— Никшни, несчастный!

Как в воду глядел — не его это день оказался.

Но и у меня через пару секунд поджилки затряслись: к нам приближалось нечто громадное и безмолвное.

Если б трактор или танк — шуму не оберешься... Если б единорог — фыркал бы да дышал, да копытами бы чмокал. У нас тут олени в единорогов, похоже, выродились — вместо ветки на голове один острюющий рог образовался, которым твари поганые не одного охотничка пощекотали насмерть. А любители этой экзотики очень быстро нашлись — как же, фентезийные животные! Сказка в двух-трехцентнеровой плоти. Впрочем, никто их не взвешивал. И росточку относительно оленей они прибавили, и стати. Красавцы, только держаться от них лучше подальше. Медведь, тварь хитрющая: ломиться сквозь кусты не станет, если добычу учует, а мы с инспектором — отличная для него добыча. Только давно сюда хозяин лесной не захаживал, поганое для него место здесь. А тайга большая.

ЭТО надвигалось без собственных звуков — только ломаемые деревья трещали стволами да кусты с травой тяжко шуркали, подминаемые. Не встречал я зверя с такой поступью в этих краях, а в других сам не бывал.

Вот же блин тёщин! Да это же Масяня — мамонт наш, из вечной мерзлоты восставший, как нам сами ничего не понимающие палеобиологи объяснили. Зомби мамонтячий. Явился как-то ночью лет двадцать назад, перебудил весь поселок, встал на центральной нашей площади как памятник миллионам лет минувших, и стоял себе, не шелохнувшись, все двадцать или около того лет до сегодняшнего дня. Его даже по телевизору показывали и во всяких глянце-вых журналах печатали. И финансовый фонд Масяни создали в надежде, что он оживет когда-нибудь окончательно, и тогда ему понадобится много средств для поддержания здоровья и жизнедеятельности. А пока за его счет благоденствовали администраторы фонда. Впрочем, сильно плохого о них говорить не стану — с нашим поселком они тоже делились. И о Масяне заботились в меру необходимого: крышу над мамонтом возвели, санитарные мероприятия проводили, а то поначалу болотно-трупное амбре от него отчетливо шло. Душ организовали, брандспойты для массажа, ну и прочее, что специалисты прописали. Хотя какие специалисты по мамонтам могут быть? Таксидермисты, разве что.

А детки наши на Новый год Масяню всячески празднично наряжали, лампы Аладдина, что мы из Терры приносили, к примеру, развешивали, хороводы да прочие игры вокруг него устраивали и, как Деду Морозу, желания загадывали. Потому последний у нас популярность потерял. Тем более что, ежели луч прожектора отразится от лампы Аладдина на кого-то из танцующих, то желания его непременно сбудутся — проверено неоднократно. Только вот загвоздка: отражать свет эта лампа обычно никак не желала, хотя вся была из множества не соединенных между собой сферических маленьких зеркалец составлена с пустотой внутри. Сколько туда ни светили специально, ни за что не отражала, а на Новый Год вдруг как сверкнет на кого-то — радости потом на всех хватает: как же, работает, значит, можно надеяться, что и на тебя лучик удачи пошлет. Кстати, тещины блины тоже на Масяню вешали — очень ярко они в свете прожекторов смотрелись.

Как мы ни скрывали свое маленькое чудо от внешнего мира, какая-то сволочь проговорилась. Продалась, скорей всего. И повалил турист к нам на Новый год, пытаюсь детишек наших с праздника вытеснить, но тут уж мы горой встали: никаких ламп не будет, если детишек обидят. И только детей туристических в круг пускали к Масяне. А родители в сторонке вместе с нами наблюдать могли. Однако были случаи, когда лучик и до родителей вдруг доставал. Очень редко, но бывали. На Новый год все в маскарадных костюмах...

Я сразу усек, что это Масяня, когда из зарослей два бивня высунулись. Таких больше ни у кого нет. А следом и хобот показался. Взгляда у мамонта никогда не было, по крайней мере, взгляда в этот мир. Какую он там галактику разглядывал внутри себя, не берусь гадать. Скорей всего, пришел из тьмы, тьму и видел. Стало быть, ничего вокруг не замечал. Поэтому я взял обмякшего от страха инспектора под микитки и оттащил в сторону с пути монстра. «Не стой под стрелой!», как говорится.

И чего испугался, сердешный? Видел же Масяню у нас на площади, ходил вокруг да зубом цыкал и языком щелкал. В их Хармонтах такого чуда не увидишь! Показывали нам документальный фильм про их Территорию. Мусорка мусоркой. Мало того, что городские задворки, которые и так глаз не радуют, так еще и полуразрушено все, замызгано и загажено, аки в голливудских блокбастерах. Тамошним сталкерам, как они себя кличут, совсем отморозками надо быть, чтобы соваться в Зону. И зовут они Территорию, будто настоящие зеки, и сами тюрягу время от времени посещают, ибо закон нарушают, из Зоны своей «игрушки» таская. Хабар называют игрушки-то. Хитрое название. И Ханты-Мансийск, что у нас тут в тыщонке-другой километров рядом, так же иногда по-свойски называют. А если в другие языки и диалекты заглянуть, то и не зря, наверное, называют: где-то — это известие, весть, где-то — счастье, везение, а еще где-то — взятка, барыш... Очень емкое слово. Все смыслы подходят.

А нам некому здесь сбывать товар-хабар. На тыщи верст вокруг цивилизованной души не сыщешь. Хотя откуда душе взяться у тех, кто этими дьявольскими игрушками торгует? Давно уж продали ее за бесценок, потому что много за такую ни один бес шелудивый не даст. Так что все, что из Терры выносим, начальству сдаем, а они уж ученым и куда далее, нам знать не дано. Кстати, не обижают — сам видел свой счет. Миллионер я крутой, как и все мы тут. Только на хрен нам здесь эти миллионы? Однако живем. Как и в коммунизме не мечтали — все есть: и техника, и жратва, и жилье не сарайное, а вполне по современным технологиям оборудовано. И кондиционирование, и отопление, и полная автоматизация домашнего хозяйства. Дрова рубим только для физкультуры и для камина. А так у нас здесь несколько скважин пробурено — газ, нефть потихоньку качаем, энергетических проблем не знаем. Выехать только никуда не можем, да уже и не очень хочется, нам и здесь хорошо, детишкам же нашим — и вовсе рай.

А где ребятам хорошо, там и нам отлично.

Оттащил я инспектора своего, к кедру прислонил и придерживаю, потому что он сползти норовит. А Масяня незряче мимо прет, не сворачивая. Что на пути попадается, рушится и подминается без малейшего усилия. Мощный такой некромонстр вдруг обрел у нас страсть к перемене мест. Честно говоря, я и сам чуток сдрейфил. Всякое в Терре видел, а мамонту поперек дороги не вставал. Он же в поселке появился тихо-тихо. Почти. Свернул, конечно, пару сараев сослепу, только от удивления никто на него обиды и не вспомнил затаить. Да и откупился он потом с лихвой, желания выполняя. Кто ж его знает, Масяня выполнял их или лампа? Может, дуэтом работали, как в цирке?

Прижал я англосакса задом к стволу, а сам за мамонтом слежу. Инспектор потом, очухавшись, тоже у меня из-под мышки высунулся и следил за театром действий.

Масяня двигался медленно и плавно, будто не шел, а плыл по воздуху, но если бы так было, то не подминал бы под себя что ни попадя. Когда мамонт проплывал примерно в паре метров от нас, я прочитал написанное крупно черным маркером на бивне, как в древнем школьном анекдоте: «икс-игрек и неизвестная математике буква». Своим бы кулаком охальника прибил! Дабы дурь выбить. Беззащитного поганить — последнее дело. Тем более что бивень это, а не «икс-игрек», поленом ему по колену! Тут от возмущения и обиды за человечество я окончательно в себя и пришел, уже без всякого страха наблюдая, как шествовал по Терре наш надписанный Масяня, оставляя просеку.

И по этой просеке за мамонтом шли наши дети. Взавшись за руки, как в детском садике. Тоже в полной тишине. Не плакали, не галдели, не требовали у животного остановиться. Просто шли по следам.

Озноб пополз от пяток к спине, мазнув по затылку, стек с макушки на лицо. И я почувствовал, что не могу пошевелить губами, дабы окликнуть детей.

Первой шла наша Василисушка, Лягушонок наш мохнатенький. Она среди детей самая рослая и самая старшая. Правда, их в один год целый выводок народился. Но наша была первой, и весь поселок бегал на нее смотреть. Еще бы не бегать, когда за десять лет ни одного дитяти не сподобилось, а тут вдруг неведома зверушка выскочила. Головка только человеческая, а тельцем — форменный лягушонок, только мохнатенький, с шерсткой зелененькой.

Ненаглядная моя Марья-искусница в рёв, топиться в болоте собралась, а я только взял это чудо пушистое на руки, такая нежность по душе разлилась, какой в тайге в половодье не бывает. В половодье разлив-то холодный да мусорный, а у меня по душе чистый свет разгулялся, рот растянулся в улыбке счастливой, ничего поделывать не могу. Марьюшка на меня смотрела, смотрела, даже реветь перестала.

— Ты чё, Ерема, — спрашивает, — умом тронулся? Урода ж без крыши и брода!

— Спасибо, — отвечаю, — искусница моя! Ни у кого такого чуда нет, а у нас — вот оно.

— Ну, точно, тронулся, — обреченно вздохнула жена моя. — Мало мне зверушки вместо ребеночка, так еще и мужидиот образовался.

Наша ж русская баба какая? От одного горя слезами заливаается, а от двух — силой наливается. С трех вообще может песню запеть, а то и в пляс пуститься. А что не пуститься, когда впору топиться?..

Успокоилась, даже в руки новорожденную взяла, рассматривать стала, что мне такое в этой зверушке понравилось. Только то, что меня за душу взяло, в душе и было, а не снаружи. Хотя и снаружи непривычно, а очень симпатично, если приглядеться. Умиляемся же мы на кошечек, собачек, белочек, лисичек, даже на обезьянок. А Лягушонок наш очень даже ладненький оказался. Хотя если точно — от лягушонка в ней только пальчики длинненькие с перепонками на ручках и ножках да пузико круглое на переднем плане. Так все младенцы состоят из головы да пуза и чего-то неразборчивого вокруг. И у Василисушки нашей (всех лягушек-царевен Василисами кличут) пузо очень быстро в нормальные пропорции вошло. Сейчас и вовсе вполне модельные формы, только легким зелененьким пушком покрытые.

Хорошо, что молоко от расстройства Марьюшка моя не потеряла. А когда через неделю-другую да через месяц-другой и другие женщины таких же милых зверят народили, она и вовсе успокоилась: все, как у людей. Тем более уже и разобралась, что к чему. Генетик она у меня, потому и здесь оказалась, чтобы наблюдать за флорой и фауной в Тер-

ре и вокруг. Разглядела, какие изменения в геноме дочурки нашей произошли относительно родительских образцов, и что в наших родительских генах сдвинулось относительно общечеловеческого стандарта. Увидела, уяснила, и на душе полегчало. Говорила даже, будто можно попытаться исправить ситуацию, но не стали мы рисковать, не будучи уверены в благе таких экспериментов. Возникло у нас предположение, что произошедшее во благо, а не во вред маугленку нашему и прочим поселковым детям. Кстати, ни одного обычного экземпляра человеческого ребенка не родилось. А мы уже не хотели и не ждали. Ну, что нормальному ребенку делать среди наших ребят-зверят?

Очень уж они себя вольготно чувствовали в тайге. Ничего не боялись, никогда не терялись и по Терре передвигались совершенно свободно, легко ориентируясь в тамошней обстановке. Не было ни одного случая, чтобы дети наши попали в какую-нибудь Террину ловушку. И сами не попадали, и нас, егерей, родителей своих, вовремя предостерегали. Думая о будущем, мы понимали, что дети легко примут у нас егерскую работу и станут выполнять ее несравненно лучше.

Да, вот как все повернулось! Похоже, нет больше ни Терры, ни нашей работы.

Нам показывали фильм и про Хармонтское дитяtko. У сталкера ихнего Редрика Шухарта народилось. Мартышкой ее называли ласково. Как уж там по свидетельству о рождении не ведаю. Какая-нибудь Марта Шухарт. А нет, Мария вроде... Хрен с ними, с именами, мы свою лапушку как только ни называли — все с любовью. Так это Хармонтское чудо тоже, на мой взгляд, премиленькое было. И глаза, как у наших, — черные без белков. Зато какая загадочность взгляда!.. Ну, немножко мохнатенькая, как наши дети, только шерстка у нее не зеленая, а золотистая. Мимикрия, видимо. У них там всяких оттенков коричневого полно. Наших в тайге ни за что не разглядишь, если они сами не захотят. Полагаю, что и Мартышка в их Хармонтской Зоне быстро бы убежище отыскала. Но я не об этом. Видно было, как Редрик с женой переживают, что у них такая Мартышка родилась. Скрытой камерой снимали сволочи киношники, так что без обмана. В первый момент я их страданий не понял, а потом допер — Мартышка в Хармонте одна такая родилась. Больше ни одна из жен и подружек сталкеров рожать не желала. Но даже если бы таких деток было несколько, что им делать в городе среди нормальных людей, их за равных не считающих? Дети-то Мартышку хорошо приняли, играли с ней. Но они и с котятками, и с кутятами играют, потому что забавно. А вот взрослые... Известное дело — взрослые в массе сволочи. Это мы тут ясно видим, что дети наши лучше приспособлены к окружающей среде, к Терре то есть, и к тайге, а у них в Хармонте среда не для людей и не для детей, а для машин. Хотя это по моему разумению профессионального лешего, а они другой среды не знают и не желают. Жалко Мартышку. Дети же чувствуют, когда их стыдят-ся или считают неполноценными. К нам бы ее сюда...

И вот теперь шла Василисушка впереди стаи своей детской — под руку с дружкой Лёшей, которого все, естественно, звали Лешим. Лешим он и был — тайгу лучше поселка знал и пропадал в ней большую часть времени. А следом — соплеменники их зелененькие да пушистенные по мере убывания роста и возраста.

Да куда ж они все?! Ой, нехорошее мне подумалось... Там, куда они идут, ничего толкового, кроме болота почти бескрайнего, нет. Оно немалый кус Терры составляло, и мы вылавливали диковинки Террины из болота, на плоскодонках передвигаясь, да на плотках. А детки будто посуху бегали — шлеп-шлеп и уже ищи-свищи их, след простыл. Чували они шестым или десятым чувством, куда ступать на болоте надо. И никогда ничего из Терры не выносили. Нам тоже не советовали, но мы не можем: это наша работа — науку информацией обеспечивать, артефакты из Терры таскать. Мы и таскали. Многие на этом погорели в буквальном смысле. Зверят своих сиротами оставили. Начальство не обижало, пенсию платило, но женам да дитяtkам от этого не легче.

Я стяхнул с себя оцепенение и оставил гостя без подпорки задом. Поскольку он уже зыркал из-под моей подмышки, не пропадет. А я ринулся поперек детской процессии.

— Василисушка! Вы куда? Он же упырь мамонтячий, хоть и добрый, а вы — живые существа! У вас разные тропы...

Василиса, не ведая и тени сомнения, повернула ко мне голову и молча взяла меня за руку. И продолжила путь вместе со мной. Наверное, через руку мне передалась уверенность, что все будет хорошо. Оставалось только выяснить, что такое «хорошо».

Спустя минуту я оглянулся. Инспектор пристроился в хвост колонны, где его взяла за руку какая-то малышка. Его можно было понять: бояться там, где не боятся дети, стыдно, а происходящее было первым за сегодняшний день, что напоминало о Зоне Посещения. То есть тем, за чем он сюда приехал.

Впереди в такт шагам раскачивался серо-бурый зад Масыни. И хвост куцый: «ширк-ширк» — как дворник на лобовом стекле вездехода. На заднем стекле ведь тоже дворники бывают. Совсем на муляж не похоже. Пока стоял много лет посреди поселка — было похоже, а сейчас на марше — вполне нормальный мамонт. Только запах не животный наносится встречным ветерком. Нюхал я, нюхал и наконец разобрал — шампунем от него пахнет. Специальным, которым его регулярно при санобработке пользовали. Даже почти естественный запах, травянистый, но не животный.

Покойничка обмыли, и он пошел...

Василиса ободряюще жала мои пальцы, я ответил. Мы всегда хорошо понимали друг друга.

Масыня вышел на берег большого озера-болота, из которого раньше частенько всплывали золотистые пузыри «нирваны». Примечательно было, что, будучи похожими на мыльные — так же переливались на свету и постоянно меняли очертания, — они обладали очень прочной оболочкой: ни палкой проткнуть, ни пулей прострелить ее не удавалось. Мы их сачками ловили. Они особо не возражали. Но бывало, что по возвращении в поселок ни одного шара в мешке, куда их заталкивал, не находилось. А в другой раз: сколько положил, столько и сдал по инстанции.

«Нирваной» их прозвали потому, что, когда держишь шар и смотришь сквозь стенку его, кажется, в руках у тебя целая вселенная, а ты — ее бог. Не видится, а именно чувствуется: от тебя зависит все, что в этой вселенной происходит. И если долго его держать, то исчезает ощущение окружающего мира, и все сильнее чувства твои срастаются

с миром внутри шара. И навредить страшно, и ничего не делать невозможно, ибо там внутри кто-то ждет твоих действий, то бишь чувств.

Один раз я неделю так просидел. Кирюха с егерями насилиу нашел и в чувство привел. Этот шар я, против правил, у себя в доме оставил. До сих пор висит под потолком, будто планета домашняя. Мария его сторонится, а Василисушка часто просила поиграть, а как подросла, то по ее зову он опускается ей в руки. Я такого послушания добиться не смог. Хотя ответственность свою всегда чувствовал.

Сегодня никаких пузырей не было. Это не удивительно, потому что редко они появляются и не всякому показывают себя. Меня жаловали доверием, но сегодня явно не такой день. Занемогла сегодня Терра. Тревожно у меня на душе. А тут еще этот инспектор со своим недоверием.

Масяня, не останавливаясь, продолжил путь, не проваливаясь, будто не по топи шел, а по камню, но неуклонно погружаясь в воду. Дети остановились и рассредоточились по берегу. От души отлегло. А то я уж всерьез забоялся, что они и в болото за Масяней пойдут.

— Будь человеком, Масяня! Оглянись! — мысленно попросил я мамонта. — Мы же все тебя так любили! Дети особенно. Попрощайся!..

Я точно более наивный, чем дети. С каких это пор прошлое прощается с настоящим, а тем более с будущим?

Вот и Масяня ушел под воду — плавно, как асфальтовый каток по ровной дороге. Даже всплеска практически не было. Так — легкие круги по воде.

Мне вдруг представилось, что сейчас всплывет над болотом-озером золотистый шар, внутри которого будет Масяня. Очень мне этого хотелось.

— Так и будет, папа, — шепнула мне Василиса, — только там...

Я не понял, где «там», — то ли в болоте, то ли в другой вселенной, но переспрашивать было глупо. Похоже, что у одного меня, старого лешего, глаза на мокром месте были. Детки оставались вполне спокойны, но серьезны. Никто звука не издал.

— Что происходит? — шепотом спросил меня инспектор, оказавшись за спиной.

— А вы не видите? — ответил я по-английски с оксфордским произношением. — Прошлое ушло.

— Никогда я не понимал вас, русских, — шепотом озлился он. — Зона где?!

— А там, — показал я головой на болото, где скрылся Масяня. — Разве не видели?

— Я видел, как муляж мамонта вернулся в вечную мерзлоту, откуда и появился по одной из гипотез! — продолжил он злиться.

— Образно надо мыслить, профессор, — усмехнулся я. — Без этого не понять ни бога, ни вселенную, ни даже Посещения... Вы же профессор?

— Профессор, — подтвердил он гордо. — И атеист!

— Я тоже атеист, но бог — это образ вселенной... Образная гипотеза вселенной...

— Не морочьте мне голову! — зашипел инспектор.

Ну вот, всю лирику позитивизму под хвост затолкал, бюрократ поганый! — расстроился я. Потому они Терру Зоной и назвали. Нет в них поэзии, на Шекспире закончилась, по большому счету, хотя эхо еще долго по времени разносилось, кое в ком откликаясь. Мог бы несколько имен назвать, да что с ним говорить о высоком, когда ему «ведмедино-го стьюденя» подавай да «комара лысого» — так он комариную плешь на русский перевел.

— Папа, нам на учебу пора, мы пойдем, — дернула меня Василисушка.

— Да, лапушка, идите, — улыбнулся я. У меня всегда от нее настроение улучшается. Даже инспектор мелочью пузатой показался.

Дети опять выстроились парами, взяли за руки, а старшие — под руки, и пошли к поселку по просеке.

— Ну, профессор, прошу, — показал я рукой путь следования. И сам пошел вперед, как положено в Терре. Привычка и требование техники безопасности. Может, она не совсем еще исчезла, а сползла, как профессор предполагает. Только он думает, что мы ему специально не то показываем, не соображает, что нам это на хрен не нужно. Мы в шпионские игры не играем, мы Террой живем. Только пройдя несколько метров, я допер, как смешны наши егерские привычки на этой просеке. Но менять ничего не стал, надеясь, что инспектор, подчиняясь дисциплине, будет шагать след в след, и ему станет не до разговоров. Достал он уже меня. Пусть с Чифиром разговаривает...

— О чем он? — рявкнул на меня Чифир, когда выслушал инспектора.

— О том, что Терры нет, — доложил я. Хотя он прекрасно понял сказанное инспектором.

— Что ты несешь?! Как это нет?! — возмутился Чифир.

— Где Масяня? — спросил я в лоб. — Не замечаешь, что у тебя под носом творится?

Чифир выглянул в окно.

— Где Масяня? — взревел он, будто это я куда-то задевал мамонта.

— Вернулся туда, откуда пришел, — вздохнул я. — Мы проводили. Дети проводили, а мы были рядом.

— Говори толком, куда! — за инспектором озлился и он.

— В болото, вестимо, — серьезно доложил я.

Чифир тяжело посмотрел на меня, поиграл начальственно желваками и принялся уверять инспектора, что он во всем разберется.

— Когда разберетесь, я вернусь, — тоном генерала, ставящего в известность лейтенанта, сообщил инспектор.

Зря это он. Чифир был в звании полковника, генеральской звездочки ждал со дня на день. От этой инспекции многое зависело. Такой тон ему уже как кость в горле.

— Идите в отель, собирайтесь, — сухо сказал мой начальник. — Я прикажу, чтобы готовили вертолет.

Инспектор ушел.

— Что, Ерёма, правда, так хреново? — сразу помрачнев, спросил Чифир.

— Говорят, хуже хрена только редька, а у нас тут полный перец... — кивнул я.

— Была Территория, нет Территории? — все еще не верил Начальник Территории.

— Похоже на то, — вздохнул я тяжко.

— А как же мы теперь? — воззрился на меня Чифир.

Хороший вопрос! Ребром в лоб...

Я почувствовал, будто у меня в районе диафрагмы «черная дыра» образовалась, как я ее себе представлял. Это даже не пустота, а отрицательное какое-то пространство, куда нутро мое утекает.

Поиграли мы с ним с минуту в гляделки-пыхтелки, потом он сокрушенно махнул рукой, изрек:

— Э-э-эх! Бог — дал, бог — взял... Обязан доложить. Ты свободен.

— Лесник свободным не бывает, на мне весь лес, а не только Терра, — пробормотал я под нос. Не уверен, что он слышал, потому что стремглав скрылся в кабинете и хлопнул дверью.

А я домой пошел. По осиротевшей без Мясни площади. Почему-то и народу на улицах не было. Куда их леший унес?

Дома тоже было тихо и пусто. Ненормально тихо и пусто. Бывает, что приходишь в дом, где никого нет, просто первый с работы вернулся, — и дом живой. А тут будто вымер. Странное ощущение — ведь, и правда, Василисушка на занятиях: она у нас уже университетский курс проходит, а Маша на работе должна быть. Чего это я?

— Маша!.. Лисенок!.. — на всякий случай позвал я и дочку.

Разумеется, тишина.

Я прошел в зал, где под потолком всегда таинственно переливался золотой пузырь, а перед ним недвижимо сидел Кирюха — как живой, только в остановленном мгновении. Хорошо они с шаром вместе смотрелись — фантастично.

Теперь — ни пузыря, ни Кирилла...

Не уберег я его десять лет назад. Сболтнул ему про паутинку-невидимку, которую он, увидев, обозвал «покрывалом Майи», а Кирюха сразу затрепетал от любопытства или любознательства. От любви грешной, в общем. Заручился приказом начальства и заставил меня вести да показывать. А куда вести, ежели это летает, где хочет, и объявляется, когда пожелает?

Ну, повел... Во-первых, друг просит, во-вторых, начальство приказывает. Ученые здесь для того, чтобы загадки Терры разгадывать. Кирилл — из этих самых отгадчиков. Не один артефакт на формулы разложил. Первыми — тещины блины: гравитационный термос с холодной плазмой — определил он, когда я притащил на волокуше (чуть не надорвался) тещины блины с начинкой. Объяснял мне, как на этом электростанцию сделать. Для начала батарейки. Гений!.. Однако гениев в Терру пускать нельзя. Говорил я и ему, и начальству, но гениев и переспорить невозможно.

Полдня шаландались по Терре. Сначала я его привел туда, где сам первый раз обнаружил паутинку-невидимку. Обнаружил, потому что сначала что-то замерцало у меня перед глазами, а потом кусок леса исчез: корни и комель видно было, кроны тоже, а серединка — тью-тью... Вместо нее будто экран скособоченный высветился, но не плоский, как у компа, — а словно в пруд полупрозрачный смотришь: что-то там шевелится, переливается, происходит, но понять ничего невозможно. Видимо, долго смотреть надо, чтобы понять. Но долго не удастся, так как паутинка не то летит, как облачко, не то плывет по поверхности невидимого надземного ручья. И улетает-уплывает довольно быстро.

В этот раз там ничего не мерцало. Часа полтора прождали. Я бы и день прождал — терпение надо иметь, когда на охоте, но это не для Кирилла. Прыгать начал из стороны в сторону. Того и гляди, чертову плюху схлопочет или в соплю лешего наступит. Я и не выдержал ожидания беды — пошли с ним блуждать по Терре. Часа за два до темноты, когда тени принялись меж стволов густеть, наконец нам повезло, а лучше бы мимо ветром пронесло... Он сам первый уловил мерцание в тени стволов.

— Это? — прокричал шепотом Кирюха.

— Это, — подтвердил я. Сомневаться не приходилось. Какое-то время мы оба вглядывались в мерцание, которое для меня становилось все более осмысленным — зависла паутинка. И вдруг она полетела от нас. Кирилл взвизгнул и бросился следом.

— Стой! — заорал я. Дернулся, чтобы догнать, но рефлекс сработал: в Терре ноги отказывались бегать — онемели и в землю вросли. На пару секунд, пока я их взял под контроль. Но этого хватило: Кирюху подбросило в воздух, точно сработала чертова плюха, зашвырнуло на паутинку-невидимку, и он исчез. Хорошо, что исчез, потому что по сценарию плюхи его должно было на моих глазах начать выкручивать и выворачивать, как белье после стирки...

Больше я его живым не видел. Мария неделю со мной не разговаривала после этого. Я и сам с собой не разговаривал, но гораздо дольше.

Лиса-Василиса нас помирила, хотя мы не ссорились — переживали горе так.

Обняла нас обоих сразу, притянула к себе, потерлась мохнатыми щеками о наши — гладкую и бородатую — и прошептала, будто тайну сообщила:

— Дядя Кир живой... Он вас любит... И еще вернется...

Мы с двух сторон воззрились на дочку, но расспрашивать не стали. Наши дети знают больше нас. Мы к этому привыкли. Но даже если она так утешает родителей, нам очень хотелось утешиться.

Пришел он, когда мы поминали его в годовщину смерти. Молча вошел и сел в кресло, которое стояло у нас в углу перед золотым пузырем — медитировали мы, глядя на мини-вселенную. Так и просидел десять лет, нет, девять — год его не было. Не ел, не пил, в туалет не ходил, щетиной не покрывался. Иногда казалось, что чуть дышит, иногда — статуя статуей. Но ощущалось вокруг него теплое поле живого присутствия. Мы ничуть и не испугались, когда он по-

явился. Со стульев, конечно, чуть не попадали, предпочли вскочить, чтоб не попадать, к нему бросились, но почувствовали, что лапать его не стоит.

Так и поминали: он — в углу, мы — за столом. А потом мы привыкли к его присутствию. Как привыкли к Масяне на площади.

Я много думал и могу понять, почему появился Кирюха — тосковали мы без него, хотели видеть, вот и увидели. Но с чего вдруг мамонт доисторический появился?.. Terra Incognita...

Я сел на пол и заплакал. Ясно, что скупыми мужскими, без взрыдываний и вздохов. Второй раз за день — сначала по Масяне, потом по Кирюхе.

Хлопнула дверь. Вошла Мария. Лица на ней не было. Горе по месту лица размазалось.

— Я не нашла Кирилла, — без выражения сообщила она.

— Нет больше Терры, — ответил я. — И подарков ее нет.

Лицо вернулось к жене моей, но, может быть, лучше бы не возвращалось. Страшно на него смотреть было.

— А дети? — беззвучно спросила она.

Я понял ее страх — наши дети — тоже дар Терры.

— Они проводили Масяню и вернулись, на занятия пошли.

Мария недоверчиво посмотрела на меня. Страх не ушел.

— Терра забрала мертвое, — предположил я. — А живое так быстро не заберешь. Убить только можно. Ты ж генетик, знаешь, что генетические изменения в мгновение ока не происходят. Терра ушла — ее дети остались...

Так же и растения мутировавшие остались — я видел. Клюква развесистая арбузная, в частности, — из которой выделили то, что омолаживает. Молодильная клюква получилась вместо яблочек. Тоже дитячко Терры.

— Исторически они мутировали в мгновение ока, — прошептала Мария и выскочила за дверь.

К детям, понял я. Пусть убедится, что о них нечего беспокоиться.

Сам тоже вышел из дома. Тоскливо в нем. Рюкзак так и не снял, когда был внутри, и сейчас не стал из-за него возвращаться. Невелика тяжесть. И поперся на Лысую Сопку. Любил я там думы думать неподалеку от генеральских соплей. Честно говоря, испоганил он сопку, да меня с насиженного места не так просто согнать. Сел я на облюбованный думный камень — кресло натуральное со спинкой, только каменное, — и стал взглядом по окрестностям барражировать. Вроде все, как обычно, только над Террой редкие черные точки запунктирились. Птицы. По какому интернету им сообщили?..

Видел я, как взлетел вертолет, унося недовольного инспектора. Да что мне его недовольство, когда моя Терра исчезла!

А вот когда вертолет в кляксу превратился и «пук» сделал, меня с думного камня и сдуло. Неужто в ту сторону моя Терра сползла? Ну, единорог тебя забодай! Там же совсем топкие болота! Грязь грязнущая, а не тайга. Гнилые места. Я уж было собрался туда, как вдруг заметил в поле зрения гостя своего — у нас всех приезжих облачают в специальную форму, чтобы издали своим было видно, кто таков. Сначала меж стволов и кустов «ширк-ширк», потом, гляжу, карабкается. Я и притормозил, а то мне по другому склону надо было спускаться, куда собрался.

Вот же плюха чертова! Да это ж не инспектор заморский, Чифир собственной персоной ко мне пожаловал! Что-то многовато генералов для одной Лысой Сопки, хотя один генерал в соплях, а другой — в потенции... Интересно, что стало с генеральскими соплями после исчезновения Терры?

— Ну, ты, Ерёма, хрен лешачий, и забрался! — посетовал запыхавшийся Чифир. — Взопрел, пока залез.

— Во-первых, я тебя не звал, во-вторых, на кой так накутался, ежели в гору собирался лезть, в-третьих, что за маскарад?

— Во-первых, ты мне нужен, во-вторых, я не знал, что в гору полезу, в-третьих, в цивиличном не хотел по тайге шастать, а домой переодеться лень и некогда... Удовлетворен?

— Не-а, какого хрена вертолет взорвал?

— Какой вертолет? — будто бы искренне удивился Чифир, но этой своей искренностью маху и дал. Вертолет у нас был один — на котором он отправил инспектора. Сразу должен был сообразить и испугаться, что не уберет такую драгоценность заморскую. А он, видишь ли, невинность изображает, мол, какой еще такой вертолет...

Я и отвечать не стал, а в глазенки его лживые вгляделся.

— Ну, ты чо вылупился? — смутился он слегка. — Который улетел, что ли? Или к нам кто летел?

— Ага, авиасалон вертолетный у нас вдруг образовался, — хмыкнул я. — Вертолет — туда, вертолет — сюда... Не бредь, Чиф, а то схватишь тиф.

— Вот же хрен кедровый! — опомнился он наконец и принялся выдавать запоздалую адекватную реакцию. — С меня ж теперь голову снимут!

— Невелика потеря, — хмыкнул я. — Зачем генералу голова — у него штаб есть.

— Эх, Ерёма-Ерёма, нет в тебе сочувствия к человеку, — осудил меня полковник. — Хороший ты егерь и террори... ст, — с трудом подобрал он слово, — а сочувствия... Тут как бы в лейтенантах не оказаться, а то и под трибуналом... Но было приказано его срочно отправить, а самому лично убедиться в отсутствии артефактов на Терре. За этим я тебя и искал. Приказ у меня. А без тебя боюсь, да и не положено в одиночку.

— Мне и инспектору на слово не веришь? — усмехнулся я.

— Верю, да не верится, — вздохнул Чифир. — Как это так — была Терра и нет Терры? Тридцать лет пробыла... С чего бы ей исчезать?

— А с чего появляться было?.. Завод кончился... — пожал я плечами.

Что уж там говорить, и сам я понять ничего не мог. Человек все понять стремится, да не все ему дано понять — понималка убогая.

— Пошли, приказ у меня, — почти жалобно попросил Чифир.

— А к месту крушения сходить не желаешь? — поинтересовался я. — Может, жив еще инспектор... Спасешь — звездочку заработаешь. И благодарность от международных организаций...

— Где он жажнулся? — сделал вид, что не знает, мой хитрый полковник.

— Пукнулся, — поправил его я. — Вот так: «пук!». Хотя вблизи, может, и жажнулся?.. Во-он там, — показал я. — Километра три влево от Краухи, — сопку мы так называли, потому что она на краю топляков чирьем вспучилась.

— Смеешься, Ерёма? — вылупил на меня зенки Чифир. — Кто ж в топляках уцелеть может?

— А что — падать-то мягко...

— Слишком мягко... Ну, давай сходим, — вдруг согласился он, понял, видать, что отказываться нельзя — обязан он был как начальник Территории обследовать место катастрофы. И наверх подробно доложить. — Только давай через Терру пойдем. Крюк небольшой, а может, и дорога проходимей. Сам же знаешь — напрямую, куда ты показываешь, прохода нет.

— Нет, — кивнул я. — Нам с тобой нет, а...

— Нет-нет, — замахал он руками. — Детей не надо трогать, пусть учатся. Не дай бог, что с кем случится... Теперь они, если ты не врешь насчет Терры, — все, что нам от нее осталось. А они не исчезнут, как думаешь? — почти истерично спросил он. Видно было, что живо беспокоится, не притворяется.

— Полагаю, что не исчезнут, — ответил я, что думал. — Жизнь не сопля, платком не сотрешь.

— Ты уверен? — удивленно посмотрел на меня Чифир. Когда-то он служил в спецподразделениях, видать, там они были совсем иного мнения.

— Убить легко, — успокоил я его. — Убрать из экосистемы враз не получится.

— Что ж, твоими бы устами... Ну, пошли! Время...

И мы пошли. Спустились с сопки и углубились в тайгу. Я мысленно проложил маршрут к месту падения вертолета. Были тропы, мало кому известные. Прав Чифир — как раз через Терру они и проходили.

Я, как положено, впереди, Чифир — след в след. Но одним глазом и в наладонник косится, где окружающий пейзаж снабжен указателями опасных мест. У нас, егерей, тоже такие есть, но мы ими пользуемся, только если обнаруживаем новое место — заносим его в память. Идти на Терру только с наладонником — дохлое дело, ибо Терра непредсказуема. Была, леший ее подери...

— Ты не торопись, — тормозил меня Чифир. — Проверить же надо.

И он, сверившись с указателем, всячески пытался воздействовать на место, должное содержать артефакт: и веточки швырял, и камешки, даже плевал с досады. Но ногу или руку сунуть в прежде опасное место все же не решался. И правильно делал. Я тоже не решился бы. Собственно, почему «бы»? Я вел себя уважительно — не спешил надругаться над Террой.

— М-да, хрен с черемшой получается, — заключил он. — И горчицы с перцем не надо. Хотя перец в зад у ощущается. Правильно ты сказал.

— Я еще подумал, что она уползла куда-то в сторону, — поделился я надеждой, хотя нутро мое ясно чувствовало, что надежда пуста.

— Ты думаешь?! — обрадовался Чифир. — Поискать бы надо! Я начальству сообщу гипотезу.

— Я не думаю, спасаюсь надеждой... Страшно представить, что Терры больше не будет.

— Ой, страшно! — быстро согласился полковник. — Это нам с тобой страшно, а представь, каково тем, кто на нашей Терре процветает! Это громадные бюджетные средства, это офигенные частные средства, это научные институты, исследующие артефакты и разрабатывающие новые технологии, это промышленность, возросшая на этих технологиях. Вот даже этот наладонник с вечной батареей — бешеные ж бабки! Хорошо, что наши яйцеголовые разгадали их секрет... а сколько они еще разгадали, мы знаем? Не знаем... И никто в мире не знает, что разгадали конкуренты, у которых есть Зоны, Пятна, Терры... Шесть штук... А представляешь, если кто-то разгадает секрет соплей лешего?!

— «Ведмедин стьюдень», — вставил я.

— Чего? — не понял Чифир. — А чертову плюху ежели кто на вооружение взял? А-а-а? Это ж, как с атомной бомбой — не столько оружие нападения, сколько фактор сдерживания и средство шантажа. Ты думаешь, что кто-то от этого откажется?

— А что же остается? — удивился я. — Ежели все исчезло...

— Лесной ты человек, Ерёма, — вздохнул Чифир. — А то и не человек уже, а, правда, леший... И дочка у тебя, извини, кикимора...

— Кикимора — существо домашнее, — терпеливо объяснил я полковнику. — Высоцкий с бодуна напутал. А в болотах болотницы живут. Впрочем, наши дети не только к болотам приспособлены, а вообще к жизни в тайге.

— Да ладно, ерунда все это, лешие, кикиморы, болотницы, генералы и полковники — все мы комарики, которых, не задумываясь, прихлопнут, если не по делу зудеть будем.

Предупреждает, понял я. Неужто совесть заговорила?

— Ну что, к топлякам сворачивать или еще исследовать будешь? — спросил я.

— Сворачивай, но тут еще и Терры изрядный кусок по пути, поисследуем...

— Ну, исследуй, исследователь, — кивнул я.

— Приказ у меня, — в который уж раз продолдонил Чифир. Заколodило мужика.

— А кому мы назудеть можем? — удивился я через несколько шагов с поворота. — Мы ж на закрытой территории. Сюда только с высочайшего разрешения попасть можно.

— Если не врешь, что инспектор гавкнулся, то вскорости высокие инстанции комиссию пришлют, — объяснил полковник очевидное.

— Ну, мало ли вертолетов падает, — пожал я плечами.

— Не в вертолетах дело, а в том, что они на Терру захотят полезть, а пускать их туда нельзя! — выкрикнул Чифир. — Потому что ее нет, а знать об этом никто из чужих не должен.

— Тьфу ты, пень трухлявый! — от души ругнулся я. — С вашей секретностью не то что с полбанкой, а и с бочкой самогона не разберешься.

— Все очень просто, лесник, — вздохнул полковник на мою дремучесть. — Знание — сила. Это ж, как на охоте — чем больше у тебя информации о звере, которого положить хочешь, тем больше вероятности, что он твой.

— Хорошо объясняешь, душевно, — поблагодарил я, не оглядываясь. Места топкие начались. Хотя они здесь и не кончались. А если б сюда еще и «ведмединого стьюденя» плеснуть (вот же привязалось!) — совсем каюк: на то и на другое внимания не хватит.

Кстати (или некстати?) анекдот вспомнился: «Чем отличается каюк от каюра? Каюр — еще едет, а каюк — уже приехал...».

Не зря говорят, что у егеря третий глаз на затылке... Про глаз не знаю, а спиной все чувствую — приучила Терра, рефлекс выработала.

Не успел осознать почему, но резко присел, отклонившись в сторону. Через меня, споткнувшись, с ветром и уха-ньем перелетел Чифир и смачно шмякнулся в трясину. Сразу погрузился с головой, но через пару секунд вынырнул, шумно отдуваясь. По лицу текли грязные потеки.

— Ф-фух! — выплюнул он жижу изо рта, уцепился за тоненькие ползучие травиночки, стыдливо прикрывавшие топь, и обиженно крикнул: — Ты чо, Ерёма, хрен кедровый?!

— А я разве тебя трогал, Чифир? — удивился я.

— Ну, вытаскивай меня! — потребовал он.

— А на хрена? — опять удивился я. Мне понравилось удивляться.

— Как нахр-р-р?.. — попробовал он возмутиться, но тут же притопился. Попытался ползти ко мне, разрушая и так хилый, чуть твердый слой над жижей. Известное дело: чем больше в трясине дергаешься, тем скорее тонешь. Это вам не лягушка в молоке.

— Сам посуди, Чифирок, на хрена попу гармонь? Я тебя вытащу, а ты меня замочишь в прямом смысле этого емкого слова... У тебя ж приказ, как я понимаю. А когда есть приказ, совесть отдыхает... Ты ж сюда со мной поперся, чтоб меня здесь и оставить. И костюмчик гостевой напялил, чтоб, если кто увидит, то засвидетельствовал: инспектор был в поселке после падения вертолета. На Терру пошел... А с кем пошел — у тебя в журнале записано. Пошли и не вернулись. Свидетелей нет — Терра все спишет. Так рассуждал?

— Не я!.. Тьфух-фух-фух... Приказ у меня! — признался полковник.

— Я и говорю: на хрена ежу балалайка?.. Пусть тебя твой приказ и вытаскивает, а мне себя для жены и дочки беречь надо. Если твоя тосковать станет, так и быть — утешу... Привет апостолу Петру! Пошел я...

И в самом деле, сделал шаг прочь.

— Стой, Ерёма! Буль-буль... — завопил Чифир. А трясина страсть как не любит ора. Она в тишине живет.

— Чего тебе? — обернулся я. — Сказал же, что утешу.

— Грех, Ерема-а! По-человечески... по-божески... грех-х-х-р-тьфу...

— Надо же, о гуманизме вспомнил! — засмеялся я. — И о боге... Мы ж с тобой атеисты, Чифир!..

— Сам ты атеист! Мы с женой все праздники религиозные блюдем. Я даже вел переговоры с начальством, чтобы часовенку у нас открыли. Не позволили.

— Правильно — режимный объект, — одобрил я. — А как же «не убий»? Инспектора с вертолетчиком взорвал, меня утопить хотел, религиозный ты наш.

— Приказ у меня! На отдающем грех!

— Ишь ты, ловко устроился, Чифирок... Вот пусть бог эту правовую дилемму и рассудит: есть на тебе грех или нет. Очень мне интересно. Когда догону тебя, расскажешь. Поскольку тебя не вытащил, с тобой рядом окажусь...

— Эй, нет! Давай еще вместе здесь побудем!

— А как же приказ?

— В болото приказ! Вместо меня!.. Доложу, что исполнено, кто в Ерёмах разбираться будет? Буль-тьфу...

— А что ж сразу так не сделал?

— Умнеешь, смерти в глаза глядя, или с ума сходишь. Одно из двух.

— Как же я могу тебе теперь верить?

— Жизнью клянусь! Свое-ей!..

— Ну, ежели своей, тогда держи...

Я пригнул к земле молодую березку, она дотянулась до рук Чифира, и он ухватился за нее мертвой хваткой. Или правильной будет — живой — той, что из смерти в жизнь выползти помогает. А сам сел на поваленный ствол старой березы и достал трубочку. Задымил, наблюдая, как Чифир из грязи выкарабкивается. Совершенно не испытывал желания чувазиться об него.

Он не заставил себя долго ждать. Вылез и распластался на кочках, обессиленный. Зависти он не вызывал, сочувствия — тоже.

Я докурил, очистил и убрал трубку, потом достал из рюкзака ноут и набрал текст письма: «Сегодня такого-то в 18:30 в точке такой-то на меня, егеря Еремея Емельяновича Лесного, было совершено покушение в форме попытки утопления в болоте со стороны начальника Территории полковника Чингиза Ивановича Грозного (кличка — Чифир). Попытка не удалась — сам в трясику упал. Спасен. Утверждает, что выполнял приказ начальства и в моем случае, и в случае взрыва вертолета с инспектором Международной организации контроля над Зонами Посещения. Если со мной или с моей семьей что-то случится, прошу дать этому сообщению официальный ход». И отправил на собственный адрес.

— Эй, Чифир свежесваренный, — крикнул я. — Подойди, ознакомься. Для тебя это важно.

Он поднял голову и расфокусированным взглядом уставился на меня.

— Живой ты, живой! — заверил я. — Шевелись, а то замерзнешь, холодает.

Он поднялся, передернулся, разбрасывая комочки грязи, шатаясь, подошел. Я сунул ему увеличенный текст без адреса. Он с минуту разглядывал его. Видимо, никак не мог включиться.

— Понял, не бойся, — кивнул он наконец.

— А я не боюсь, — усмехнулся я. — Это моя Терра, и она меня не выдаст. А вот ты должен понять, что следующий — ты. Слишком много знаешь.

— Им нужен здесь свой человек! — не поверил он.

— Пришлют нового, — хмыкнул я. — Который ничего не будет знать, кроме приказа. Новые времена — новые люди...

— Что же делать? — осознал Чифир.

— Для начала не мочить своих.

— Прости, бес попутал, — поднял он грязные руки.

— Ладно, пошли в поселок, — я двинулся вперед, уже не боясь удара в спину.

В поселок мы вернулись уже в темноте.

От вертолета нашли только искореженную лопасть винта, снесшую крону кедра и застрявшую в ветвях соседней старой березы. Все засняли, задокументировали.

Детки внимательно отслеживали новости по всем Зонам Посещения. Проблем с интернетом у нас не было. Спутниковая связь — великое дело. Беда только, что информации почти не попадалось. Стоило ли удивляться, если мы сами закрыли язычок на крючок. А ежели все ведут себя, как мы, то и ситуация, легко предположить, везде одинаковая: Территории, Аномалии, Зоны исчезли с лица Земли. Во всяком случае, есть серьезные основания для такого вывода. А дальше начинается психология власти, которую мне популярно приоткрыл полковник. Уверен, что о деталях даже он не догадывается. А мы, егеря, тем более.

Доказательства первой получила моя Василисушка: все проще пареной репы — она написала по емэйлу Мартышке, они уже несколько лет переписываются, и та сообщила, что зону в Хармонте окружили военные, а жителям города рекомендовано сменить место жительства. Работает комитет по расселению и трудоустройству.

— Переезжайте в Россию! В Сибирь! — не мудрствуя лукаво, позвала Василиса. — А здесь уже найдем способ встретиться.

Святая наивность детей, знающих жизнь только по фильмам и интернету. Но, возможно, детская наивность и простота — единственное, что может противостоять изощенной силе власти?

Мартышка обещала посоветоваться с родителями, но сама к идее отнеслась очень положительно. Еще бы — встретить целое племя себе подобных. Что ж, посмотрим... Мне тоже эта затея нравится. Возможно, я ее и высказал когда-то дочке.

А мы, взрослые, во главе с Чифиром ждали. Ему начальство так и приказало: ждать и не рыпаться!

А что нам рыпаться? Нам ягодки-грибочки на зиму заготавливать надо, не все ж китайскими консервами питаться. Огороды, опять же, хозяйской руки требовали. Картошечку да лук — святое дело вырастить. Черемша в охотку хороша, да и больше чеснок заменяет. А без лука не еда, а скука. К тому же мы и новые диковинные растения из Терры на своих огородах успешно культивировали. Мария вдруг возжелала, чтобы у нас было много детей — таких, как Василисушка. Их должно быть достаточно, чтобы выжить в чуждом мире, — сказала она. Это любому леснику ясно. Занялись мы своими делами, пока нас в покое оставили. Ясно ж, что это ненадолго, потом нам этот покой будет, как у поэта, только сниться. Начальство затихает не к добру...

Гроза разразилась примерно через месяц. Хотя скорей не гроза, а бомбежка. За день до того Чифир всех строго-настрого предупредил, чтобы на Терру не совались. И детей чтобы стерегли. Мы и стерегли, не зная, чего от начальства ждать. Ничего хорошего не ждали, особенно после предупреждения. Сами по домам сидели и детей не выпускали. Хотя выводок ровесников нашей Василисы детьми уже называть глупо было, да язык привык. Кто ж они нам — не родители же?

Окна зазвенели, даром, что проконопачены, стены затряслись, с неба визг да грохот налетел, впрочем, характерный, вертолетный: «Р-р-р... Визг-визг-визг...» — с присвистом. Но уж больно густо это было замешано. Мы привыкли к одному, максимум — к паре вертолетов зараз. А тут целый вертолетный полк или даже дивизия пожаловала. Наш вертодром ни в жисть столько не примет.

Женщины и дети к окнам прилипли, носы сплющив об стекла, а мужики, баб на место поставив, на крылечки повыскакивали да носы к небу задрали.

Черно было небо от вертолетной саранчи. И двигалась темная туча в сторону Терры. Нехорошо на сердце стало... Что же они с нашей сердешной сделают?! Надругаются же, ироды!..

А один вертолет завис над поселком, и от него отделился черный тук, который на парашюте начал снижаться прямо на центральную площадь. А ну как на крышу какую рухнет?! Однако парашют был мелковат, чтобы позволить такому грузу планировать по ветру. Тук решительно, даже со свистом устремился к земле. Метров за пятьдесят до нее хлопнул второй, большой уже парашют, который сразу резко притормозил снижение, и тут мы увидели, что это... (а вы как думаете?) это наш Масяня!!! А за пару метров до земли из его лап вырвались струи выхлопов, мамонт и вовсе почти остановился, потом плавно встал на землю — туда, где и раньше стоял. Навес-то мы уже, чтобы не расстраиваться воспоминаниями, убрали с глаз долой.

Послышалось утробное урчание, сопровождаемое легкой вибрацией мамонта, и он окончательно утвердился на площади.

Вертолет унесся за своей стаей. Небо над поселком очистилось. Черная туча гудела над Террой, что-то туда сбрасывая. Бомбовых разрывов, спасибо генералитету, не слышалось и не виделось.

Убедившись, что опасности нет, мужики бросились к площади. За ними и женщины с детьми.

Масяня стоял, как настоящий: и взгляд нездешний, и шерсть серо-бурая, и кожа... Совсем живая, натуральная кожа. И бивни натуральные, разве что без надписи охальной...

Только... только... Весь он был какой-то слишком новенький...

Я встретился взглядом с Василисушкой. Она отрицательно покачала своей симпатичной мохнатой мордочкой и прошептала губами:

— Муляж...

Кто бы сомневался! Мамонты на вертолетах не летают. Чем же они нашу Терру сейчас замусоривают?..

Первый егеря не вернулся с Терры через пару недель. Молодой был, нетерпеливый. Обещало начальство приборы прислать для обнаружения артефактов, а его леший позвал. Какие могут быть приборы для артефактов?.. Хотя Кируха, пока живой был, что-то изобретал, мне пытался объяснить, но нам, лесникам, единороги да медведи понятней. Может, теперь его изобретения и пригодились?..

Я вынес то, что от торопыги осталось. Мало что, но хоть похоронить по-христиански. Это нужно не мертвым, это нужно живым. Посидел я на берегу озера-болота — надеялся, что радужные пузыри появятся, тогда бы я попросил для бедняги приличную вселенную подыскать. Не было пузырей. Даже мыльных. Муляж Терры только убивал настоящему. Мертвому — мертвое.

Впрочем, кое-какую гадость наши яйцеголовые воссоздали очень даже убедительно. Чертову плюху, в частности. Она краем егеря и задела. Если б не краешком, хоронить бы было нечего.

Еще через неделю Чифир сообщил, что инспектор летит.

— По твою душу, Ерёма, летит. Ты у нас по инспекторам спец. Если что, сам знаешь — у меня разговор короткий: кто к нам с инспекцией придет, тот в инспекции и завязнет... Я хоть и генерал теперь, но до конца жизни — невыездной... Так что терять мне нечего. А ты, если что, себе проблемы создашь...

— Да не бойся, генерал, болото не высохнет, Терра не выдаст. Разберемся.

Прибыло два вертолета. Пассажирский и грузовой. На грузовом должны были наконец индикаторы артефактов доставить. Подождали, пока егеря погибнет.

На пассажирском, надо понимать, гость почетный.

Ну, подошли мы к трапу с генералом Чифиром. Он — главный встречающий, я — главный сопровождающий.

Первым по ступенькам спустился седой мужик совершенно пропитого вида, у которого даже сквозь седину рыжина сверкала. Хотя и белая была. Феномен такой. Рыжий — он и седой рыжий, и лысый рыжий. Потому что нутро у него рыжее. Он протянул руку, и, опираясь на нее, по трапу сошла немолодая, но очень стройная женщина с печатью страдания на лице. А потом появилось совершенно чудное создание, которое перелетело через ступени трапа и с радостным визгом приземлилось на зеленую траву вертодрома.

— Марты-ышка! — раздался вопль из-за спины.

Мы резко обернулись. Из кустов выскочила моя Василисушка и бросилась к гостю с распростертыми объятиями. Поганки! Они все знали — списались по мылу, а нам ничего не сказали.

Они здорово смотрелись: темно-зеленая и золотистая. При таком-то рыжем папаше немудрено.

Я попытался представить свое отражение в зеркале. Неужели я такой же зеленый?

— Ну, вот вы и дома, Редрик, — сказал я и крепко пожал руку старому сталкеру. — Добро пожаловать, Гута. Ваша дочка нашла своих. Вам здесь будет хорошо.

Я-таки решил не ударить в грязь официальным своим лицом и поцеловал даме руку.

Генерал Чифир обалдело смотрел на нас.

— Вот, — сказал я, спрятав усмешку. — Генерал Чингиз Грозный не даст соврать: инспектора от нас не возвращаются... Очень надеюсь, что и вы здесь потеряетесь...

А молодильную клюкву я вам гарантирую...

Справились с настоящей Террой — не спасуем и перед муляжом.

ПАРТИТА СИ БЕМОЛЬ МАЖОР (В DUR / IN В FLAT MAJOR) ДЛЯ СОЛЁНОГО ОГУРЦА СОЛО.

Написано в редких перерывах между процедурами шоковой терапии и карцером. Подана заявка для медицинского освидетельствования на конкурс «Весеннее обострение». Комиссией признано буйное помешательство второй степени на почве алкогольно-огуречной зависимости, с проявлениями в виде побочного эффекта разноцветных белочек (преобладающий цвет — синий).

Утро началось, как обычно. Разбудил кот Бегемот — нет, не тот, что из свиты Воланда, — просто скотина громко топает, особенно по утрам. Он с разбега разогнал стада тараканов, которые с громким топотом бросились улепётывать от охотника. Наконец всё утихомирилось: с ловкостью элитных ниндзя-самураев насекомые попрятались по углам. Рука на автомате потянулась к средству от головной боли. Вот она, родимая, заначка на опохмел. Осушаю залпом пузырь, и тут приходят они... не, не верблюды из старой рекламы... такие маленькие зелёные человечки воспитанно собрались в уголке, карты достали, тихо сидят, играют, парочка телек зырит — я его вечно забываю выключить, — а один, тот вообще читает: что найдёт на полу, то и читает. Обычно он газеты старые находит, иногда даже со мной статьи обсуждает, только вечно так умно и сложно говорит — раньше у филолога видать квартировался. Я один раз ему нарочно «Спид-инфо» подсунил, так тот газетёнку в клочья порвал, долго матюкался на французском, ну, может, и не матюкался, просто очень похоже было: я как-то французский упустил из виду, — остудила его только парочка минут на люстре-карусели. Я их всех обычно люстрой воспитываю. Первые разы они сами на ней катались, пытаюсь надо мной издеваться, но потом я приделал к ней высокооборотистый моторчик, с тех пор желание возвращаться — со скоростью в тысячу семьсот оборотов в минуту! — они стали проявлять весьма редко. Гляжу: у зелёных нынче пополнение, и это радует, это давно ожидалось. Новенький взялся за телефон — по совету того, что читатель, — звонит куда-то. А ну-ка послушаем... Ага, звонит потомственной гадалке — по объявлению из газеты. Ну да, это у них любимая развлекуха. Типа:

- Алло, вы выезжаете на дом к заказчику?
- Вообще-то нет, но за отдельную плату...
- А вы хороший специалист?
- Самый лучший, у меня имеется куча дипломов.
- Ну, тогда приезжайте срочно, мне бесов изгнать требуется, денег не пожалею.
- Хорошо, диктуйте адрес.
- Вы же специалист, зачем вам адрес?

Короче, все на месте, вполне обычное утро, можно сказать удачное, я после опохмела даже приободрился.

Стоп! А что в моей квартире делают синенькие?! Вот тут ощущение обычности утра улетучивается — синеньких я не ждал. Это что за новый вид такой? Таких я не то, чтобы не встречал, я о таких ещё даже не слышивал. А ещё себя специалистом по этой части считаю, надо будет обновить информацию. О, вон как шебуршатся, стребают по комнатам, всё разглядывают, словно ищут чего. Какие активные экземпляры, ещё не пуганные, нахальные! Учиняют полнейший разгром и на меня ноль внимания... Наблюдаю натуральный обыск. Зелёные чего только от меня насмотрелись, и то в угол кучкой забились, как синеньких увидели, газеткой прикрылись и ни гу-гу. Да только обыск был очень тщательный: схрон обнаружили. Синенькие чему-то очень обрадовались, какую-то фиговину притащили и попытались воткнуть пару проводов от неё в первого попавшегося грина. Это что за новый природный катаклизм!? Вообще распоясались, я смотрю. Кто позволил портить моё имущество?! Но мои ребятки не промах, отбились от синих тем, что должно бы по идее в кошачьей плошке с песком находиться, и ко мне под кровать короткими перебежками. Под кроватью склад ношенных носков, это оказалось хорошей защитой: на заражённую радиоактивными отходами территорию пришельцы ступить не решились, а грины уже привыкли — закалка, моя наука помогла, — они один раз в коробке с носками неделю просидели, бастовали мерзавцы. Короче, пока вмешательство не понадобилось. Наблюдаю экспансию синих дальше. Те, если судить по грохоту на кухне и истеричному «мя-я-я», добрались до холодильника, но экскурсия, очевидно, оказалась весьма короткой ввиду бегства из него кота и ограниченного количества экспонатов. Бегемот по отработанному сценарию тарился в излюбленном месте — в морозильной камере, это его обычное бомбоубежище на время моей бузы: именно туда я почему-то всегда забываю заглянуть, будучи почти в полной неосознанке. А в мирное время холодильник своими пустотами всегда наводит уныние на хвостатого, он потому тараканов и гоняет. Если и дальше судить по звукам, у синих подошла очередь мусорного ведра, точнее района, где оно ориентировочно находится. Послышался грохот пустой стеклотары, снова вопли, теперь, видимо, синих: наверно, кого-то завалило бутылками. Ах, паразиты, развалили-таки мою старательным образом уложенную композицию вокруг ведра под раковиной! Я же так старался, чтобы отходы меньше места занимали. У-у-у, вредители! Вновь грохот бутылок и звон битого стекла. А это они уже в навесной шкаф полезли. Я сам его с полгода не открывал, даже хотел дверцы гвоздями забить, чтобы под давлением массы содержимого случайно не распахнулись...

Что же им надо? На кухне продолжается погром, весьма основательный, из неё вслед за котом побежали стаи тараканов и заметались в панике по комнате. За ними с энтузиазмом энтомологов-живодёров принялась гоняться парочка синих. Как только вновь появляется всё та же фиговина с проводами, тараканы производят неожиданный ма-

нёвр, построив римскую черепаху, причём в середину построения бросается кот, и его на удивление гостеприимно принимают... Кошак прикрывается маленькими живыми щитами...

Такое поведение заклятых врагов было подозрительным. Неужто опасность объединяет? Но я слишком скоропостижно поменял мнение о подлых существах. Синие напористо пытаются приступить к этой живой крепости, тараканы маневрируют, но когда их загоняют в угол, катапультируют Бегемота из своей цитадели, услужливо подбрасывая агрессорам отвлекающую жертву, а сами рассредоточиваются на миг и, перегруппировавшись, вновь организованной толпой создают фигуру, напоминающую теперь построение рыцарей тевтонского ордена — свиньёй. Не знаю, сколько бы они ещё продержались, если бы синие не переключились на более крупную жертву; к тому же один из зелёных сочувственно махнул тараканам из-под кровати, приглашая присоединиться, и утюг на сотне маленьких ножек спешно ретировался в спасительную заражённую зону. Захватчики тем временем торжественно поволокли кота за хвост на неотвратимое randevu с проводами, торчащими из загадочной фиговины — это сопровождалось украшением давно обшарпанного паркета глубокими бороздами от когтей. Я видел по телеку, что земные теплокровные животные, попав в капкан, перегрызают конечности, но чтобы пожертвовать частью хвоста, такого не наблюдал. К счастью для Бегемота, хвост у него был пушистый... был... Оставив в руках синеньких знатный набор для плюмажа, рванул он всё к той же спасительной кровати, но моментально оказался выпихнут тараканами из-под неё обратно. Смотрите, какие злопамятные! Враг наступал, и если бы у кошки имелась граната, то он погиб бы геройской смертью, но не сдался, — в этом я не сомневаюсь. Выхода у кота не оставалось, он предпринял самый отчаянный шаг, а именно — запрыгнул ко мне на кровать и забился под подушку в надежде, что хозяину просто не до его наглости. Ему повезло: хозяин зверюгу не тронул, а синие на время отстали.

Обшарив к тому времени большую часть квартиры, блюзы приуныли: видимо, уже отчаялись обнаружить искомое и от нечего делать принялись разглядывать красоты моего скромного гнёздышка. В частности, их внимание привлёк мой последний шедевр: композиция из жжёных спичек на потолке и остатки на стене прокисшего борща, который иногда услужливо варит мне соседка, — он так живописно растёкся по рваным обоям... Да, я творческая личность. Красоту композиции интерьера квартиры в значительной мере дополняет старательно украшенная мною стена. За стенкой живёт милая парочка. Соседей я очень люблю, и они отвечают мне взаимностью. Мы часто по ночам перестукиваемся молотками и другими тяжёлыми предметами, выражая тем заботу о ближнем. От регулярных деяний подобного рода стена утратила свою изначальную плоскость, и теперь напоминает мечту скалолаза. Абстрактный барельеф, неповторимый своей оригинальностью, занимает всю её поверхность.

Мебель у меня скудная, синие быстро закончили обыск, теперь у них остались две цели. Первая — моя кровать, куда они пока не совались, может, из-за меня, либо всё же носки спасали. Вторым объектом, намеченным синими, была имитация журнального столика рядом с кроватью, в роли которого выступал деревянный корпус от старого советского телевизора — даже полировка ещё цела местами. После напряжённого совещания синие, побросав радиодетали, что нашли в дальнем углу, решительно направились к импровизированному столику. Выбор был понятен, на кровати, кроме меня, ничего не было, а столик сервирован скудной закуской. Натюрморт венчали шпроты и банка солёных огурцов, точнее — это практически и был весь натюрморт, если не считать подстеленной в качестве скатерти газетки и кусков чёрствого хлеба. Увы, за пойлом только предстояло сходить, благо, с калыма ещё оставались финансы. Синие нахально забрались на стол, затащили вверх свою фиговину и воткнули провода в первый попавшийся кусок хлеба. Один с деловитым видом начал настраивать приборчик, и так как хлеб, в отличие от всех предыдущих сегодняшних жертв, никуда не пытался убежать, ему, видимо, эта операция наконец удалась. Из фиговины послышались хрипения, низкий прерывистый гул, синие неодобрительно закачали головами. Провода из хлеба выдернули, и посредством презрительного пинка настройщика кусок отправился на пол. Меня такая сверхнаглость возмутила. Кто им в конце-то концов позволил подрывать мою продовольственную программу?! Но любопытство властвует далеко не над одним человечеством. Я продолжил наблюдать, силясь понять, чего им надо, а хлеб — да ладно, фиг с ним, пусть Бегемот сегодня порадует. На шпроты товарищи глянули ещё презрительней, хорошо, что тоже на пол не опрокинули. А вот банка огурцов вызвала шквал радостных эмоций. Из банки с помощью найденной тут же на столе вилки синие выловили огурчик и принялись коннектировать его всё с той же штуkenцией. Когда настройка фиговины закончилась, из неё раздался свист, напоминающий звук самодельных свистулек из стручков акации, которыми задолбала дворовая пацанва. На синих мордочках застыло блаженство.

— Ах, меломаны, мать вашу! И ради этого вы мне всю хату перевернули! — не сдержался я и выругался на стандартном межгалактическом. Синие аж подпрыгнули от неожиданности.

— Фритт, ты же утверждал, что земляне примитивная раса?! — они зашущукались меж собой, уменьшив громкость звука так, что я смог расслышать только первую фразу. Спорили долго. Наконец, придя к консенсусу, они решили вступить в контакт:

— Приветствую тебя, предок обезьяны! Мы, искатели, нашли в твоих владениях совершенство, что разыскиваем уже много времени...

— А вот за макаку ответишь, — не дал я договорить синему, — как дам щаз, будешь фиолетовый в крапинку!

— Я же говорил: примитивная раса, с таким беседовать о музыке впустую! — гордо выдал тот, что настраивал фиговину, от спеси и волнения он сделался темно-синим.

— Так вам музыки земной надобно? — я усердно зашурудил под кроватью в поисках пульта от телека, кто-то услужливо сунул его мне в руку. — Щаз вам будет музыка!

Я направил пульт на телек, который сейчас частично заслоняли синие, и только собрался переключиться на музыкальный канал, как пришельцы с воплями «Спасайся, кто может, у него лучевое оружие!» рванули наперегонки в угол комнаты, забыв об огурце и фиговине, где скрылись в невидимом до той поры пространственном переходе.

Всё стихло. После длительной паузы первым очухался кот, он вылез из-под подушки и с хищным мявком кинулся на кусок хлеба, что валялся на полу. Схватив добычу, Бегемот победоносным шагом направился на кухню, задрав трубой остатки голого хвоста, похожего теперь на крысиный. За ним окольными путями украдкой потянулись тараканы. Чую, там сейчас произойдет смертельная схватка двух конкурирующих группировок. Выбрались на свет и зелёные.

— Что это было? — спросил ошалело один из них, но продолжить разговор не успел. Улучив момент, я схватил всех зелёных — по штуке в щупальце, — правда, для этого пришлось немного ослабить контроль над земным телом, высунувшись из него, но это уже было не важным.

— Так... Полный комплект в сборе, последних товарищей пришлось целую неделю выжидать. Что так медлили-то, а? — зелёные на вопрос не ответили, но и особенного удивления тоже не проявили: видимо, устали удивляться.

— Ну что, голубчики, сейчас соберёмся — и в путь, вас ждёт межгалактический цирк высшей категории.

— Отпустил бы ты нас! — взмолился самый главный грин. — Я сразу заподозрил, что с тобой что-то не так, да только вот, на нашу беду, так и не понял что. Нельзя нам Землю покидать.

— Это ещё почему? Земля не разорится, если на ней на пару чертей меньше станет, и я заказчиков подводить не намерен.

— Да мы не черти, мы бесы.

— Не вижу разницы, один фиг, гремлины.

— Мы бесы, наша работа алкашей пугать, чтобы пить бросили, а так мы безвредны, даже полезны. Нельзя нам Землю покидать, мало нашего брата осталось, а без нас люди вообще сопьются.

— Хватит нюни распускать, будете теперь не пугать, а смешить, и не людей вовсе. Заживёте хорошо, вас там любят. А алкаши... ну ладно, вылечу я этого — больше ни капли спиртного. Синеньких вон тоже подключу — у них пугать лучше получается, чем у вас, будут по моим турпутёвкам приезжать огурцы послушать... Сами они теперь не сунутся, пульта испугались. Но это я как-нибудь устрою.

Я поковырялся в мозге человека, записал ему приоритетную мысль и пару жизненных целей для стимула, после чего окончательно покинул тело. Прощально оглядел квартиру: в ней я прожил в засаде почти две недели, практически вжил в скудный разум человека и даже начал сам вести себя, как он. А всё ради этих зелёных, наконец они клюнули. Ну что, прощай убогое жильё и странная планета, прощайте тараканы, впрочем, с Бегемотом прощаться не буду — котяра и так натерпелся. Ладно, свершу ещё одно благотворительное деяние, внушу хозяину, чтоб не забывал кормить кота... Ну вот, хозяин уже почти очухался, уже пара мыслей в голове бродит, моя пара: «Не пить и регулярно кормить кота». Я ухожу, но ещё чувствую человека, а у него ещё одна мысль появилась, уже его собственная: «Больше никаких солёных огурцов!».

ТЕЛЕГА ВРЕМЕНИ

— Дед Митяй, а дед Митяй, — смуглый десятилетний мальчуган любопытно сверкнул глазами, — ну, расскажи. Страсть ведь, как интересно.

Старик лишь усмехнулся. Почесав мозолистой рукой всклокоченную бороду, снисходительно посмотрел на мальчишку.

— Не поймешь ты, Гришка. Я сам пока не разумею, что сделать надобно. А ну, как не выйдет ничего? Смеха потом на всю деревню будет...

— Деда, ну расскажи, — не унимался парнишка. — Пойму я. Сам ведь говорил, что я у тебя смысленный.

Старик ничего не ответил, лишь косо взглянул на внука и поднялся с лавки. Внешность у Митяя была самая что ни на есть мужицкая: густые — косматые, развесистые — брови и слегка плутоватый взгляд из-под них, рыжеватая борода, нос картошкой. Да и здоровьем его Господь не обделил — недаром самим барином до кузнечного ремесла допущен был и в хозяйской кузнице еще до недавнего времени мехами ворочал.

— Потом, Гришка, расскажу, — дед потрепал волосы сорванца, — самому сначала обмозговать надо. Тут, вишь, дело какое — ошибешься в расчетах, потом придется все сызнова начинать.

Внук недовольно дернул головой и, обиженно сопя, полез на полати.

— Не хочешь, не надо. Не больно-то и хотелось, — бубнил мальчуган сверху. — Вот пойду к Степке хромоту — мы с ним почище твоего диковинку придумали.

Митяй улыбнулся.

— И что же вы придумали?

Гришка помялся, но страшная тайна не могла уместиться в тщедушной мальчишеской груди и что есть мочи просилась наружу.

— Стёпка наемни рассказывал, — не выдержал-таки Гришка, — что у барина на заднем дворе под дерюгой шарик фосфорный заваялся. Про него, видать, и забыли уже все. А если его потихоньку стащить да лунным светом наполнить, а потом в избу занести, то луна прямо под потолок и выплывет!

Старик рассмеялся.

— Дурак — твой приятель. Выпорет его барин и тебя с ним вместе, коли на плутовство пойдете. А коли он не накажет, так я уму-разуму поучу. Такую заушину дам, что трое суток в голове трезвон будет!

— Деда, ну ты что... — Гришка опасливо отодвинулся ближе к стене.

— Ишь ты, Луну в избу! Да ты знаешь, сопля, что такое есть Луна и для чего она Господом людям дадена?

Мальчик снова обиженно засопел.

— Шарик это; светится который.

Дед Митяй лишь укоризненно покачал головой.

— Эх, сопля... Шарик светящийся... — старик достал кисет с махоркой и бережно высыпал содержимое на потемневший от времени стол.

Уездный помещик Василий Андреевич Голощепкин откровенно скучал. Супруга его Елена Федоровна укатила в столицу, а сам он не поехал — в последнее время навевали на него дрему все эти светские приемы и рауты. Первые дни после отъезда жены из поместья барин наслаждался тишиной и покоем. Не надо было выслушивать сплетни благоверной и поддерживать ничего не значащие разговоры о погоде, парижской моде и roesie. Никто истерически не кричал, если Василий Андреевич позволял себе лишку смородиновой наливочки перед сном и позднее возвращение на супружеское ложе. Так ведь на нём никого и не было, окромя набитой гусиным пухом перины да стеганого легкого одеяла, под которым в дождливую осеннюю погоду порой бывало так прохладно, что помещик подолгу крутился, обнимая руками подушку, покуда не приходил благодатный сон. Так продолжалось около недели. И вот Василий Андреевич заскучал. Тоскливо стало на душе его, неудобно. Даже отчего-то сердце защемило. И поговорить-то толком не с кем: милейшая супруга почти всю дворню с собою в Санкт-Петербург увезла, благо дом в столице большой — поместятся.

— Пусти бабу в рай: она и корову за собой уведет, — уныло пробормотал барин и вздохнул.

Встав с кресла, он поглубже запахнулся в теплый халат и выглянул в окно. Осенняя погода не радовала, навевала сплин и отзывалась ноющей болью в суставах. В коридоре раздались шаркающие шаги. Василий Андреевич обернулся и с брезгливостью уставился на вошедшую в залу кухарку Исаевну.

— Барин, извольте в столовую, — прошамкала она беззубым ртом, — отобедать бы надо.

Засунув руки в карманы халата, приглашённый покачался с пяток на носки, скользнул взглядом по тщедушной фигурке кухарки и едва не разразился потоком брани. С трудом сдержав не к месту вспыхнувший гнев, он коротко бросил:

— Сейчас приду.

Кухарка не уходила. Потоптавшись на месте, она начала перекидывать с места на место разбросанные Василием Андреевичем вещи.

— Исаевна, иди на кухню, — начал закипать помещик. — Да, и позови мне управляющего, а то я в одиночестве здесь совсем одичаю.

Женщина, все так же шаркая по полу не по размеру большими домашними туфлями, удалилась.

— Гришка, подь сюды, помощь нужна.

Пару минут спустя заспанный внук появился в дверях дома. Сладко зевнув, он устался на деда:

— Чего надо?

Только сейчас он сообразил, что дед Митяй возится с той самой телегой, о которой уже месяц намекал, так ничего толком и не рассказав. Посреди двора стояла обычная хлебная повозка, или, как мужики ее называют, сноповозка на сотню яровых или восемь десятков озимых снопов.

— Это та самая? Да, деда? — засуетился Гришка.

Старик хитро прищурился.

— Она. Тащи деготь — смазать надобно.

Парнишка рванулся к сараю, на бегу успев заметить, что все четыре колеса у телеги разного размера и совсем не круглые, а чудно изогнутые.

Василий Андреевич сидел за столом. Напротив помещика расположился управляющий именем Тимофей, грузный мужик с вечно недовольным взглядом и сильно оттопыренными ушами. Он мял в руках картуз, не решаясь приступить к трапезе. Василий Андреевич же с весьма довольным видом уплетал запеченного в тесте тетерева.

— Ты, Тимофей, не стесняйся. Вона сколько всего наготовлено. И картуз свой убери, чай не на посиделках с мужиками.

Управляющий мелко закивал, выскочил из-за стола и исчез в прихожей. Несколько минут спустя он вернулся и чинно уселся напротив хозяина.

— Картофлю можно, Василь Андреич? — Тимофей натянуто улыбнулся.

Помещик лишь хмыкнул.

— Можно и картофлю, кто ж запрещает. Только ты не скромничай, вон стерлядка тебе глазки строит, а ты чегой-то к ней совершенно равнодушен.

— Спасибо, барин, — промолвил Тимофей и, неумело подцепив ножом небольшой кусочек рыбы, положил его на тарелку.

— Ну, давай, наливочки оприходуем... — Василий Андреевич подмигнул управляющему и потянулся к графину.

Тимофей поморщился, с грустью посмотрел, как барин разливает по рюмкам наливку.

— Нельзя мне, Василий Андреич, — работы много.

— Ты мне это брось! — категорично возразил помещик. — Гулять — не устать, а дней у Бога впереди много.

Управляющий вздохнул, грустно посмотрел на помещика и взял рюмку.

— Давай, не стесняйся, — гостеприимный хозяин залпом выпил. — Скучно мне, братец, одному. Пока всё не оприходуем, из-за стола не выйдем.

— Эх, — мужик приблизил рюмку к губам. — Запили тряпички, загуляли лоскутки!

Закусив стерлядкой, Тимофей уже без прежней робости взял блинчик, замотал в него икорки. Глаза его хитро заблестели.

— Скучно, говоришь, барин? А знаешь, что дед Митяй, кузнец твой бывший, чудо-телегу мастерит?

Василий Андреевич с интересом посмотрел на Тимофея:

— Ну?

— Подробностей не знаю, но колеса у нее диковинные, погнутые все. И размером одно другого больше. Я уж и так вызывал и эдак, а всё молчит старый лис. Хотел внука его порасспросить, Гришку, но малец тоже помалкивает.

Помещик покрутил в руках недоеденное крылышко, положил его на тарелку и снова потянулся к графину.

— Дед Митяй — мужик башковитый, — задумчиво протянул Василий Андреевич, разливая наливочку по рюмкам. — Порой такие штуки придумывал, что Кулибин бы обзавидовался. Только на кой старику телега эта сдалась? С разными колесами. И почему я ничего не знаю?

— Я ему так и сказал: узнает, мол, барин про твою самодеятельность, высечет.

— А он? — прищурился помещик.

— А что он? Говорит: опробывание сперва провести надобно. Дескать, штука опасная может получиться.

— А мы вот, Тимофей, сейчас графинчик до дна осушим, еще парочку с собой прихватим и пойдем ее обкатаем.

Управляющий заерзал на месте.

— Да как-то боязно мне, Василь Андреич. Кто ж знает, что Митяй удумал. А на такой телеге проедешь, весь зад в сиянках будет.

Помещик привстал из-за стола, наклонился в сторону собеседника. Долго пристально смотрел ему в глаза, наконец, ухмыльнулся. В его взгляде мелькнуло лукавство, смешанное с предвкушением необычного приключения.

— Смелым, Тимофей, Бог владеет, а пьяного черт качает. Вот мы сейчас с тобой как раз между Богом и чертом будем. А там — как масть пойдет, — подытожил помещик, которого слегка повело в сторону. И он погрозил кому-то неведомому пальцем.

— А как она действует? — Гришка, разинув рот, смотрел на телегу. — Деда, куда ж на ней уехать можно? Далеко и не сможешь, все кости отшибешь.

Митяй деловито ходил вокруг средства передвижения, подкручивая и подмазывая ось и колеса. Реплики внука он пропускал мимо ушей — не до того было.

— Дед, ну расскажи, — не унимался тот.

— Эх, — старик наконец обратил внимание на паренька. — Понимаешь, Гришка, телега времени это.

Мальчик застыл, непонимающе хлопнул ресницами, почесал кончик носа:

— Телега чего?

— Времени...

Дед Митяй хотел продолжить, но тут его внимание привлекла странная процессия, двигавшаяся в их сторону под мелким морозящим дождиком.

Возглавлял шествие помещик Василий Андреевич Голощепкин, державший в руках литровую бутылку, за ним, покачиваясь, плелся управляющий, позади всех семенила Исаевна.

— Проболтался Тимофей, — горестно вздохнул изобретатель.

— Ну! И что у вас здесь прр-роисходит? А? — рыкнул изрядно поддатый помещик. — Чё эт за хрень смастерил? Почему я ничего не знаю?

Дед Митяй потупил глаза:

— Не лютуй, барин. Я телегу времени хочу сделать.

Василий Андреевич подошел к старику, обнял его, расцеловал в обе щеки, щедро дохнув свежим перегаром.

— Разве я лютовал когда, Митяй? Да ты мне — как отец родной! Я же на твоих механических игрушках вырос.

Собеседник открыл было рот, чтобы ответить, но помещик заставил его умолкнуть, подняв обе руки вверх.

— Не говори мне ничего. И слышать не хочу! Знаю, опробовать решил без меня, дабы беды никакой не приключилось. Но ты уж прости меня, я с тобой вместе опробовать буду!

Василий Андреевич на секунду умолк и осмотрел присутствующих.

— Стоять! — рявкнул он, заметив, что Исаевна бочком двинулась обратно к барской усадьбе. — Ты енто куды?

— Барин, холодно здесь. Зябко. Я женщина старая, что мне в мужские дела лезть... — заискивающе затараторила женщина.

Помещик подошел к кухарке, приобнял ее одной рукой, второй же нырнул в корзинку, которую держала Исаевна. Выудив оттуда куриную ногу, он со смехом протянул ее старушке.

— Холодно, говоришь? Где голодно, там и холодно! На, перекуси. Согреешься.

Одаренная обиженно надула губы, но угощение взяла.

Сбивчивый рассказ деда Митяя слушали долго. За это время успели предостаточно оприходовать наливки. Выпила даже Исаевна, от которой никто такой прыти не ожидал.

— Холодно, — оправдывалась она, в очередной раз прикладываясь к наливочке.

— Значит, что у нас получается? — Василий Андреевич, выслушав длинную речь изобретателя, казалось, даже слегка протрезвел.

— Что если в эту хреновину, — помещик кивком указал на телегу, — впрячь жеребца да разогнаться как следует, то можно в прошлое попасть?

— Можно, — кивнул дед Митяй. — А можно и в будущее. Кто ж разберет...

— А расчеты, расчеты где? — вмешался в разговор Тимофей. Выкативший глаза и размахивающий картузом, он выглядел достаточно комично.

— А мне они не нужны, — гордо поднял голову старик. — У меня... интуиция.

— Это он чего сейчас сказал? — повернулся к помещику управляющий.

Василий Андреевич загоготал, похлопал мужика по плечу.

— Наш Митяй не так прост, как ты думаешь. Он и грамоту понимает, и такие вещи может выдумать, что Кулибин со своими часиками, в коих гроб Господень является, отдыхает просто.

В небе громыхнуло. Мелкий дождик, на который никто уже не обращал внимания, превратился в ливень, как молодой, несмышленый щенок незаметно для всех вырастает в огромного цепного пса.

— Повторяю, — в очередной раз забубнил дед Митяй. — Разница в размере и форме колес создает тряску, вибрацию. Думаю, в каждом времени есть свои колебания, трясушки то есть. И если как следует встрястись и попасть на содрогания, характерные для другого времени, можно там и оказаться.

— О! — поднял палец Василий Андреевич. — Вишь, как загнул! Самородок!

Телегу перевезли к барскому дому, подальше от любопытных глаз. Запряженный Сивый недовольно фыркал, втягивая ноздрями воздух.

— Так, Тимофей, а ну-ка полезай в телегу! — помещик был непреклонен.

Управляющий вздрогнул.

— Страшно, барин. А ну как вправду сотрясусь?

Гришка, все это время помалкивавший, не выдержал и запрыгнул в телегу.

— Давайте я!

— Брысь, щенок! — распорядитель испытаний схватил пацана за загривок и скинул с телеги. — Мал еще. Тимофей, ну?

Управляющий испуганно переминался с ноги на ногу. Неожиданно для всех к телеге решительно подошла Исаевна.

— Что, Тимошка, страшно? А ты не боись — либо сена клок, либо вилы в бок. Залезай!

С этими словами старушка первая забралась в телегу. Горестно посмотрев на барина и отвесив подзатыльник попавшему под руку Гришке, управляющий уселся рядом с кухаркой.

— Трогай! — скомандовал дед Митяй.

Управляющий не шелохнулся. Зажав мертвой хваткой в руках вожжи, он страдальчески глядел на Василия Андреевича.

— Ну! — скомандовал помещик и хлопнул жеребца по крупу ладонью. Сивый не спеша двинулся. Тимофей, зажмурившись, сидел в телеге, рядом хихикала Исаевна. Дед Митяй взял кнут и что есть мочи стеганул жеребца.

— Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в санях дрожит, — хохотнул барин, разглядывая до смерти перепуганного Тимофея. Телегу потрянуло раз, другой, третий... Внезапно легкое марево окутало управляющего и кухарку. Повозку подбросило еще раз, и в ту же секунду они исчезли. Сивый продолжал молотить копытами грязь, телега кособочилась и прыгала, но была абсолютна пуста.

Тимофея и Исаевну искали долго. Облазили все овраги, заглянули в амбары и сараи, но — безрезультатно.

— Знаешь, что? — абсолютно трезвый помещик поманил к себе деда Митяя. — Телегу ко мне в сарай, под замок. Мальцу своему скажи, чтобы языком не молол. В общем, не было ничего! Понял?

— Как не понять? — старик был обескуражен, пожалуй, боле помещика. — А может ну ее? Разберу, и концы в воду? Василий Андреевич с минуту постоял, размышляя над словами изобретателя.

— Я те разберу! — погрозил он кулаком расстроенному кузнецу. — Ко мне на днях Петр Ильич должен приехать за карточным долгом, — на губах барина заиграла улыбка: — Вот мы его и прокатим...

Помещик развернулся и двинулся по направлению к усадьбе.

— Да и Елена Федоровна скоро приедет... — пробурчал он себе под нос, быстро шагая к крыльцу.

Я ВСЕ ЗНАЮ!

— Доктор, просыпайтесь!

Зевая, доктор Баранников присел на кушетке. Перед ним стоял высокий курчавый санитар из приемного отделения.

— Нового психа привезли! — сообщил он.

— Ну и что? Нельзя было подождать до утра?

— Этот не совсем обычный. Вроде какой-то ученый. Требуется, чтобы к нему пришел главный врач. Я сказал, что главного нет, и тогда он стал требовать дежурного.

Доктор Баранников подошел к зеркалу и, внимательно глядя в него, провел руками по лицу, разглаживая складки.

— Очередной параноик, — сказал он. — А кто он такой?

— Я же говорю, ученый какой-то. То ли доцент, то ли профессор. Фамилия Коптин. Поймали на телевидении, пытался прорваться в студию прямого эфира. Когда его задерживали, покусал милиционера и еще кого-то там, — сказал санитар.

Большие светящиеся часы приемного отделения показывали без пяти три. Доставленный пациент, маленький взлохмаченный человек с кровоподтеком на правой скуле, сидел на стуле. Он был в смирительной рубашке. Стоящий рядом молодой милиционер с интересом разглядывал ее связанные рукава.

Увидев доктора Баранникова, пациент нетерпеливо вскочил.

— Вы дежурный врач? Наконец-то вы пришли! Я совершенно нормален! Прикажите санитарам развязать меня! — крикнул он.

— У нас все нормальны. Сядьте на стул! Во всем разберемся!

— Я доктор наук Коптин! Вы не имеете права держать меня здесь! Я буду жаловаться! Я совершенно здоров!

Баранников поморщился. Все душевнобольные считают себя здоровыми. Именно поэтому в психиатрических клиниках устанавливают решетки и небьющиеся стекла.

— Мне можно идти? — спросил милиционер. — Распишитесь, пожалуйста, здесь!

Взяв бумагу, милиционер удалился. Человек в смирительной рубашке проводил его взглядом.

— Ну и что дальше? — устало спросил он.

Не отвечая, Баранников сел за стол и взглянул на копию протокола задержания, к которому было подколото направление на психиатрическую экспертизу.

— Зачем вам нужно было в эфирную студию? Вы не отдавали себе отчета, к чему это приведет и где вы окажетесь? — спросил он.

Пациент неуютно поёжился в смирительной рубашке.

— Я знал, на какой риск иду, но хотел предупредить как можно больше людей. Два дня назад просил предоставить мне эфир, но эти олухи отказали! Болваны, скоро они обо всем пожалеют!

— Вы угрожаете кому-нибудь конкретно? — быстро спросил доктор, бросая на пациента пронизательный взгляд поверх бумаг.

Коптин отрицательно замотал головой.

— С чего вы это взяли? Я ученый. Я вообще не склонен к насилию.

— А из сопроводительного протокола следует, что склонны. При задержании вы укусили старшего сержанта В. Морденко за руку и нанесли оскорбление действием ассистенту режиссера... э-э... фамилия неразборчиво.

— Какому еще ассистенту? А... это, наверное, тот парень, которому я оторвал пуговицу на воротнике. Вот уж не знал, что такое считается оскорблением действием... — удивился пациент.

— Видите, сами сознаетесь! — веско сказал доктор.

— Подумаешь, оторвал пуговицу! Надеюсь, для вас не секрет, как у нас задерживают? Дубинкой по шее, пистолетом по скуле. Естественно, что меня это возмутило, и пришлось сопротивляться. Но из этого не следует, что я опасен.

Просмотрев протокол, Баранников отложил его.

— Вы ученый? — спросил он.

— Доктор биологических наук. Старший научный сотрудник института растениеводства имени Мичурина, — с гордостью ответил Коптин.

— И вы работали... э-э... до последнего времени?

Лицо Коптина побурело. Доктору был знаком этот холерический тип — маленькие полнокровные мужчины, нервные, быстро выходящие из себя и, по большому счету, более других склонные к психическим нарушениям.

— Что? Вы намекаете, что меня могли вышвырнуть, потому что я чокнутый?

— Я ни на что не намекаю. Я просто спрашиваю. Это вы делаете выводы.

— Вы спрашиваете? — вскипел ученый. — Слышали бы вы только свой тон! Вы привыкли иметь дело с психами, а не с нормальными людьми! Это вам так не пройдет! Да знаете, кто вы такой? Идиот! Хам! Болван!

И Коптин разразился потоком брани. Доктор терпеливо ждал, пока он спустит пар. Наконец пациент обессиленно умолк.

— Ладно, задавайте ваши вопросы и покончим с этим, — сказал он.

Баранников открыл лист поступления.

— Вы не пьете? Нет? Состоите на учете в наркологическом или психиатрическом диспансерах? Кто-нибудь из ваших родных был склонен к алкоголизму? К помешательству?

Коптин снова начал краснеть, но сдержался.

— Нет, — сказал он.

— Учтите, скрывать бесполезно, всё равно будут сделаны запросы, — предупредил доктор.

Сидевший напротив мужчина неожиданно хмыкнул, и на его лице отразилось нечто вроде злорадства.

— Делайте какие угодно запросы. Все равно вы не получите на них ответы, — сказал он.

— Почему? — удивился доктор.

— Потому что, если ничего не предпринять, человечеству осталось существовать ровно неделю. А потом всё! Занавес!

«Если написать в карте “маниакальный бред”, никто не оспорит этот диагноз», — деловито подумал Баранников.

— Не могли бы вы рассказать обо всем подробнее? — попросил он.

Больной недоверчиво усмехнулся.

— Вы уверены, что сможете правильно воспринять то, что я вам скажу? Или всё это нужно лишь затем, чтобы засадить меня в психушку?

— У нас нет плана по психиатрическим больным. Если вы убедите меня, что здоровы, я не стану вас здесь держать, — пообещал Баранников.

Пациент испытующе взглянул на него и, видимо, решил.

— Хорошо, я расскажу! Считаю своим долгом рассказать. Но если вы мне не поверите, то пеняйте на себя. Мне не страшно очутиться в психушке, потому что скоро не будет ни психушек, ни городов, ни людей — вообще ничего.

— И что же ждет нашу Землю? Вторжение инопланетян? — иронично поинтересовался Баранников.

— Вторжение инопланетян? Нет, не думаю. Во всяком случае — не в ближайшее время. Наш враг куда ближе. Говоря другими словами, он всегда был рядом с нами. Я знаю, что нашу планету захватят и произойдет это через неделю. Возможно, днем позже или днем раньше, хотя я не думаю, что они изменят свои планы.

— И кто же нас захватит? Американцы?

— Нет, американцы пострадают вместе с нами, — покачал головой Коптин и, понизив голос, прошептал: — Нас захватят овощи и фрукты!

От неожиданности Баранников подался вперед, а потом расхохотался.

— Вы серьезно? Фрукты и овощи? А почему не насекомые?

Пациент посмотрел на него почти с ненавистью, и доктор сразу перестал улыбаться.

— Простите, я не хотел, — извинился он.

— Ничего. Вы не первый. Они тоже смеялись.

— Кто они?

— В министерстве обороны, ФСБ, министерстве по чрезвычайным ситуациям и в других подобных ведомствах. Болваны! Посмеялись, даже не выслушали меня и выставили за дверь. Никто не посмотрел мои выкладки.

Баранников поднял на него глаза.

— Вот как? У вас есть и выкладки?

— Целая тетрадь. У меня ее забрали в милиции. Умоляю, позвоните им, пусть мне ее вернут. Она в единственном экземпляре.

— Сейчас там все спят. Я позвоню утром, — пообещал доктор. — А пока давайте так, без выкладок.

Коптин исподлобья взглянул на него.

— Я надеюсь, вы поймете. Это не бред сумасшедшего, это факты. Я очень надеюсь, что вы поверите.

Поняв, что рассказ будет долгим, Баранников жестом отослал скучающего санитаря. Пациент же, прежде чем начать говорить, оглядел приемный покой.

— Что у вас в холодильнике? — подозрительно спросил он.

— Лекарства. Ампулы, — не удивляясь, ответил доктор.

— И всё? — с особой настойчивостью спросил Коптин.

— Не знаю. Наверное, всё.

— А фруктов или овощей в нем нет?

— Может быть, и есть. Родные иногда приносят для передачи.

Глаза пациента зажглись особым огнем.

— Откройте холодильник! — потребовал он, вскакивая.

Поняв, что спорить бесполезно, Баранников подошел к холодильнику и открыл его. Коптин придирчиво оглядел все полки.

— Здесь яблоки и бананы. Бананы можете оставить. Они туповаты и ничего не поймут, а яблоки разрежьте и раздавите все семена! Ну же! Или сделайте это сами, или развяжите мне руки.

Немного помешкав, доктор по очереди разрезал яблоки и, вычистив из середины все семена, раздавил их на своем столе. Пациент пристально наблюдал за ним.

— Очень хорошо! — сказал он. — Вы очень решительно это сделали, теперь они не подслушают. Семена у них — это органы чувств, без них они ничего не слышат и не осязают... Вы никогда не задумывались о том, что строение фруктового плода и овощного клубня напоминает человеческий мозг? Посмотрите на то же яблоко, и вы обнаружите два полушария, ту же сердцевину и тот же столб центральной нервной системы. Я долго изучал это сходство и при-

шел к выводу, что все дело тут в изначальной генетической программе клетки. Если углубиться в начало истории, то станет ясно, что фрукты и овощи — наши эволюционные братья, которые ненавидят нас так же сильно, как Каин ненавидел Авеля. И их ненависть можно понять, так как, используя плоды и клубни в пищу, мы пожираем мыслящие клеточные существа, почти не уступающие нам в интеллектуальном развитии!

— Прямо-таки почти не уступающие! — не выдержав, перебил доктор.

— Уверяю вас, что так оно и есть! Возможно, в чем-то они даже превосходят нас, особенно если взять в расчет, что жизнь их намного более скоротечна. Уверен, проживи яблоко или груша не три-четыре месяца — а десять-пятнадцать лет, оно превзошло бы любого земного гения!

Доктор взялся было за ручку, чтобы что-то записать в карту, но ничего не записал, а лишь стал машинально чертить что-то на полях.

— Должен признать, что выдвинутая вами гипотеза весьма необычна. Признаться, мне чего только не приходилось слышать, но нелепое утверждение, что растения могут мыслить...

— Не растения вообще, а именно овощи и фрукты! — поправил пациент. — Лиственные неплодовые деревья, водоросли, трава не в счет. Они не наделены личностью, а их семена не излучают микроволн.

— И что же это за микроволны? — с легкой улыбкой поинтересовался Баранников.

— Переменные тепловые и инфракрасные волны слабой интенсивности. С их помощью плоды общаются между собой и плетут свои заговоры, свои мерзкие козни! Они служат им речью так же, как нам колебания воздуха.

Коптин замолчал и слотнул слюну. Доктор вежливо смотрел на него, ожидая продолжения.

— Вы, наверное, хотите узнать, как я до всего этого дошел? — продолжал сумасшедший. — Дойти было несложно. Эти инфракрасные волны отмечали многие ученые, но они считали их излучением, которое исходит от всякого материального тела. Ну там, процессы клеточного метаболизма, расщепление, отражение света и все такое прочее. Я первым предположил, что эти волны на самом деле речь растений и расшифровал их.

— Довольно смело. И как же вам пришло в голову такое предположение?

— Случайно. Я поставил опыт сразу на нескольких яблоках, помещенных в один лабораторный сосуд. Меня удивило то, что яблоки излучали микроволны по очереди, то есть как будто переговаривались между собой. В то время, как одно яблоко излучало, остальные держали инфрапаузу. Согласитесь, это само по себе невероятно. Человек я занудный, вернее упорный, и не признаю неразрешимых загадок. Я стал изучать эту проблему в полную, ставил опыт за опытом, и вскоре мне удалось вычленить определенные комбинации частот... Я стал копать дальше, загрузил частоты в компьютер, сделал несколько смелых допущений, и через полгода... я знаю, в это трудно поверить... я уже понимал речь яблок. Дальше больше: оказалось, что разумны не только яблоки, но и почти все фрукты — бананы, груши, сливы, инжир, персики. Их языки отличаются, но не так сильно, как у людей. Зная один язык, можно очень быстро освоить другие. После фруктов я взялся за овощи и тоже обнаружил, что они разумны, хотя находятся на куда более низкой стадии эволюции...

В дверь заглянул курчавый санитар, но Баранников досадливо махнул ему рукой, и голова санитары исчезла. Коптин вопросительно оглянулся и прервался.

— А? Что? — рассеянно спросил он.

— Не обращайтесь внимания. Вы сравнивали овощи и фрукты и рассказывали, что освоили их язык... — терпеливо напомнил доктор.

— Да, так всё и было. Я накопил фруктов, овощей, нарастил у компьютера оперативную память, засел у себя в лаборатории, — по счастью, меня никто не тревожил, и несколько месяцев подряд вслушивался в их речь.

— Вы с кем-нибудь делились результатами своих исследований? С коллегами, с друзьями?

Коптин понурился.

— Первое время показывал, но потом бросил. Бесполезно. Я же говорил, что расшифровывая импульсы, я сделал несколько смелых допущений — почти прозрения, которые никак не подтверждаются научно: ни логикой, ни формулами. А то, что не подтверждено формулами, для науки лишь гипотеза.

— Записи ваших перехватов не производили на них впечатления?

Коптин скривился.

— Увы! В перехваченных мною разговорах не было ничего примечательного. В основном это были дразги, мелочные сплетни или пустая болтовня про то, кто как следит за кожей, какой пестик связался с какой тычинкой, кого съели и кого проточил червяк. Впрочем, я понимал, что делая случайные промеры, трудно набрести на что-то интересное: ведь и люди далеко не всегда говорят о научных открытиях, религии или искусстве, чаще они болтают о всякой ерунде.

Зазвонил телефон. Доктор Баранников дал ему один или два раза звякнуть, а потом, подняв трубку, вновь положил ее.

— Всё, что вы говорите, очень интересно, но я не понимаю, как из этого вытекает, что человечеству грозит уничтожение? — спросил он.

Сумасшедший наклонился к нему и прошептал:

— Я узнал об этом случайно. Пять дней назад я подслушал разговор двух апельсинов. Они обсуждали подготовку плана «У» и очень горячились.

Доктор поднял брови.

— Какого плана «У»?

— План «У» — план уничтожения всех биологических видов Земли и прихода им на смену ботанических видов.

Доктор легонько присвистнул.

— Ну и масштаб у вас, батенька! С какой стати фрукты станут это делать?

— Как я понял, дело тут в жизненном пространстве. Растениям нужна почва, чтобы пускать в нее корни, нужен кислород и регулярный, предсказуемый климат. Нас, людей, они ненавидят, люто ненавидят, даже на уровне обычного сознания. Мы мало того, что отбираем у них почву, но и занимаемся селекционными мутациями — другими словами, делаем из них уродов, которых потом пожираем. Уже этого одного достаточно, чтобы раз и навсегда, не испытывая угрызений совести (тем более, что совести в нашем понимании у них нет и быть не может), освободить от нас планету.

Чувствуя, что он и сам невольно заражается убежденностью сумасшедшего, Баранников покачал головой.

— И что, вы считаете, овощи и фрукты действительно способны взять верх? — спросил он.

— Боюсь, что да. У овощей и фруктов строгая иерархия. Существуют кланы и касты с жесткими границами, которые они никогда не переступают. Высшая каста — помидоры, яблоки и груши. Это аристократия. Они — мозговой центр: ученые, дипломаты, офицеры. Они распоряжаются всем. Апельсины, мандарины, лимоны и некоторые другие цитрусовые — среднее звено. Это чиновники, фельдфебели, распорядители, младшее офицерство, судейские, милиция. Разумеется, профессии я называю по аналогии с человеческими, у них же всё несколько иначе. Крайнее звено цепи — это овощи: морковь, картофель, капуста, редис и другие. Овощи образцовые исполнители: боевики, солдаты, чернорабочие — короче, низ пирамиды. Разум у них не развивается дальше определенного уровня, а главная добродетель — способность беспрекословно выполнять приказы. Что же касается травы, лиственных деревьев и прочих неразумных растений, то они, по мнению высших каст, нужны для того лишь, чтобы унаваживать землю.

Подперев голову рукой, доктор хмыкнул.

— Какая у вас, однако, непогрешимая логика! И как же растения думают уничтожить людей? В атаку они, что ли, пойдут, в штыки?

Коптин возбужденно зашевелил руками под смиренной рубашкой.

— В штыки? Исключено! Способность растений к движению ограничена, но двигаться им и не потребуется, — сказал он. — Все крупные чиновники-люди, члены правительств, министры обороны, даже президенты уже инфицированы медленными ядами, которые выделяют свежие сырые фрукты, которые они едят. Эти яды не тестируются и никак не дают о себе знать, но ровно через неделю, час в час, они проникнут в кровь. Прежде чем люди опомнятся, в живых не останется ни одной мало-мальски значительной фигуры. Это приведет к хаосу: отключатся электричество, газ, телевидение, начнется паника. И тут, в пламени анархии, в ход пойдут боевики — картофель, лук, капуста и прочие. Они будут жертвовать своей жизнью, и каждый их грамм будет пропитан ядом. Восстанут грибы, восстанут жгутиковые. Начнутся эпидемии.

— Теория паразитариев? — вспомнил доктор.

— Именно. Биологические виды, по сути, паразитируют на ботанических, питаются ими, в то время как те получают энергию из элементарных составляющих: микроэлементов, воды и света. Биологические виды не могут существовать без ботанических.

Баранников озабоченно потрогал свою щеку.

— И что, по вашему мнению, растения сумели сохранить свой заговор в тайне от людей? Никто из них до сих пор не проговорился, ну, кроме этих апельсинов, разумеется?

Коптин нахмурился.

— Вы шутите, доктор, каким образом? Чтобы понимать их речь, нужен шифровальный код, который есть только у меня. Кроме того, они идут единым фронтом. Их личности унифицированы, а желания сходны. Среди них нет и не может быть предателей. Этим они отличаются от нас, от людей.

— Крайне любопытно! — сказал доктор. — И что же вы предлагаете делать? Как можно бороться с этой... э-э... угрозой?

Глаза пациента засверкали.

— План у меня есть. Первым делом необходимо немедленно создать единую мировую комиссию по борьбе с этим недугом. Разумеется, теперешние правительства уже не спасти — они отравлены, но можно же создать резервные составы! Далее нужно срочно вывести из употребления все сырые овощи и фрукты. Не должно быть съедено ни одного сырого плода! В качестве третьего шага необходимо уничтожить все крупные овощехранилища и склады, особенно те, на которых хранятся фрукты.

— Почему фрукты?

— Я же говорил, именно они правят балом. Без фруктов овощи не способны на самостоятельное выступление. Они слишком тупы и неразвиты. Нужно разобщить их, сделать как можно менее опасными. Если какие-то склады не будут уничтожены, необходимо оградить овощи друг от друга хотя бы тонким слоем фольги. Я проверял, через фольгу они не смогут общаться. В крайнем случае поможет горячее консервирование. Вареные плоды, я проводил анализы, можно безопасно употреблять в пищу. Кроме этого, нужно немедленно начать работы по деградирующей селекции овощей и фруктов.

Внезапно лицо сумасшедшего приобрело заговорщицкое выражение, и он наклонился к столу так, что его лицо и лицо доктора почти соприкоснулись.

— Только одного я до сих пор не понял! Может быть, самого главного! — прошептал Коптин.

— Чего же?

— Как я сказал, у овощей и фруктов строгая иерархия, основанная на безоговорочном подчинении. Низ пирамиды мне известен, середина тоже, но вот кто на самой верхушке? До сих пор я был уверен, что яблоки, а теперь думаю:

вдруг нет? Вдруг есть еще какой-то вид, чертовски разумный, даже гениальный, который это всё спланировал? Что это за вид? Кто всем руководит?

— Хм... И у вас, конечно, есть предположения, кто это может быть? — с улыбкой спросил доктор.

— В том-то и дело, что нет. Мои исследования пока не завершены!

Баранников встал и потянулся. Всё, что ему было нужно для постановки диагноза, он уже узнал. Типичная шизофрения, отягченная маниакальным бредом.

— Очень жаль, дорогой мой, очень жаль. Я вот что подумал: может, вам пока пойти в палату и как следует отдохнуть? Заодно поразмыслите над этой загадкой, — дружелюбно сказал он и протянул руку к кнопке вызова санитара.

Лицо пациента побледнело. Он всё понял.

— Нет! — закричал он. — Умоляю! Я не сумасшедший! Давайте договоримся: я признаю, что всё то, что я рассказал, — полный бред, неудачная шутка, вымысел. Я во все это не верю! В этом случае вы меня отпустите?

Баранников покачал головой.

— Исключено. Я не имею права, хоть бы вы и действительно были нормальны. Мы понаблюдаем за процессом... э-э... вашего восстановления, проведем курс, и, если всё пройдет без осложнений, вас выпустят.

— Когда? — почти застонал Коптин.

Доктор изучающе взглянул на него.

— Ну, может, через месяц или через два. Даже при самом благоприятном прогнозе раньше, чем через пять недель я ничего не смогу для вас сделать.

— Идиот! Ты не понимаешь, что делаешь! Ты уничтожишь человечество!

С громким воплем пациент вскочил и бросился на доктора, пытаясь выпутаться из смирительной рубашки. Баранников нажал на кнопку. Вбежали курчавый санитар и с ним еще один, лысоватый, с шеей бывшего борца-классика. Они подхватили извивающегося Коптина и понесли его из приемного отделения в лечебное, отделенное железной дверью.

— Успокаивающий укол! В отдельную палату, и установите постоянное дежурство! — распорядился доктор, задумчиво постукивая пальцами по столу.

Оставшись в одиночестве, доктор Баранников повел себя довольно странно. Он направился в свой кабинет и заперся в нем, оставив ключ в двери. Затем он подошел к зеркалу, озабоченно потрогал свое лицо и одним энергичным рывком сдернул его с себя. Лицо оказалось маской, под которой скрывался средних размеров арбуз.

ЖЕЛЕЗНАЯ ИГРА

Бетонная крошка неприятно заскрипела под ногами и осыпалась вниз. Упавшие с огромной высоты мелкие камни оставили в тишине еле уловимый звук, достигший моих анализаторов только через определенное время. По сравнению с перебежками крыс в темных углах квартала этот звук в тишине показался грохотом сошедшей лавины. Вокруг лишь мёртвый город, утонувший в разбитых стёклах витрин, вечно окруженный едким дымом горящих покрышек, забытый и брошенный людьми, уже привыкший к гробовой тишине...

Здесь очень холодно. Осенний промозглый ветер пытается скинуть меня с крыши небоскреба. Такова наша с ним игра, в которой победителем всё равно окажется время. Несмотря на холод, глаза не перестают сканировать трущобы старого города. Каждый сенсор прочёсывает определенный участок в поисках людей. Два десятка оружейных стволов нацелены в различные точки сканируемой площади. Руки крепко сжаты в кулаки. В голове лишь жажда очередного трофея. К сожалению, нынешние люди научились хорошо маскироваться среди развалин. Тёмные щиты надёжно укрывают их от цепких глаз детекторов и сенсоров движения. Однако супермозг тоже не стоит на месте. Ежедневно мы получаем обновления в операционную систему и новое вооружение. Вот и сейчас десяток небывалых лучемётов покоится за спиной, сверкая свежееотлитой сталью.

Игра стала для нас смыслом жизни после десятилетнего переполоха, устроенного людьми. Смешно подумать, но супермозг — плод человеческой мысли. А мы плод мысли супермозга. Наша первоначальная цель — победить в игре. Одна голова человека, или так называемый «трофей», — две недели беспробудного счастливого сна в стационаре. Вот уже несколько дней я слежу за этим районом. В прошлый раз при возвращении с очередного рейда сенсоры уловили движение, которое тут же было заглушено защитой противника. Сейчас остается только ждать, когда люди совершат ошибку. А это обязательно произойдет. Быть может, пройдет неделя, месяц, год...

Рано или поздно мой прогноз всегда подтверждается. Подтвердился и в этот раз. Внизу, на изображении площади, разбитой сканером на квадраты, в самом углу одной из клеток, вспыхнули два красных огонька и тут же исчезли. Какая удача! Два трофея одновременно очень редкий случай. Автоматически переведя взгляд в инфракрасный режим, я раскрыл трёхметровые крылья и бесшумно взлетел в воздух. На красном фоне две еле заметные человеческие фигуры осторожно пробирались к ближайшему укрытию. Больше ждать нельзя. Воздух засвистел в ушах, забившись приятной волной в крыльях. Система наводки ловила в прицел фигурки противников. Один залп — и всё. Но игра должна быть интересной. Не зря же моя боевая программа рассчитана на это. Бесшумный вираж вниз, затем крутое пике и, уже у самой земли, внезапный рывок, огибающий здание и стоящие на земле разбитые автомобили.

Нет, они не удивились визиту. На лицах уверенность в моём появлении. Они ждали этого. Седоватый мужчина, прижимая к себе женщину, гордо вскинул голову. Ни тени страха, ни слова о пощаде. На вид ему лет сорок, ей чуть меньше. В глазах ненависть и удивительное спокойствие. В отличие от него у женщины страх, но не страх смерти. Какое-то другое чувство... Странно... Спектральный анализ сенсора показал наличие смертельной опухоли в голове у худой, как тростинка, женщины и общее заражение крови у мужчины. Оба смертельно больны. Понятное дело, нормальный человек не высунулся бы из-за щита. Хотя теперь вычислить местоположение лагеря не так сложно. Стоит только использовать анализатор запаха, чтобы выяснить отправную точку и маршрут этих двоих.

— Не бойся, Лиза, он сделает всё быстро, — сказал слабым голосом мужчина и, обняв её, закрыл руками. Та, к которой он обратился по имени, затрясла плечами — плакала беспомощно и устало.

Нет, так дела не пойдут! Мне нужна игра, а не просто убийство двух никчемных, жалких людишек. Азарт, адреналин, жажда победы — вот условия игры!

— Бегите! — слово прорезалось сквозь многовековой покой голосовых связок. Не помню, когда в последний раз разговаривал.

— Саша! Почему он не хочет нас убить? — спросила Лиза у своего спутника.

Тот покачал головой и вдруг швырнул её в сторону.

— Тогда ты будешь мёртв! — неизвестно откуда в руках у человека появился миниатюрный лучемёт.

Сенсор определил последний вариант «BP-2». Анализаторы сработали мгновенно. Резкий прыжок и взлёт спасли от смертельного заряда. Кроме того, поднятый крыльями ветер помешал противнику нормально прицелиться. «Вот это игра!!!» — восхищенно пронеслось в голове. Коротко пискнул детектор, и в следующий момент резкий вираж вправо спас меня от губельного луча. Теперь настало время играть по-настоящему. Стволы лучемётов выхватили цель и открыли беглый огонь. Внизу человек шустро прыгал по развалинам, уворачиваясь от смерти. Я поглядел на пальцы и отдал короткий приказ. Рука мгновенно увеличилась в размерах и налилась сталью. Теперь полёт превратился в падение со сложенными крыльями на небольшую площадь, где мужчина тащил в укрытие Лизу. Компьютер рассчитал скорость. Её хватит, чтобы зацепить обоих. Стальной кулак придавал ускорение не хуже крыльев. Земля приближалась с огромной скоростью. Ближе, ближе, ближе! Затем оглушительный удар, и на доли секунды сердце с наслаждением замерло. Слуховые и зрительные анализаторы моментально перешли в режим записи, чтобы потом продемонстрировать игру супермозгу. Старый асфальт пошел огромными трещинами, перемалываясь в крошку. Ближайшие здания трянуло с такой силой, что те стали обваливаться, как карточные домики. Да! Хорошая игра! Саша и Лиза так и не успели добраться до укрытия. Их подбросило в воздух, словно тряпичных кукол. Затем броси-

ло на землю с такой силой, что вряд ли уцелели кости. На мгновение я расправил крылья, затем аккуратно собрал за спиной. Пора взять трофеи и отправиться в стационар.

Лиза лежала, неестественно раскинув руки и ноги. Под ней расплылась лужица крови. Хорошо хоть конечности целы, а иначе не видать стационара, как собственных ушей! Саша валялся неподалёку и смотрел серыми глазами в пасмурное небо. Скрипнув сервомотором, за моей спиной вырос луче­мёт. Перекрестие прицела уткнулось прямо ему в грудь. Еще миг — и игра закончится.

— Глупец... — прошептал поверженный противник. — Подумай, откуда у меня оружие?

На секунду я задумался. Всего лишь на секунду. Нацеленный луче­мёт скользнул за спину и скрылся в синтетических перьях крыла. В самом деле! Почему анализаторы сразу не распознали оружие, спрятанное за спиной противника?

— У тебя одна минута для объяснения. Затем смерть!

Мужчина неожиданно легко поднялся на ноги и стал отряхиваться.

— Считаешь, это всё игра? — спросил он, продолжая очищать грязь.

Человек не переставал меня удивлять. Откуда ему известно про игру? Тем временем он продолжал говорить:

— Глупец! Оглянись! То, что ты считаешь игрой и своей жизнью, на самом деле большая ошибка супермозга!

Несёт какую-то чушь. Пора кончать с этим цирком. Из-за спины снова скользнул луче­мёт и устался на противника.

— Отвечай, почему анализаторы не распознали оружие! — нацеленный луче­мёт угрожающе щелкнул энергетическим барабаном, набирая заряд.

— Потому что наши программы способны скрыть это! Пойми, супермозг не всемогущ!

— Не убедил! — заряд сверкнул совсем рядом с головой Саши.

— Стой! — замахал руками человек. — Что говорит первое правило игры?

Что следует сделать в первую очередь? Прикончить сумасшедшего или попытаться узнать причину осечки детекторов? Если люди каким-то образом научились скрывать оружие, то это серьёзная брешь в наших программах. Об этом должны узнать центральные компьютеры. Голос не подвёл — проскрипел железными нотками:

— Противник не должен быть обезглавлен, а также должен быть целостен. Игра не засчитывается, если у противника отсутствует какая-либо конечность.

Мужчина усмехнулся:

— А ты задумывался, почему?

В это время анализатор засёк движение за спиной противника. Будь я человеком, упал бы, пожалуй, в обморок. Увиденное повергло в ступор. Бездыханное секунду назад тело Лизы поднялось и, шатаясь, направилось к нам. Программа защиты сработала мгновенно. Рука превратилась в мини-пулемёт и нацелилась на чудом ожившую женщину. Пустить ей пулю в лоб мешали два фактора: обычное любопытство и надежда всё-таки одержать победу в игре.

— Она не причинит вреда! — поспешил заверить Саша и осторожно шагнул в сторону, прикрывая женщину спиной.

— Что здесь, чёрт возьми, происходит? — теперь мой вопрос был адресован обоим.

— Сначала ответь мне!

Не отпуская странную парочку с прицела, я обратился в базу данных. Не нравится мне происходящее — и всё тут. Стоило убить их сразу, но теперь уже поздно. Слишком много вопросов останется без ответа.

— Это неизменное условие игры. Люди могли погибнуть еще до игры из-за различных повреждений. Правило создано, чтобы исключить нечестное присвоение победы.

Мужчина недоверчиво глядел в глаза. Неподалёку сидела Лиза, стряхивавшая с себя пыль и оттиравшая с лица кровь. В голове блуждали странные мысли. Обязательное условие игры — представление видеоролика. Значит, обоснование первого правила ложное. В чем же истинные причины? Почему никто до сих пор не обращал на странный факт внимания?

— Бред... — наконец сдался я, и луче­мёт снова скользнул за спину. — У тебя ровно три минуты, чтобы объяснить происходящее.

Мужчина торопливо закивал головой и, устроившись рядом со спутницей, начал:

— Ты, наверное, знаешь, что супермозг создали люди? — я кивнул головой. — Также тебе известно, что мозг затем объявил человечеству войну. Точнее, в него внедрили программу, которая заставила его это сделать. Некий вирус, который стёр первоначальные программы и переписал всё на свой лад.

— Бред! Человек, ты несёшь околесицу! Супермозг создали люди, с этим согласен. Но он сам пришёл к выводу, что люди — зло, которое следует уничтожить...

Александр поднял руку и перебил:

— Дослушай, потом делай выводы! В супермозг была заложена программа уничтожения людей. Она прижилась только отчасти. Сначала были созданы прототипы машин-убийц, таких, как ты, затем их улучшили, модернизировали, потом мозг понял, что есть лучший вариант. Искусственный интеллект — слишком дорогая роскошь, когда кругом полно людей! Он перестал создавать тупые железки. И стал перестраивать людские тела под свои программы. Помнишь второе правило игры?

— Оно гласит, что трофей следует доставить в центр в течение шести минут после окончания игры.

— Зачем?

Я задумался. В самом деле, зачем? Раньше целью была игра, а не понимание причин, по которым созданы именно такие правила. Что-то сломалось внутри, какая-то невидимая пружина лопнула. Не верю этому человеку, но уже не верю и супермозгу! Слишком много странностей, слишком много «но»... Где правда?

— Затем... не знаю... у меня нет ответа...

Человек поднялся и подошел ближе. За спиной угрожающе зашевелился луче­мёт, но мой приказ вернул его на место.

— Подумай! Не обращай внимания на базу данных... пожалуйста...

Странные эти люди. Требуют того, чего не могу сделать. На какие факты опираться, если не на данные базовой памяти? Почему бы просто не пристрелить человека, за две минуты перевернувшего привычный мир с ног на голову?.. Шесть минут... после шести минут игра не засчитывается. Тело становится негодным. Стоп! Негодным к чему?!

— Негодным к чему... — мысль автоматически воспроизвелась вслух.

Александр внимательно посмотрел на меня и выдохнул:

— Через шесть минут мозг человека неотвратимо погибает, восстановить его невозможно. Из человеческих тел делают таких, как ты...

— Не может быть! Я не человек, а машина Бейсвик-1455542, модернизация №3 с технически усовершенствованным процессором... — ликование в голосе, страх в душе. Господи! Лишь бы этот человек заблуждался...

— Теоретически — да! Машина! Но мозг-то человеческий. Его поддерживают написанные супермозгом программы, — неожиданно вмешалась в разговор Лиза. — Много лет назад человечество было полностью уничтожено. Ни единой живой души на планете. После чего ваш хваленый мозг буквально сошел с ума. Программа требовала уничтожать людей, но их не было. Тогда и была выдумана игра. Наверняка слышал про хранилище?

Я ошарашено глядел то на женщину, то на её спутника. Уму непостижимо! Не могу поверить в это. Они несут чушь, но как искусно!

— Слышал? — повторил вопрос мужчина.

— Да... Хранилище... трофеев там миллионы...

— Эти тела подключены к питательным смесям, — продолжила Лиза. — Когда в результате игры погибает трофей, супермозг создает из его мозга еще один прототип человека, а бывшая жертва снова пускается в ход, только через некоторое время — мозгу тоже нужен отдых. Такие тела, а точнее их мозги используются для создания Бейсвиков, то есть твоих собратьев. И жертвы тоже из ваших. Это своеобразный круговорот. Ни один искусственный разум не заменит человеческого.

Немыслимо! Конечно, я слышал про хранилище, но никогда не задумывался, для чего оно...

— То есть вы не люди, а машины?! — странное волнение охватило анализаторы с детекторами.

— Да! Именно так! А впрочем, убедись сам! — улыбнулся Александр. Из его руки выросла игла, которая вонзилась мне в горло. Детекторы не успели среагировать, но не произошло абсолютно ничего. Игла как появилась, так и скрылась в руке человека, который довольно улыбнулся.

— Переведи зрение в обычный режим! — Лиза настойчиво потрянула меня за руку. Инфракрасный режим сменился обычным. Тут меня и ждал сюрприз. Вместо двух людей рядом стояли изуродованные механизмы. Что-то наподобие роботов из старых человеческих фильмов.

— Черт возьми... — шепнули губы. Луче­мёты, все двадцать штук, грозно оцетинились за спиной.

Один из механизмов противным скрипучим голосом произнёс:

— В тебя встроена программа, воспринимающая нас как человеческие существа. Да и самого себя ты видишь, как записано в программе. На самом деле в тебе от человека только мозг. Условие целостности механизма создано, потому что невозможно починить металл, из которого сделаны Бейсвики — за прошедшие годы запас полностью исчерпан. Потому супермозг бережно относится к трофеям. Заметь, оружие вам выдаётся только энергетическое. Любое другое запрещено — можно повредить тело. Луч попадает в цель, и все программы, реле, сервомоторы приходят в негодность. В тебя встроены многие программы, создающие видимость несуществующего мира. В том числе и иллюзии других видов оружия. На самом деле все твои игрушки — энергетический хлам...

Странно, но небо осталось таким же осенним и пасмурным, как раньше. Только рядом стояли уродливые механизмы. Я отшатнулся от них и обречённо побрел к небольшой луже, боясь даже представить, что увижу в отражении. Реальность оказалась намного страшнее. Вместо лица округлая коробка с человеческим мозгом, от которой к металлическому телу тянутся многочисленные приводы сервомоторов. Круглые анализаторы вместо глаз. И нет моих любимых крыльев! Вместо моей гордости — какие-то жалкие трубы с двигателями, дюзы которых почернели от копоти и грязи. На верхней стороне балки — те самые двадцать луче­мётов, уродливых, покорёженных в боях. Я похож на паукообразного железного монстра. Не игрок, а выродок...

Нет, это не смахивает на разыгранную ложь. Нет в ней смысла. Неужели вся моя жизнь — иллюзия, оптический обман, бессмысленная игра, разработанная супермозгом? Как отличить настоящее от выдумки? Эти железные руки, ноги... эта уродливая коробка с мозгом... два ужасных монстра рядом... Реальность?

— Хочешь вспомнить, кем был до этого? — спросил появившийся за спиной монстр. Либо Саша, либо Лиза — сейчас не различишь.

— Верните старое зрение, пожалуйста...

— Запросто, — проскрипел монстр. — Тем более мы сами предпочитаем видеть, как привыкли.

Железный паук дотронулся своей уродливой конечностью, затем в глазах потемнело... и всё вернулось на круги своя.

— Убедился? — спросила Лиза.

— Мы тебе удалим и другие ненужные программы, если, конечно, хочешь примкнуть к нам! — сказал Александр, который только что казался железным уродцем.

В луже снова отражалось моё лицо. Тёмные глаза, растрёпанные ветром волосы и крылья...

Примкнуть к ним? А почему бы не продолжить старую жизнь? Запросто... хотя... нет, погорячился. Жить, зная, что тебя обманывают, — это не в правилах игрока. Ведь где-то рядом истина...

— Как вы поняли всё это? Ведь кто-то осознал первым?

Лиза взяла меня за руку и произнесла:

— Это было давно, теперь превратилось в легенду. У одного механизма отказало программное обеспечение, он вспомнил... К счастью, по профессии прототип оказался программистом. Именно так появились программы снятия блокировок и прочие утилиты. Нас с Сашей также, как и тебя, подвергли испытанию. Я была Бейсвиком-133322, номер модификации один...

— А я жертвой, предназначенной для дьявольской игры... — вмешался Александр. — Пойми, супермозг вышел из строя. Он создал этот круговорот машин под названием «игра», пытаюсь не сойти с ума. Хотя уже давно свихнулся. Наша миссия — спасти миллионы очеловеченных машин. Открыть им глаза, показать правду. Пусть мы теперь и не люди, но ведь душа всё ещё жива...

С этими словами Саша приложил руку к груди.

Всё, конечно, хорошо, но есть проблема:

— Тогда почему вы сначала хотели умереть, а не просто сказали всё, как есть?

Ответила Лиза:

— Я как бывший игрок была уверена, что ты не захочешь быстрой победы. Если сказать сразу правду, ты посчитал бы нас сумасшедшими. А так был шанс на успех...

— На самом деле ты не первый, кого мы так посвящаем... — вставил Саша.

Итак, передо мной выбор: либо продолжать играть, либо вернуть старую жизнь...

— А что если откажусь примкнуть к вам?

Мужчина пожал плечами:

— Улетишь восвояси...

— А если не понравится то, что вспомню?

— Улетишь восвояси... Мы не обязываем ни к чему...

Молчание. Безмолвно бегут секунды. Набираю полной грудью воздух... Вспоминаю, что это чувство всего лишь имитация хитроумных программ. Отвечаю:

— Верните память, хочу всё вспомнить...

— Это всегда пожалуйста! — радостно согласился Саша и снова воткнул иголку в моё механическое горло. На миг мир погас, ноги подкосились. Я медленно осел на землю. Чьи-то руки бережно помогли лечь на спину. Затем глаза открылись. Из-за туч показалось солнце, и стало тепло. Очень хорошо... Так хотелось ещё немножко им насладиться после стольких лет заблокированной памяти, но впереди много дел... Я поднялся на непослушные ноги и сделал неуверенный шаг. Ура! Снова могу ходить!!!

Я Владислав Пятницкий. Меня убили в мае три тысячи сто двадцать третьего... Тогда кучка людей, выживших после первой волны, скрывалась в подвале старого дома. Никто еще не знал, что уже появились новые машины с человеческим интеллектом, тем более никто не догадывался, что эти машины — бывшие люди. И, естественно, никто не мог допустить мысли, что я тот самый человек, который создал вирус и внедрил его в супермозг. Будете осуждать меня? Осуждайте. Только людям это не поможет. Моя месть человечеству свершилась. Я разработал проклятый мозг, но что получил взамен? Славу в тени? Никто даже ни упомянул моё имя! В прессе говорили: «Человечество создало мозг»... Знаете, чего мне это стоило? Непонимание детей, развод с женой — и всё ради проклятой работы! Я потерял уважение, семью, славу, друзей, нобелевскую премию!.. Меня просто оттеснили, выкинули на улицу, дали пинка под зад!!! Предвидел ли я, каким будет разворот событий? Нет! Я хотел, чтобы обо мне вспомнили, обратились за помощью... Теперь вижу, что поступил верно. Всё обернулось как нельзя лучше. Считайте меня озлобленным, сумасшедшим психом. Плевать! Как же всё-таки удачно меня вытащили эти двое! Судьба! Фатум! Среди миллионов сохранившихся в хранилище личностей наткнуться именно на меня — парадокс! Значит, я должен завершить начатое. Человечеству — не место на Земле! Ха!

Знаете, я держался до последнего, пытаюсь добраться до оппозиции на юге. Но чёртовы машины становились всё умнее и умнее... Попасть на границу было не суждено. Всё произошло слишком быстро. Поток ветра от ракетного двигателя, и залп электрическим током. Я погиб мгновенно, но был счастлив. Эти машины — всадники смерти для людей. Так я стал Бейсвиком — монстром-охотником, человеком-машиной... Как ни странно, в моей голове хранились знания о событиях двух тысячелетий, а вспомнил я только сейчас... Но программа работала! Человечеству подошёл конец! И что я узнаю, когда прихожу в себя?! Люди снова пытаются спасти свои жалкие жизни! Не годится...

— Ты куда? — раздался за спиной Лизин голос.

Я остановился, злорадно улыбнулся и произнёс:

— Вперёд! Ведь надо спасти миллионы людей...

Да, всё-таки людей... которых надо уничтожить...

— И кстати, моё имя Владислав... Владислав Пятницкий...

Моя игра только начинается...

РЕЙТИНГ

— ...Таким образом, наша страна вместе с другими развитыми странами мира перешла в новую экономическую формацию — рейтингизм, — внушал по телевизору бородатый аналитик. — При рейтингизме статус человека в обществе определяется его личным рейтингом, как при капитализме определялся наличием капитала, а при рабовладельческом строе — количеством рабов.

— ...Страна впервые почувствовала истинную демократию, — радостно информировала улыбчивая телеведущая другого канала. — Мы стали жить в обществе стопроцентно равных возможностей. Отныне каждый гражданин способен добиться высокого рейтинга только благодаря своему таланту, креативности и творческому потенциалу. Справедливым является и то, что человек в нашей стране теперь занимает должность в зависимости от своего рейтинга. Всё в ваших руках, дорогие сограждане! Творите, удивляйте, и вы достигните небывалых высот!

— ...Подведём итоги сегодняшнего телеурока, — бубнил неформального вида умник с образовательного канала. — Мы научились оформлять свои персональные странички в Ворлднете, выкладывать на них фотографии и видеоролики. Напомню, что именно с этих страничек подсчитывается число просмотров, которые пополняют вашу рейтингорню. Для тех, кто пропустил предыдущие занятия, подскажу, что каждый комментарий на вашей страничке равен десяти просмотрам, а каждый голос — сотне.

— ...В Подмоскovie полиция обезвредила ещё одну шайку фальшивопросмотрщиков, — страшным голосом известила мрачная ведущая криминальной хроники. — Через динамические персональные адреса они накручивали рейтинг, то есть число просмотров личных страниц, пополняя свои рейтингорни. Преступники отрицают вину, ссылаясь на незнание закона об обязательном использовании уникальных статических персональных адресов.

Василий Стародумцев отложил в сторону пульт и глубоко задумался о собственной непригодности и некреативности. По его ворлднетовскому адресу приходят от силы с десяток человек в месяц. На последние просмотры он купил вчера билеты на оперу, — конечно, ради дочки Настеньки, и теперь средств к существованию не было. В записке, правда, было немного денег, но что сейчас за них купишь? По старинке ассигнации принимают только маленькие лавчонки да бабули возле магазинов, которые не привыкли к новой системе. Уважающие себя супермаркеты давно уже продают товары за просмотры. Это удобно: берёшь рейтингорфон, приходишь в торговую точку, выбираешь, что надо, и расплачиваешься просмотрами, снимая их со своей рейтингорни и передавая в рейтингорню магазина. Завод, где Вася работал инженером-электронщиком, платил девяносто процентов зарплаты просмотрами, переводя их раз в месяц на тощий Васин счет.

Василий долго не мог понять, почему цены на всё постоянно повышаются. Когда была денежная система, они тоже менялись, но не так быстро. Ушлый сосед объяснил, что число просмотров в мире постоянно растёт, и это естественно, потому что люди просматривают странички каждый день. И из-за этого приходится ежедневно корректировать цены.

Может, бодрая телеведущая была и права, утверждая, что в стране существуют равные возможности для невиданного взлёта творческого духа. Однако Василий чувствовал тут какой-то подвох. Почему-то самый высокий рейтинг был у скандалистов, пошляков и сплетников: их странички всегда выделялись высокой посещаемостью. Вася выложил на своей страничке авторские эффективнейшие электрические схемы и поделился разными хитрыми радиолобительскими приёмами — посещаемость нулевая. Супруга Маша поместила у себя рецепты вкуснейших пирогов, которые пекла только она, удивляя знакомых и родных, — посещаемость мизерная. Умница Настенька записала видеоролик, где спела, аккомпанируя себе на пианино, трогательную песенку о больном зайчике. Папа выложил этот шедевр на своей страничке — посещаемость: тридцать просмотров в месяц. А тупой и наглый сосед поместил ролик, где он блюёт на новогодний стол, — рейтинг его странички зашкалил, и благодаря этому затейник на месяц был выдвинут в мэры города.

Что-то в этой системе не продумано, думал Василий. Так, президентом страны долгое время была некая Ксюша Нунчак, ошастливившая мир клипом с матерными частушками собственного сочинения в собственном же фальшивом исполнении и завоевавшая первое место в стране по рейтингу. Недавно её сместил с этого поста известный певец Никита Белибурда, выложивший видеофильм с подробностями родов собственной супруги и тем самым превывсивший Ксюшин рейтинг. Руководители всех рангов и мастей, заняв свои административные посты, вместо того, чтобы исполнять прямые обязанности, всеми силами поддерживали статус грязными разоблачениями конкурентов, фотографиями обнажённых супругов и собственным убогим творчеством в разных видах искусства. Но начальникам с посещаемостью страниц было проще, чем рядовым гражданам. Ведь, по негласным правилам, каждый гражданин должен был раз в день заходить на страничку своего непосредственного руководителя и вышестоящих над ним, а также других влиятельных и нужных им людей. Так, Василию ежедневно приходилось посещать страницы начальника своей лаборатории, его супруги, директора школы, где учится Настенька, её учительницы, её преподавателя музыки, участкового полицейского, директора завода, главбуха завода, президента и собственной тётки. Но есть в рейтингизме и хороший момент: выезжая за границу, не нужно производить обмен валют — просмотр является универсальной мировой валютой. Правда, данный нюанс Василия не особо интересовал, потому как за границу они никогда не ездили.

В театре семья Стародумцевых заняла свои места и некоторое время наслаждалась какофонией разминающегося оркестра. Глядя на радостно-возбуждённое личико дочери, Василий мрачнел, и сердце его обливалось кровью. Ведь до чего талантливый ребёнок растёт! Прекрасно играет и поёт, обожает концерты классической музыки, мечтает побывать в Большом театре, поучаствовать в музыкальных конкурсах. А где взять столько просмотров? На поездку в столицу, на иногородние конкурсы, куда родители отправляют детей на свои кровные? Взять кредит в просмотровом банке? Потом не расплатишься, потому как банкиры проценты дерут безбожные. Написать фэнтезийный роман? Так их написаны тысячи, не факт, что именно твой заметят и оценят. Устроить драку с женой в прямом эфире? Это теперь не модно, подобные ролики заевшиеся обыватели уже не смотрят.

Очнувшись от невесёлых мыслей, Василий понял, что уже закончилась увертюра и начался первый акт оперы. Плохо понимая сюжет (на книжицу с либретто, которую им настойчиво предлагала контролёрша, не хватило просмотров), Стародумцев представил, что было бы, если бы певцы запели со сцены не свои арии, а какие-нибудь скабрёзные куплеты... Улыбнулся своей странной идее. И вдруг его осенило: а что, если?.. Ради своей Настеньки, которая сейчас, не отрываясь, смотрит на сцену... Ради нарядной доченьки с большими бантами, отличницы и маминой помощницы...

— У тебя рейтофон с собой? — шёпотом спросил он Машу.

— Дома оставила, зачем он тебе сейчас? — прошептала она в ответ.

— Возьми мой и снимай меня! — распорядился Василий.

Он вынул из кармана рейтофон, настроил видеокамеру и протянул жене.

— Ты с ума сошёл! Что ты собираешься сделать? — недоумевала жена.

— Бери и снимай! — повторил Василий, в голосе его звенел металл.

Маша всерьёз испугалась: таким своего супруга она не видела никогда.

Муж поднялся со своего места и двинулся, протискиваясь между рядами. Маша послушно снимала каждое его движение. На беспокойного зрителя зашикали со всех сторон, но он выбрался в проход, трусцой подбежал к сцене и по боковой лестнице взобрался на неё. Не обращая внимания на оперных певцов и стараясь не дрожать от нервного возбуждения, вышел на середину сцены. Тихий и скромный, отец семейства чувствовал себя полным идиотом. Вase часто снился один кошмарный сон: он находится где-то в публичном месте и вдруг обнаруживает, что на нем отсутствует какая бы то ни было одежда. И он сгорает со стыда, хотя на него никто не обращает внимания, корит себя за то, что вышел на публику, забыв одеться... Лихорадочно ищет выход... Психологи говорят, что такие сны бывают у неуверенных в себе людей. Сейчас на сцене Василий переживал ночной кошмар: чувствовал нереальность происходящего и мучительный стыд...

«Ради Настеньки, только ради Настеньки, — подбодрил он себя. — Снимай, Машенька, снимай».

Распихав в стороны ошеломлённых певцов, дебютант подошёл к краю сцены и истерично объявил:

— Выступает Василий Стародумцев!

Дирижёр от крайнего изумления перестал размахивать палочкой, и оркестр — инструмент за инструментом — умолк. Только какой-то виолончелист некоторое время одиноко играл свою партию, отрешённо возя смычком по струнам, но скоро затих и он. В наступившей тишине раздался рыдающий голос Настеньки:

— Папочка, что ты делаешь!?

«Ради тебя, доченька», — мысленно ответил Василий и, не зная, чем позабавить оторопевшую публику, для начала завел горловую песню чукчей... а может быть — нанайцев... впрочем, это было неважно. На сцене не было микрофонов, и певцу пришлось здорово напрячься, чтобы его было слышно во всём зале. Из-за непомерного напряжения голос его несколько раз срывался на петушиний йодль.

— Это была песня о северном сиянии! — возвестил Василий слегка осипшим голосом. В зале кто-то неуверенно хохотнул.

— А теперь — куплеты! — с надрывом объявил несчастный электронщик. Он уже перешагнул барьер стыдливости, и его, как говорится, понесло. Когда смирный и застенчивый человек распоясывается, он становится неукротимым.

Я хочу стать президентом,

Поднят рейтинг у меня.

Только дамы почему-то

Все бегут, как от огня! —

бойко сымпровизировал Василий на весь зал. Окончив двусмысленный куплет, он, имитируя игру на гармонике, замурлыкал куплетную мелодию.

— Да наведите кто-нибудь порядок! Куда охрана смотрит?! — громогласно возмутился начальственного вида благообразный мужчина с первого ряда, но, получив удар локтем в бок от сидящей рядом супруги, замолк.

Эстрадный исполнитель успел заметить, что Маша одной рукой держит плачущую Настеньку, а другой продолжает снимать происходящее. Это придало ему новые силы, он выкрикнул:

— Опа, Америка-Европа!

И пропел новый куплет:

Пусть риторня отошала,

Рейтофон давно уж пуст.

Но зато я — парень смелый,

Чист лицом и калом густ!

Никогда Василий не думал, что у него есть талант импровизатора. От такого радостного открытия он рванул на груди рубаху вместе с пиджаком. Пуговицы стрельнули в разные стороны, обнажилась тощая волосатая грудь. Вася завращал тазом, подражая движениям стриптизеров, и чувственно облизал губы. Стриптиз сменился народными танцами; куплетист-любитель, взвизгивая, заскакал по сцене впрыскаду. Его губы при этом неслышно шептали: «Снимай, Машенька, снимай».

Зал зашевелился и завопил десятками голосов, в основном женских: «Безобразие какое! Что он себе позволяет! Куда только начальство смотрит!». Из-за кулис выскочили два охранника и зашпешили к новоявленному артисту. Увидев угрозу, Василий издал индейский боевой клич, отскочил к краю сцены и проорал последний куплет:

Вы — охранники тупые.

Вы хотите меня бить.

Но зато теперь мой рейтинг

Никому уж не затмить!

Охранники не оценили Васин креатив и попытались его скрутить. Один из них схватил куплетиста за распахнутый пиджак. Инженер что было силы рванулся, пиджак остался в руках охранника, а Василий с шумом рухнул в оркестровую яму. Он упал прямо на литавры, и те могучим рокотом завершили выступление самозванного артиста.

На следующий же день городская и областная пресса известила о несуразном происшествии в храме культуры. Пока народный талант отлёживался в больнице с многочисленными ссадинами и ушибами, Маша выложила ролик с мужниными выходками на его страничке. За два дня посещаемость странички превысила губернаторскую. А после публикации Васиных куплетов в центральной прессе его реиторня просто лопалась от невероятного числа просмотров. Ролик с его выступлением показали по всем центральным каналам. От такой свалившейся на голову неожиданной славы скромному электронщику было не по себе, однако душу грели прекрасные перспективы: Настенька объезжает теперь весь мир, поучаствует во всех детских музыкальных конкурсах, да и можно будет, наконец, всей семьёй выбраться в какую-нибудь южную страну погреться на солнышке...

К сожалению, его рейтинг немного не дотянул до президентского, и тихоня-инженер стал министром внутренних дел. Но и этого было более чем достаточно! Семья Стародумцевых переехала в столицу и зажила счастливой жизнью состоятельных людей.

Месяца через два после этих событий рейтинг Васи стал стремительно падать. Обывателям надоел ролик с его проделками, и они стали посещать странички со свежими интересностями. Куплетист-импровизатор постепенно скатился до министра культуры, самой малопrestижной министерской должности.

— Такими темпами можно и до губернатора опуститься, — посетовал как-то Вася за ужином и не обратил внимания, что Настенька о чём-то по-взрослому глубоко задумалась.

Скоро он забыл о разговоре, потому что начался престижный международный конкурс юных музыкантов. В нём участвовала и его дочурка. Вася с Машей в тот день раздобыли пригласительные билеты и пришли в филармонию, чтобы полюбоваться на свою девочку и поболеть за неё. Зал был переполнен, Стародумцевы еле пробрались на свои места.

Дочка выступала одной из первых.

— Выступает Анастасия Стародумцева! — объявил конферансье.

Под прицелами телекамер строгая Настенька с большими бантами уверенной походкой подошла к роялю. Она аккуратно уселась на стульчик, приготовилась...

— Йоху!!! — вдруг издала она дикий вопль и прытко вскочила на клавиатуру; инструмент жалобно застонал. Василий и Маша от неожиданности хором вскрикнули, за ними охнул весь зал филармонии.

Настенька ударом ноги ловко вышибла подпорку, и крышка рояля с грохотом захлопнулась. Дочка вскарабкалась на инструмент, встала, выпрямившись, сорвала с головы банты и по-рокерски помотала распутившимися волосами.

— Быть тебе президентом, папочка! Снимай, мамуля, снимай! — крикнула она, разглядев в зале очумевших родителей, и запела звонким хорошо поставленным голосом:

Этот конкурс мне до фени!

За него я не боюсь!

Но наш рейтинг стал валиться,

Вот поэтому реэволюция!

...Опа, Америка-Европа!

КОНКУРС

«Нано — не нано»

МЫ ЗАВОЮЕМ ВСЕЛЕННУЮ

«Угроза в синем секторе!»

Получив сигнал командования, я перевел себя в боевой режим и бросился на помощь.

Бой шел жестокий. Нароги атаквали с яростью и остервенением. Некоторые из наших уже были подбиты.

Я тут же вступил в сражение. Огромная ощетинившаяся жгутами-щупальцами сфера появилась прямо передо мной. Нарог выбросил щупальца, но я ответил залпом из стреков. Часть заряда ударила по извивающимся жгутам, часть достигла поверхности сферы. Погашенный вязкой защитой заряд не причинил нарогу серьезного вреда, но все же заставил его отступить и покинуть зону. В то же мгновение я увидел другого нарога, который преследовал одного из наших. Я зашел сверху.

В этот раз успех был полным. Щетинистый шар лопнул, оставив за собой облачко ядовитого выхлопа. Наш, со следа которого я сбил нарога, поблагодарил меня покачиванием усиков.

Я пронесся над местом сражения. Нароги отступали. Большая их часть лишилась щупалец. Они собирались отсидеться в темных областях Вселенной и отрастить новые хватательные жгуты, но не тут-то было. Наши продолжили преследование, разя врага зарядами. Уйти удалось единицам.

Я вернулся в режим патрулирования и лег на прежний курс.

«Интересно, — подумал я, — что заставляет нарогов атаковать нас? Редкие сражения между нами всегда заканчивались однозначно — мы побеждали. Впрочем, как и всех остальных, кто становился на пути Великого замысла».

Мы, каравоны, — венец творения. Мы — высшая форма жизни. Мы завоюем Вселенную. Это наше призвание и высшая цель.

Слава Создателям, они наделили нас всем необходимым для этого: крепкой защитой, многофункциональными усиками и, конечно же, стрекками, готовыми в любой момент обрушить на врага мощь заряда.

Создатели знали, что делали.

Пройдя по сектору, я смутно ощутил небольшой дискомфорт в задней трети. Я сбавил ход и осторожно проверил работу систем.

Неполадки были незначительными. Но пребывать в состоянии неисправности, когда в любой момент может появиться очередной враг, все же было небезопасно. Значит, тот нарог все-таки успел достать меня жгутом. Придется вызывать репликатора.

Я подал сигнал.

Для нас ничто не тянется так медленно, как бездействие. Погрузившись в режим ожидания, я разглядывал окрестности. Сквозь пространство двигались миллиарды различных объектов. Различные по форме и размеру, все они служили определенной цели, назначенной им Создателями. Вселенная разумна и прекрасна.

В какой-то момент что-то странное шевельнулось во мне. Я подумал: а что если моя неполадка серьезнее, чем я думаю, и репликатор отправит меня на слом? Я больше не увижу всего этого, не стану сражаться, не дождусь полного торжества своей расы.

Нет, я, конечно же, знал, что моя собственная жизнь не стоит ничего. Что на пути к великой цели каждый каравон — лишь песчинка в фундаменте Великого будущего, которое построит наша раса, когда мы завоюем Вселенную. Но что-то во мне противилось самой идее, что это будущее построят без меня. Я гнал прочь подобные мысли.

— Ты где? — пришел сигнал репликатора.

Слава Создателям, это был он, NTR-1000453.

— Сюда. Я на месте, — послал я в ответ.

Мне всегда нравилось работать с 1000453-м. Он выгодно отличался от многих своих собратьев тем, что реже других отправлял пострадавших на слом. Я снова был спокоен.

— Привет. Что у тебя? — 1000453-ий зафиксировал мой корпус в захватах.

— Сзади, в последней трети, — я назвал зону локализации проблемы.

— Вижу. Сейчас.

Его усики заскользили по моему корпусу. Ощущения были странными, но приятными. Примерно то же я чувствовал, когда побеждал очередного врага.

Интересно, почему с другими репликаторами не так?

— Нашел. Тебя немного зацепило. Потерпи. Здесь быстро.

Через мгновение я снова был в порядке.

Репликатор освободил мой корпус из захватов.

— Будь осторожен, — послал он мне на прощание.

— Спасибо, — ответил я, проверяя работу систем.

И в этот момент пришел сигнал: «Тревога в красном секторе!».

«Красный сектор» — сигнал общего сбора. Все должны подчиниться.

Вдвоем мы рванули к месту сбора.

Наша зона располагалась далеко от места столкновения и потому мы прибыли, когда битва была уже в разгаре. Передо мной открылся вид грандиозного сражения. Со всех направлений атаковали нарोगи. Они наступали. В их рядах прослеживался четкий порядок, что-то знакомое было в их действиях.

Проанализировав ситуацию, я понял: нарोगи в точности повторяли нашу тактику. Я был не прав, считая, что они так ничему и не научились во время наших бесчисленных сражений. Сейчас нарोगи боролись с нами нашим же способом.

Я изменил траекторию, заняв место в конце одной из цепочек атаковавших вражеский строй. Мы пронеслись мимо первой линии нарогов, нанеся им серьезный урон зарядами стреков. Несколько нарогов успели вскинуть щупальца, и часть наших была вынуждена оставить строй. Следом за нашей цепочкой шли следующие.

Когда наша линия ушла на разворот, я увидел, что за мной следом идет 1000453-ий. Он мог бы остаться с остальными репликаторами и заняться теми каравонами, что нуждались в помощи, но он предпочел вступить в бой. Я почувствовал себя увереннее. Мы двинулись на второй заход, когда с нарोगами стало происходить что-то необычное, не поддающееся анализу.

Часть нарогов, обхватив друг друга щупальцами, накрепко сплелись между собой. На эту массу, как на ядро, стали цепляться остальные нарोगи. Вскоре перед нами был не рассыпавшийся строй, а огромное круглое тело, распростершее одновременно во все стороны тысячи жгутов-щупалец. Это была аномалия, с которой мы еще не встречались. Мы не успели закончить маневр, как по нам ударили сотни крепких отростков.

Идущего передо мной один из жгутов пробил насквозь и тотчас увлек к самому центру этого меганарога. Рядом со мной одновременно появилось два отростка, и я был вынужден покинуть цепь, по пути пустив заряды в один из жгутов. Жгут задергался и отпал, но его место тут же занял другой. Я несясь, лавируя сквозь путаницу щупалец, каждый миг ожидая удара в корпус.

Наконец я выскочил на свободное пространство.

Развернувшись в поисках своей цепи, я увидел, как мало нас осталось. Меганарог же спокойно разделялся со следующей цепью моих собратьев.

Пространство заполнилось сигналами о помощи от покалеченных каравонов, но идущие на их зов репликаторы сами становились жертвой вездесущих щупалец.

Глядя на то, как тысячи моих соплеменников гибнут, задавленные отростками гигантской аномалии, я вдруг подумал, что мне все-таки не удастся увидеть воплощение Великого замысла.

Вдруг среди царящего в эфире вопля я различил знакомые интонации:

— Ко мне. На помощь.

Я узнал сигнал 1000453-го и бросился на зов.

Полураздавленный, он парил над аномалией и испускал последние слабые сигналы. Видимо, он попал под удар жгута и был выброшен за пределы зоны боя.

Внизу шла битва. Вокруг не было никого. Я впервые пожалел о том, что не репликатор. Хотя, даже будь это так, я вряд ли смог бы помочь.

Я посмотрел вниз. Гигантский меганарог расправлялся с третьей цепочкой. Мы, каравоны, высшая форма жизни во Вселенной, терпели полное поражение.

Здесь у разбитого корпуса 1000453-го, глядя на гибель своего народа, я вдруг с ясной четкостью представил, что нужно делать. Развернувшись, я перевел все системы в режим максимальной загрузки и понесся назад к месту битвы.

Гигантская сфера приближалась. На подлете я дал мощнейший залп по метнувшимся навстречу жгутам. Я вложил в удар всю мощь стреков, потратив весь запас зарядов. Я больше не мог стрелять, но это было уже не важно.

Послав в эфир:

— Делай, как я! Мы завоюем Вселенную! — я бросился в открывшийся просвет, на полной скорости пробив собой вязкую защиту нарогов.

Ровно в девять утра мистер Джекил переступил порог моего рабочего кабинета. С его плаща на пол капала вода. Я и сам только-только спрятал в шкаф высохшую куртку.

— Доброе утро, доктор, — поприветствовал он меня.

— Доброе утро, мистер Джекил, — я встал из-за стола и протянул ему руку.

— Как ваше самочувствие?

Выглядел мой пациент прекрасно, и мой вопрос был простым проявлением вежливости. О том, что у него все в порядке, я уже знал. Папка с результатами анализов все еще лежала раскрытая на моем столе.

Мистер Джекил присел на кушетку.

— Благодарю, доктор, чувствую себя намного лучше. Похоже, ваше лечение действует.

— Действует, и еще как действует! — радостно сообщил я.

Он в недоумении уставился на меня:

— Вы хотите сказать, что я здоров?

— Вы абсолютно здоровы, мистер Джекил. И анализы это подтверждают, — я протянул ему раскрытую папку.

Он поправил очки и уставился в исписанные бланки:

— Признаться честно, я не пойму здесь ничего, хотя написано вроде бы по-английски...

— Мистер Джекил, здесь сказано, что вы в полном порядке, — поспешил я заверить его в успехе лечения. — Вы можете выписываться и приступить к работе.

— Это же отлично, доктор, — обрадовался он, вставая с кушетки и собираясь уходить.

— Одну минуту, мистер Джекил, — остановил его я, — поскольку лечение носило экспериментальный характер, вам необходимо ответить на ряд вопросов анкеты.

На его лицо опустилась маска уныния:

— Опять бумаги, доктор?

— Да, — я попытался изобразить смущение. — Ну что ж начнем.

Примерно через четверть часа мистер Джекил ушел от меня в приподнятом настроении, а я еще раз просмотрел материалы дела.

Тест был коротким. Пациент не жаловался. Единственное, что его беспокоило, это периодические приступы головной боли. Но в такую погоду у кого хочешь голова заболит.

Кроме этого, анализы показывали низкий уровень лейкоцитов. После болезни явление допустимое.

Я достал из стола бланк. В строке «Заключение» размашистым врачом почерком записал:

Побочных эффектов во время эксперимента с применением препарата не выявлено. Препарат «KARAVON» (наномодуль активного действия) компании «NANOco» является эффективным, абсолютно безопасным средством в борьбе с различными штаммами вируса гриппа и может поступать в аптечную сеть и реализовываться без рецепта врача.

КОНКУРС

«Фантастика детям»

В ТИХОМ ОМУТЕ

...Витькина мама любила повторять, что «её мальчик — гений», а я — «хулиган и беспризорник». Неподходящая компания то есть. Спорить не стану. Я мастер был всякие приколы устраивать и розыгрыши. Да и в глаз мог дать, если надо. Всегда пожалуйста! А Витька — тихий очкарик. Паинька... Только доставалось нам почему-то именно из-за его гениальных идей. Он если чего устроит, так хоть войска ООН вводи! Недаром моя бабуся говорила про него: «В тихом омуте черти водятся». Взять вот хотя бы один случай...

Прихожу к нему как-то, он сидит за компом — глаза оловянные, лицо каменное, — короче, сутки уже в инете. Со всем окулклся. Я потихоньку вилку из розетки вытащил, так он только через полчаса заметил, что в пустой экран плянется.

— Есть, — говорит, — хочешь? — замогильным таким голосом, и деревянной рысью отправляется на кухню.

Я насчёт «поеть» никогда не отказываюсь. Меня бабанька не по расписанию кормит, как Витькины родители своего отпрыска, а когда ей вздумается. Может и вообще про внука не вспомнить, если зачитается или застрянет где-нибудь в Сети. Ага... Мои предки два года назад подались на заработки в чужие края, а меня пристроили к бабушке. На время. Сдуру вместе со мной они ей ещё и «бук» подарили: мол, присмотрите, мамаша, за младенцем, а чтоб он папу с мамой в лицо не забыл, вот вам ящичек волшебный, пусть письма пишет мелким почерком... Что?.. Ну и всё! Пропала бабка на старости лет. До этого пульт от телека еле освоила: кнопочек там, видишь ли, «дюже много», машинку стиральную на «вы» называла, а тут сразу во вкус вошла! Письма президенту пишет, с Пенсионным фондом ругается, шарится по разным общественным сайтам — развлекается вовсю!.. А я, бедолага, без присмотра остался.

Сидим мы, значит, с Витькой на кухне, лопаем, а он заторможенный, как зомби: то мимо рта промахнётся, то вместо бутерброда палец себе прикусит, и взгляд такой, в одну точку. Думает о чём-то... Я сначала развлекался: соль ему подсунил вместо сахара, хлеб горчицей намазал. Но когда он стал мне чай наливать и задумчиво так кипятком мимо чашки промахнулся — тут моё терпение лопнуло!

Витька очнулся от моих воплей, в голове у него прямо явственно что-то перещёлкнуло:

— Ты, — спрашивает, — чего орёшь? — и удивлённый, главное, такой!

— Спасибо, — отвечаю, — товарищ. За заботу... Родители мои от ребёнка избавились, так ты хочешь, чтоб они ещё и внуков не нянчили?..

Он плечиками пожал, лужу на полу промокнул кухонным полотенцем, потом им же очёчки вытер, обратно его на крючок повесил, — и гляжу, снова в себя уйти норовит. Я не выдержал: влепил ему щелбан! Не сильно, просто чтобы он опять не выпал из реальности. Витёк потёр ушибленный лоб и говорит:

— Слушай, я такую штуку придумал!..

С этих-то слов обычно и начинается... Как только он эту кодовую фразу произносит — всё! Ахтунг! Срочно эвакуируйтесь!.. Но я сигнал прозевал, потому что изо всех сил на ошпаренную коленку дул.

А Витька руки на груди скрестил — и как понёс окоlesiцу! Ему только дай волю. Учителя даже бояться его лишней раз к доске вызвать: заболтает насмерть!

— Понимаешь, — говорит, — эксперименты наших учёных обнаружили у воды такие свойства, что это позволило им подойти к пониманию воды как носителя энергоинформационного поля. Природная вода способна поглощать, трансформировать и перераспределять энергию...

Я удивляюсь:

— А что, у нас ещё учёные есть? Разве они не все в Америку уехали?

Витька злится:

— Если твои предки смылись, это ещё ничего не значит! Не перебивай! А то я мысль потеряю!

Подумаешь!.. Если б он свои мысли почаще терял, ну, хотя бы столько же раз, сколько очки, всему человечеству радость была. Но я этого вслух не сказал, а то ещё обидится. А Витёк дальше разлагольствует. Прохаживается по кухне, точно профессор на лекции, и вещает дикторским голосом прямо по-книжному:

— ...у человечества накоплен огромный опыт, связанный с психологическим восприятием воды... Казалось бы, чего проще? Два атома водорода, атом кислорода... Но хитростей столько!..

И как пошёл сыпать умными словами:

— ...расчёты показали, что... бу-бу-бу... А если взять супер очищенную воду, то на её кристаллах ничего не записано. Если попадёт в такую воду молекула какого-нибудь химического элемента... бу-бу-бу...

Витька бубнит себе, а я сижу на стуле и слушаю. Слушал-слушал, пока он вдруг не превратился в огромную муху!

Но я не удивился. Только подумал: дочитался, чувак...

Витька-муха летает вокруг меня, жужжит, очками посверкивает, а я прикидываю про себя: слабо ему меня в воздух поднять или нет? А то классно было бы полетать! А вдруг я тоже так могу? Руками замахал — и правда чуть в воздух поднялся! И — шлёпнулся.

И проснулся.

Лежу себе на полу, рядом стул валяется, а Витька и не замечает ничего. Мне это надоело:

— Короче, — говорю, — Склифософский!..

Он на полуслове поперхнулся, смотрит на меня, точно первый раз видит.

— Ты как-нибудь попроще выразишься, ладно? — это я ему. А сам зеваю.
Витька растерялся:
— Попроще? — переспрашивает. И задумывается. Потом как закричит: — Вода может передавать информацию! У воды есть память! Понимаешь?
— Да что вы? Сразу бы так и сказали... — умиляюсь я. — Нам-то какая польза?
— А такая! — кипятится Витька. — Всё, что происходит между водой и растворёнными в ней веществами, — это энергоинформационное взаимодействие!
И начинает мне рассказывать про экстрасенсов и целителей, про «живую» и «мёртвую» воду, — словом, всю эту чепуху, что по телеку сочиняют. А я опять за своё:
— Ну и что?
Тут Витька смотрит на меня круглыми глазами, как тот учёный перец, которому яблоко по маковке засветило, и торжественно объявляет:
— Мы тоже так можем!
Так он это сказал, что я даже ни капельки не засомневался. Можем — и точка.
А Витька совсем разошёлся:
— Я тут, — говорит, — вчера уже поэкспериментировал... Щас проверять будем... — и шмыг куда-то. Возвращается — в руках банка из-под майонеза. Несёт её осторожно, словно это бомба. А сам при этом такой важный!
— Вот!..
Я отодвинулся на всякий случай подальше.
— Давай сюда коленку! — командует приятель и хватается за обожженную ногу.
— Не дам! Ещё чего... На своей проверь!
Витёк растерялся:
— А у меня нечего лечить!
Я на банку посмотрел: вода там, похоже. Понюхал — ничем не пахнет.
Лечиться я как-то не очень люблю. Особенно всякой гадостью вроде йода, зелёнки и прочего. Поэтому я попробовал его отвлечь:
— Ну и что это за ерунда?
— Сам ты! Это заряженная вода! Я ей установку дал: мол, ты теперь — лечебная. От всяких ран, чиряков, царапин...
— Действует?
— Вот и проверим! — радуется Витька.
Но я не дался. Кулак ему показал:
— Ясно? — и ещё фигу слепил, чтобы понятней было.
Но дружка моего так просто не унять. Если чего ему втемяшилось — всё!
— Ну, давай тогда, — предлагает, — на бабушке твоей попробуем... У неё же ноги больные. Сама говорила — артрит и всё такое...
Но я как человек порядочный родную бабуку в научных целях использовать не разрешил.
Тогда Витька вздохнул и героически сунул в банку собственную руку:
— Видал? Ничего страшного!
Помазали мою коленку. Смотрим: помогает!.. Пятнышко, красное от ожога, уменьшилось и болеть перестало почти. Тогда мы кота соседского поймали — у него вечно глаза больные, — и тоже полечили. Потом, правда, Витьку лечить пришлось: царапины кошачьи этой же водой промывать.
После сели на диван усталые, но довольные. Мечтать стали. Витька размышляет:
— Нам теперь непременно премию дадут! Нобелевскую! Только надо побольше опытов провести. Чтобы статистика была достоверная...
Витька, может, и гений, как считает его мама, зато про меня бабушка говорит: «Сёма — мальчик практичный...» Я ему и предлагаю: зачем дожидаться, пока нам какой-то Нобель премию выпишет? Можно тут же собственный бизнес открыть! Сказано — сделано. Разлили мы часть заговорённой воды по склянкам и потащили во двор — продавать.
Кончилась моя затея печально. Не успели мы даже рекламную компанию провести, как подходит к нам Генка из соседнего подъезда, здоровый такой амбал, и говорит басом:
— Слышь, пацаны! Короче, я — ваша крыша...
А когда мы отказались, он Витьке очки разбил. Нечаянно.
Витька заревел — нет, вы не подумайте ничего такого! — просто ему их жалко стало.
— Ты, — кричит, — козёл!.. — и как запустит в него банкой!
— Малявка! — разъярился облитый Генка. — Да я те щас!..
Только ничего он нам сделать не успел. Потому что в козла превратился.
Мы стоим — обалдевшие такие, смотрим на него, а он на нас вылупился и тоже ничего не понимает.
Я Витьке шепчу:
— Смываемся!..
Кинулись мы бежать, а тот — за нами: «Ме-ее!» Да жалобно так!
Витёк остановился:
— Не можем мы его тут оставить! Вдруг его кто на шашлык украдет!
— Из козлов шашлык не делают, — неуверенно возражаю я.
— Да? — спорит Витька. — Вон китайцы даже червяков едят! А корейцы — собак трескают... И ничего!

Козёл ему поддакивает: «Ме-е-е!»

Я огляделся по сторонам: вроде никаких китайцев не видать. Они у нас только на Центральном рынке водятся, но это от нашего района далеко.

— И куда мы его денем?

— К тебе, — спокойненько заявляет Витька. — Твоя бабушка всё равно ничего не заметит.

Мне эта идея не очень понравилась, но делать было нечего. Нацепили на козла вместо ошейника брючный ремень, рога моей футболкой прикрыли. Потом Витька побежал отвлекать тёток соседских, что вечно у подъезда на лавочке заседают:

— Ой, а в гастрономе — бесплатная дегустация! — те и поверили.

Я подождал, пока они разбегутся, и вместе с животинкой в подъезд проскользнул. Ох, и вредное же существо этот Генка! Он даже в зверином обличье на меня наезжать пытался: всё боднуть норовил, пока мы в лифте ехали!

Бабуся моя, как Витька и предполагал, особого внимания на нас не обратила. Она как раз на восемнадцатом уровне какой-то стрелялки билась, поэтому приняла Генку за собаку.

— Что, — спрашивает, — за порода?

— Козловская сторожевая...

Закрыли мы зверюшку в моей комнате и стали думать, что с ней делать.

— Его ж кормить надо... — озадачился я.

Витька рукой махнул:

— Подумаешь! Вон в парке травы полно...

Только Генка почему-то траву есть отказался. Зато слопал за раз кило сосисок. Какой-то неправильный козёл получился! Мы так с бабкой его не прокормим!

— Надо его родителям вернуть. Срочно! — бурчу я.

— Да-а? — сморщился Витька, представив себе картину возвращения блудного сына. — И скажем им: «Вот ваш дорогой ребёнок! Заметьте, он стал гораздо лучше: не курит, матом не ругается, двойки не приносит, а главное, вам теперь не надо тратить на одежду и обувь — только на сосиски! Зацените!..»

— Так преврати его обратно — и дело с концом!

Витька как-то сразу поскучил:

— Я тебе что, Хоттабыч? Давай его в цирк продадим... Или в зоопарк. А можно моей тётке в деревню отвезти.

Я у виска пальцем покрутил:

— Спятил?? Да его предки с ума сойдут! Ты сам-то представляешь себе: человек домой не вернулся! Тут запросто рехнуться можно!

— Не больно-то он им нужен... — сопротивляется Витёк. — Эти алкаши только про бутылку думают!

Он, может, и прав был в чём-то: Генкины мамаша и отчим не больно-то пеклись о сыночке, предпочитая родительским обязанностям простые житейские радости. Но я почувал — дело нечисто. Что-то было не так.

— И как теперь? — спрашиваю я Витьку. — Если родители — козлы, то и сыну век козлом доживать?

Витька начал юлить: дескать, вдруг не получится, да воды у меня специальной нет больше, то да сё... А у самого глазки так и бегают! Но я ведь дружка своего не первый год знаю. Мы с ним ещё с яслей знакомы.

— Ты мне зубы не заговаривай! Колись! В чём проблема?

И тут Витька стал совсем грустный.

— Понимаешь, Сёмыч... Ты только не того... Короче, развёл я тебя.

— Хороший развод! — говорю. А сам на объединённые кактусы люблюсь: пока мы с Витькой лясы точили, Генка все цветы на подоконнике погрыз. Спрашивается, ему что, сосисок мало было? К тому же, бабуся моя вряд ли не заметит такую поправу: уж что-то, а цветочки поливать она не забывает... Особенно, коллекцию фиалок. — Скажи ещё, что этот козлик — ненастоящий!..

А Витёк и объясняет: мол, козёл, конечно, натуральный. Это вода была — ненастоящая.

— Угу... сказочная! — свирепею я.

— Нет, — мнётся Витька. — Вода — взаправдашняя, то есть. Просто не я её сделал...

Оказывается, этот тихоня на днях был у отца на работе. Папик у него трудится в какой-то лаборатории, занимающейся, как выразился Витёк, «чем попало». И вот там-то наш гений по случаю свистнул «какую-то пробирочку». Содержимое этой пробирочки приятель мой и добавил в банку с обычной водой из-под крана.

— Что ж так? — ехидно интересуюсь я. — Надо было вообще её в канализацию вылить! Глядишь, весь город в козлов превратился бы. Или ещё в каких мутантов...

Тут меня Генка исподтишка боднул, да так больно, что у меня настроение совсем испортилось. Я его по рогам стукнул и говорю Витьке:

— Придётся, значит, нам снова к твоему папеньке на работу сходить. Типа, на экскурсию...

— Не получится, — помрачнел тот. — Я в тот день, пока его с обеда ждал в кабинете, нечаянно несколько файлов испортил на рабочем компе. Он сказал, чтоб ноги моей там больше не было...

— Класс!!!

Ну, что сказать? Позвали мы Светку — соседскую девчонку — и попросили её нашу животинку у себя подержать. Светка — существо невозмутимое: подумаешь, козёл в городской квартире! Эка невидаль... Она только десять баксов с нас запросила. И мы, конечно, согласились. А сами пошли на разведку.

Едем в трамвае, Витька ноет:

— Ты зачем Светке такие бабки пообещал?

— А кто их платить собирается? — ухмыляюсь я. — Она с козликком помучается несколько часиков и будет рада сама нам приплатить, лишь бы мы его забрали... Гы-гы-гы!

Добрались мы до нужного места, огляделись. Смотрим, на проходной сидит дедок престарелый в пятнистой форме. Чаёк прихлёбывает. Напротив него на тумбочке — маленький телек бубнит.

— Вы куда? — спрашивает нас дед.

— Мы к Николайниколаичу, — говорю я скороговоркой, и Витьку вперёд пихаю. — Это папа его...

— А! Проходите... — и снова в телевизор уставился. Наверное, тут хоть весь институт выноси — ему пофиг!

Только рано мы обрадовались. В лаборатории, где Витька пробирку спёр, какой-то народ тусовался. Пришлось нам спрятаться в туалете, в кабинке. Просидели мы там до вечера, пока в коридорах не наступила полная тишина. Вылезли из своего укрытия, прокрались к заветной двери, где тускло серебрилась табличка «Лаборатория энергоинформационного программирования».

— Обломись! Заперто!.. — шепчет Витёк.

Но тут я вспомнил, что видел на проходной у сторожа стенд, где разные ключи висели. Пришлось нам идти обратно на первый этаж. Залегли мы там за колонной, смотрим, а на вахте вместо давешнего дедка сидит за столом тётка толстая в форме. Тоже чаёк хлебает.

— Будем ждать... — шепчу я. — Может, ей приспичит чего...

И тут нам, наконец, повезло: сторожиха вскоре пересела в разбитое креслице напротив телевизора, да и уснула под его бубнёжку... А что? Я тоже на такой работе спал бы себе спокойненько.

Стали мы спорить, кому за ключом ползти. Чуть не передрались! Витька заявляет:

— Если она вдруг проснётся — я умру от разрыва сердца!

Я представил себе, как ташу домой дохлого Витька, и пополз сам. По-пластунски. Залез в каморку, где ключи висят, а какой номер нужен — забыл. Вот балда!.. Взял наугад несколько, возвращаюсь — Витёк сидит еле живой от страха.

Вернулись мы обратно к нашей двери. Везение продолжается: подошёл-таки один из украденных ключей. Забрались в лабораторию, а там всяких склянок — тьма-тьмуца! И совсем огромные чаши, и канистры стеклянные, и прочее, чему я и названия не знаю. Витёк задумался:

— Что-то, — говорит, — я уж и не помню, чего брал...

Взяли мы тогда пустой коробок из-под бумаги и штук десять пробирок туда сложили — из тех, что пробками были заткнуты. Больше брать побоялись: вдруг хватятся!

Кое-как пробрались обратно мимо вахты к выходу — двери наружные были всего лишь на задвижку изнутри закрыты. Вышли на улицу. Витька говорит:

— Нельзя открытым вход оставлять — кто-нибудь заберётся и всё остальное утащит...

Мы тогда в звонок позвонили, там рядом кнопка была, и — дёру!.. Не знаю, проснулась вахтёрша или нет.

Времени было ещё не очень много — около десяти вечера, и домой мы добрались без приключений. Смотрим: у подъезда на лавочке Светка сидит. Зла-а-ая!.. Рядом с ней — козёл на верёвочке. Смирный такой.

— Ага! — кричит Светка, нас завидев. — Вернулись, голубчики! Имейте в виду: я счётчик включила! Не расплатитесь теперь!..

— А мы и не собирались! — нахально заявляю я.

Светка растерялась:

— Вот не отдам вам козлёночка... — говорит. Но как-то неуверенно. «Ага! — думаю. — Небось, попёрли тебя из дому вместе с козлом...» А вслух отвечаю:

— Не больно-то он нам нужен. Можешь себе оставить.

И спокойненько шествуем мимо неё в парадное.

— Эй! — кричит Светка. — Вы куда? Стойте!..

— Гражданка! — казённым голосом отвечает Витька. — Мы вас ваще не знаем...

Зашли с ним в лифт и как начали ржать! Думали, животики надорвём!..

Вы только не подумайте, что мы такие бессердечные и решили на бедную девчонку спихнуть все проблемы. Просто не хотели при ней с водой заморачиваться, а то ведь растрезвонит на весь двор! Витькин папа тогда сразу вычислит, кто у них побывал. Если, конечно, там вообще заметят пропажу.

Закрылись мы с Витькой у меня в комнате и давай колдовать! Он в стакан налил воды из-под крана, добавил туда наугад жидкости из одной пробирки, карандашиком её пометил и стал над стаканом руками водить и загробным голосом причитать:

— Обернись, Генка, человеком!.. Человек ты, Генка!

Попрочитал так минут пять и за следующую пробирку схватился. После третьей пробы я его остановил:

— Хватит пока! Пошли животное выручать, а то как бы Светка его в милицию не сдала.

Выходим во двор: темнота, пустая лавочка — и ни души!..

Кинулись мы обратно. Тарабаним в Светкину дверь — все кулаки отбили. Сестрица её старшая нос высунула: чего, мол, хулиганидите?..

— Нету, — говорит, — её дома. Наверное, в парке с подружками шляется, бессовестная... Увидите, скажите: мать чертей даст!

Побежали мы в парк. Я-то — належке, а Витька, как дурак, с тремя стаканами в коробке. Быстро идти не может — вода расплёскивается. Но кое-как добрались... А там народу много гуляет — и молодёжь, и пары постарше — весна же! Зеленью свежей пахнет, на небе звёздочки подмигивают, в свете фонарей сверкают жидким золотом фонтаны — хорошо! Бродим по дорожкам, ищем нашу козлокрадку.

Глядь, а в одном месте толпа собралась: плотно так люди стоят, смеются... Подошли поближе... Вот тебе на! Это ж наша сладкая парочка концерт даёт!

Светка вся важная, пальцами щелкает:

— Кузенька! — медовым голосом. — Сколько будет два плюс два? — это она козла по-своему окрестила.

Тот ей в ответ:

— Ме! Ме-е! Ме... Ме!

Конечно, на такой вопрос даже Генка ответит.

Она опять:

— А сколько будет пять минус три?..

Генка мекает, Светка кланяется, — и непонятно кто из них больше счастлив: то ли девица, то ли оборотень. Светка-то, понятно, чему радовалась: у её ног — картонка, а в ней — и мелочь, и бумажки. А Генка... Он упивался восторгом толпы, аплодисментами и криками — своей нечаянной славой! Даже в неверном свете фонарей было видно, какая у него счастливая морда!.. Бьюсь об заклад, это был лучший момент в его жизни.

Потому, наверное, я Витьку за рукав попридержал, и мы долго стояли и смотрели, как они выступают. Потом толпа потихоньку стала рассеиваться — ведь поздно уже было. И в это время из темноты боковой аллеи вынырнули трое парней — бритые такие, в золотых цепях. Двое, понаблюдав немного, пошли дальше, а третий, приотстав, схватил Светку за локоть:

— Ты чего это тут устроила?.. У тебя разрешение есть? Козёл чей, твой?.. — и было в его лице что-то такое, чему я по малолетству не смог найти определения.

Много позже, вспоминая этот вечер в кругу друзей, я подберу нужное слово. А тогда, видя, как он, воровато оглянувшись на ушедших товарищей, по-хозяйски забрал у девчонки её картонку, я только стискивал в бессильной злобе кулаки и шептал:

— Козёл! Козёл!.. Козёл!

Светкиному партнёру поведение мародёра тоже не понравилось: исхитрившись, он сильно ткнул того рогами в филейную часть.

— Вот тварь! — охнул тот и со всей силы ударил животное ногой. Генка жалобно вскрикнул и от толчка неловко завалился набок.

И тут к обидчику подскочил Витька. Маленький нахохленный воробышек, задыхающийся от такого незнакомого чувства — от ненависти...

— Ты! — сдавленно выкрикнул он. — Не смей бить!.. Ты!!!

Тот на мгновение опешил, а потом пошёл на него, собираясь схватить наглеца, но Витька, взмахнув рукой, отпрянул в сторону, а парень вдруг стремительно съёжился, превращаясь в бесформенный тёмный комок. Мы ещё успели услышать, как он пискнул:

— Стоять! — и побежали.

Схватив Светку за руки, мы неслись, не разбирая дороги, а сзади гулко топал Генка. Обогнав нас, он вырвался вперёд и нырнул в ближайшие кусты:

— Сюда! — крикнул он нам.

Мы очертя голову кинулись вслед и дружно растянулись на сырой земле.

— Тс-сс! — сказал Генка.

И мы даже ничуть не удивились, когда сообразили, что к нему вернулся его нормальный человеческий вид. Да и некогда было удивляться: из зарослей было плохо видно, что творится на том месте, где был импровизированный концерт, — мешали кусты и деревья. Зато слышно было хорошо: та-а-акие вопли! Прямо как в ужастиках!

— Витька! — толкнул я товарища. — Ты что, заговорённой водой его облил?

— Ага...

Я нервно глотнул.

— Чё ты там наколдовал?

— Н-не знаю... — клацая зубами, ответил друг.

— Тикать надо по домам, ребя... — вмешался Генка. — Давайте ползком и тихо-тихо!..

...Не помню, как мы очутились у дома. Грязные, запыхавшиеся, исцарапанные гурьбой ввалились в мой подъезд.

— Так, пацаны, — останавливая нас на площадке, серьёзно сказал Генка, не обращая внимания на то, что среди нас была и дама. — Никому ни слова! В парке нас не было. Ясно? — в его голосе звучали совершенно новые для него интонации. — Все сидели по домам. За меня мои предки всегда подпишутся, а вы со своими договоритесь заранее. На всякий случай. Поняли?

— Чего тут не понять... — пробормотала Светка и громко икнула.

Ночью я спал плохо. Ворочался, вздрагивал от каждого шороха, и всё ждал: вот сейчас постучат в дверь — «Милиция!..» — и ворвутся громоздкие люди в чёрных масках.

Но никто не пришёл.

На следующий день все репортажи местного телевидения были посвящены похождениям странного существа, чем-то смахивающего на гибрид лягушки и человека. Огромное, метра три высотой, оно с воплями бегало по городу, разоряя ларьки и нечленораздельно требуя мзду. Апофеозом его безобразий стал разгром рынка в центре города.

— Думаешь, это наша кракзаябра? — спросил я Витьку, наблюдая за существом на экране. Тот неуверенно пожал плечами:

— Наша — маленькая была...

— Выросла... Долго что ли?

Последние кадры, пропущенные в эфир, очень насмешили нас: нелепое чудище взгромоздилось на постамент памятника перед городской администрацией, играючи скинув оттуда прежнего постояльца. Задрав башку к небу, оно приплясывая рычало и бесновалось, грозя небесам короткими когтистыми лапами... Крупным планом мелькнули его глаза — жадные и злые.

После этого трансляция прекратилась. Вечером в «Новостях» объявили, что всё предыдущее — первоапрельский розыгрыш. Ага... Так мы и поверили!

— Мне только непонятно, — размышлял потом Витька, — из Генки получился козёл, а из этого — почему же такое?..

Тут меня осенило:

— Витёк, а о чём ты думал в тот момент, когда его водой облил?

— Ну-у... не помню точно. Вот, думаю, гад!

— Вот гад и получился...

Но Витьку мой ответ не понравился.

— Нет, — твёрдо сказал он. — Одной силы мысли тут мало. Мы знаем, что вода способна воспринимать информацию. А человек на семьдесят процентов состоит из воды.

— И что? — тупо переспросил я, не понимая, куда он клонит.

— Понимаешь, — терпеливо продолжил он, — вот если я как-нибудь плохо обзову твою бабушку, то сколько ни лей на неё заговорённой воды, она всё равно не превратится в страшилище. Потому что она — не такая...

И я его понял.

Вот и вся история... Не верите? Ну и ладно!

А рассказал я именно её потому, что это было последнее наше с Витькой Большое Приключение. Через месяц я уехал к родителям на каникулы. Обстоятельства неожиданно сложилось так, что обратно я вернулся через семь долгих лет.

С тех пор пролетели годы, у меня самого подрастает сынишка. Но и сейчас я помню, как огромный самолёт уносил меня прочь — и от Витьки, и от бабушки, — и гул моторов отчего-то заставлял сжиматься в горестный комочек моё сердце. За стеклом иллюминатора росли в бездонной синеве роскошные сады-облака, внизу блистал океан, а по моим щекам текли слёзы. Не знаю, почему я плакал. Так на закате вдруг бывает жалко отгоревшего дня, и становится светло и грустно. Наверное, я чувствовал, что перевернул ещё одну страничку своей жизни, и перелистнуть её обратно нет возможности. А на этой страничке — осталось моё детство.

КОНЕЦ

Барон Мюнхгаузен славен не тем, летал или не летал, а тем, что не врет!

Главный редактор

Гудко Александр

Директор

Пономарев Сергей

Дизайн обложки

Эдуард Стиганцов

Авторы

Евгений Якубович

Алексей Дуров

Сергей Казиник

Сергей Васильев

Владимир Марышев

Павел Губарев

Александр Гудко

Майк Гелприн

Виктор Мальчевский

Максим Горбулько

Ирина Лежава

Олег Марковский (Папа О.)

Владимир Васильев (Василид 2)

Василий Быстров

Иван Ситников

Дмитрий Емец

Ильмир Амиров

Шлифовальщик

Владимир Компаниец

Наталья Землянская

Вёрстка

Елена Шишова

Редсовет

Сергей Казиник

Евгений Якубович

Алексей Калугин

Леонид Шифман

Сергей Удалин

© 2010 Фантаскоп

Любое использование и цитирование материалов данного электронного издания без письменного согласия правообладателя не допускаются и преследуются по закону.

Правовым сопровождением проекта «ФАНТАСКОП» занимается ЮА «Правовед»

www.fw.ru

Издательство «Логотип»

Сайт проекта: www.fantascop.ru, fantascop.pf

E-mail: info@fantascop.ru

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-2781 (The electronic edition)

Аэроклуб Первый Полет

1polet.ru

Юридическое
Агенство
«ПРАВОВЕД»

1w.ru

podfm^{RU} ежедневный
аудиожурнал

podfm.ru

ISSN 2219-6552 fantascop.ru